

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЕ
НАУЧНЫЕ ЗАПИСКИ

I-2016



НОУ ВПО «Региональный открытый социальный институт»

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЕ НАУЧНЫЕ ЗАПИСКИ

№ 1

2016

Курск



ПРОВИНЦИАЛЬНЫЕ НАУЧНЫЕ ЗАПИСКИ

2016. №1

Научный журнал

Основан в 2015 г.

Выходит два раза в год

Учредитель: НОУ ВПО
«Региональный открытый
социальный институт»

ISSN 2411-0736

Редакционный совет:

Председатель: В.Н. Петров, канд. ист. наук, доцент, ректор РОСИ.

Члены редакционного совета:

Акперов И.Г., д-р экон. наук, ректор ИУБиП (Ростов-на-Дону), Апанасенок А.В., д-р ист. наук, доцент, проректор по науке и международным связям РОСИ (Курск) (заместитель председателя), Ващенко А.А., д-р экон. наук, профессор, ректор ВИБ (Волгоград), Воронина Н.Ю., канд. филос. наук, профессор, ректор СаГА (Самара), Закс Л.А., д-р филос. наук, профессор, ректор ГУ (Екатеринбург), Зернов В.А., д-р тех. наук, профессор, ректор РосНОУ (Москва), Иванов В.С., д-р экон. наук, профессор, президент МУБиНТ (Ярославль), Карпов Е.Б., д-р психол. наук, профессор, ректор ТИЭИ (Тула), Козлова Т.И., канд. юр. наук, профессор, ректор ИПиП (Санкт-Петербург), Львович Я.Е., д-р техн. наук, профессор, президент ВИБТ (Воронеж), Миннибаев Е.К., д-р ист. наук, профессор, ректор ВЭГУ (Уфа), Мухаметзянов И.Ш., д-р мед. наук, профессор, ректор КСЮИ (Казань), Никулин В.А., д-р техн. наук, профессор, ректор КИТ (Ижевск), Тарасова Е.Е., д-р экон. наук, профессор, первый проректор БУКЭП (Белгород), Ходжаев А.Г., д-р пед. наук, профессор, ректор СИУ (Смоленск)

СОДЕРЖАНИЕ

От главного редактора.....	5
ЭКОНОМИКА. УПРАВЛЕНИЕ.....	6
<i>Кликунов Н.Д., Петров В.Н.</i> Человеческая жизнь как нематериальный актив: методология и методы оценки.....	6
<i>Ежова Т.В.</i> Социальные последствия и компромиссы глобальной Информатизации.....	13
<i>Шлеенко А.В., Волкова С.Н.</i> Особенности прогнозирования экономического развития современного мира.....	20
<i>Золотарев А.А., Телегина О.В., Шалимов И.В.</i> Современные тенденции и пропорции развития сельского хозяйства региона.....	26
<i>Рудых А.С.</i> Основы финансовой грамотности на фондовом рынке.....	31
<i>Каблучков Е.Ю.</i> Повышение финансовой грамотности молодежи как актуальная проблема современности.....	34
<i>Холодова М.А., Куприянова И.Ю.</i> Совершенствование контроля качества автодорог при использовании инновационных технологий.....	37
<i>Подлесных И.В., Пудякова И.С.</i> Северный фас Курской дуги – новый туристический кластер Курской области.....	40
ОБРАЗОВАНИЕ. ПЕДАГОГИКА. ПСИХОЛОГИЯ.....	44
<i>Апанасенок А.В.</i> Развитие научно-исследовательской работы студентов в вузе: современные вызовы.....	44
<i>Ежова Т.В.</i> Информационная культура как важнейшая компетенция в современном информационном обществе.....	50
<i>Ахметзянов Л.М.</i> Электронная информационно-образовательная среда в вузе: состояние, проблемы.....	57

Редакционная коллегия:

Главный редактор –

В.Н. Петров, канд.ист. наук, доцент

Зам. главного редактора –

А.В. Апанасенок, д-р ист. наук,
доцент

Члены редколлегии:

Гребенщикова Е.Г., д-р филос. наук,
доцент

Должиков А.А., канд. техн. наук,
доцент

Касаткин В.В., д-р техн. наук, про-
фессор

Кликунов Н.Д., канд. экон. наук,
доцент

Лагутин И.Б., д-р юр. наук, доцент

Мягкова Е.Ю., д-р филол. наук,
профессор

Сафонов В.Н., д-р. юр. наук, доцент

Терновский Д.С., д-р экон. наук,
доцент

Ходусов А.Н., д-р пед. наук, профес-
сор

Отв. секретарь –

Кравченко С.А., канд. пед. наук.

Адрес редакции:

305009, г. Курск, ул. Маяковского,
85.

Телефон: (4712) 34-38-48

Факс: (4712) 34-38-48.

E-mail: nio@rosi-edu.ru

Макет обложки: В.В. Ситников

Верстка: А.А. Бескровный

Подписано в печать: 27.03.16

Формат 60×84/8.

Отпечатано: «Деловая полиграфия»,

305029, г. Курск, ул. К. Маркса, 61 Б

Бумага офсетная. Усл. печ. л. 20.

Тираж 300 экз. Заказ №90 Цена

свободная.

© Региональный открытый социаль-
ный институт

Волкова С.Н., Пашкова М.И., Шлеенко А.В.

Особенности изучения учебных дисциплин альтернативной
методикой «серпантинном из центра»..... 62

Липатова Л.Г.

Компетентностный подход при исследовании социально-
психологической адаптации личности к современным
экономическим условиям..... 65

Кравченко С.А., Апанасенок Е.С.

Формирование нравственно-эстетических качеств личности
младшего школьника средствами русского народного творче-
ства как педагогическая проблема..... 70

Кононова С.А.

Внешкольное образование как социально-культурный
и педагогический феномен дореволюционной России..... 75

Жданов А.А.

Соотношение понятий «я-концепция» и «самосознание»..... 80

Воробьев А.Н.

Курс «Формирование предпринимательской культуры
общества: европейский опыт и российская практика» – шаг к
взаимному сближению и развитию..... 85

ИСТОРИЯ..... 91

Петров В.Н.

Союз обреченных: из истории печати врангелевского
Крыма..... 91

Красильникова Е.И.

Коммеморативный аспект октябрьских торжеств в Сибири
(1920–1945 гг.): постановка проблемы..... 98

Апанасенок А.В.

Традиционалистские стратегии «оздоровления» России нача-
ла XX века как предмет для исторического
исследования: к постановке проблемы..... 106

Крыжан А.В.

ЧП районного масштаба (к социальному портрету местных
советских чиновников 1930-х годов)..... 113

Верижников А.Н.

Части особого назначения Орловской губернии в борьбе с
бандитизмом и антисоветскими выступлениями..... 118

Емельянова Е.И.

Подготовка кадров сельскохозяйственного производства в
период социально-политической трансформации общества
(1985–2000 гг.): к историографии вопроса..... 123

Денисова М.А.

Влияние образования на повседневную жизнь горожан в
1920-е годы (на примере г. Курска)..... 131

Бунин А.Ю.

Кадровый состав приходского духовенства Курской епархии в
начале XX века..... 136

Дудина И.С.

Из истории конфессиональной культуры Курска:
церковная активность православных верующих
в 1940-е-1960-е гг..... 139

Черников А.В.

Сербия летом 1914: провокатор или жертва?..... 145

ПРАВО.....	154
<i>Свеженцева О.Л.</i> Национальное законодательство в свете применения решений Европейского суда по правам человека.....	154
<i>Самойлов А.В.</i> Место механизма совершения преступления в системе науч- ных категорий криминалистики.....	157
<i>Самойлов А.В., Тригуб О.М.</i> Предмет доказывания и криминалистическая характеристика преступлений: соотношение понятий.....	162
СОБЫТИЯ.....	166
На пути к новому качеству высшего образования: запуск Международного научно-образовательного проекта «Развитие прикладных исследований посредством учебной и инновационной кооперации» (Брюссель, 19 февраля 2016 г.).....	166
Научно-практическая конференция «Традиционная духовная культура России: из прошлого в будущее» (Курск, 30 марта 2016 г.).....	167
К сведению авторов	169

От главного редактора



Уважаемые коллеги!

В апреле 2016 г. нашему изданию исполняется год. Возраст для научного журнала, конечно, совсем небольшой. Однако можно констатировать, что мы успешно пережили самый ответственный период, связанный с организационным и академическим становлением. Журнал своевременно индексируется РИНЦ, приобрел базовую аудиторию авторов и читателей, регулярно цитируется другими российскими печатными органами. Материалы «Провинциальных научных записок» (особенно те, которые касаются курских реалий) охотно читаются не только исследователями, но и практиками – государственными служащими, работниками образования. Все это дает надежду на дальнейшее поступательное развитие.

В представляемый вниманию читателей выпуск вошли публикации, посвященные прикладным вопросам экономики и управления, проблемам модернизации российского образования, малоизученным страницам отечественной истории, а также развитию права. Это предметные области, которые для журнала постепенно становятся традиционными. Авторы выпуска представляют Курский государственный университет, Юго-Западный государственный университет, Курскую государственную сельхозакадемию, Курский институт менеджмента, экономики и бизнеса. Их географию в масштабах России на сей раз дополнили Новосибирск и Орел.

Приятно отметить, что многие материалы имеют непосредственную прикладную значимость. На последующих страницах, например, предлагаются конкретные «рецепты» активизации научно-исследовательской работы студентов в современном вузе, повышения уровня финансовой грамотности молодежи, а также формирования предпринимательской и информационной культуры. Интересны авторские оценки перспектив хозяйственного развития Курской области, а также имеющиеся в разделе «Право» уточнения важных юридических дефиниций. Редколлегия надеется, что сочетание теоретического анализа и практических предложений на страницах журнала окажется интересным широкому кругу наших читателей.

*Ректор РОСИ,
кандидат исторических наук,
Почетный работник высшей школы
В.Н. Петров*

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

УДК 336.01

Н.Д. Кликунов, канд. экон. наук, доцент, ЧОУ ВО «Курский институт менеджмента, экономики и бизнеса» (Курск) (e-mail: nklikunov@yandex.ru)

В.Н. Петров, канд. ист. наук доцент, НОУ ВПО «Региональный открытый социальный институт» (Курск) (e-mail: petrovs.family.46@gmail.com)

ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ КАК НЕМАТЕРИАЛЬНЫЙ АКТИВ: МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДЫ ОЦЕНКИ

В статье дается анализ и критика методологических концепций человеческой жизни как нематериального актива. Анализируются различные методы оценки человеческой жизни и с их помощью калькулируются различные оценки стоимости жизни «среднестатистического» жителя Курской области

Ключевые слова: оценка человеческой жизни, ресурсный метод, затратный подход, субъективный подход, самооценка, жизнь как нематериальный актив, компенсации в случае смерти

Если предметом изучения экономистов являются отношения, складывающиеся в процессе взаимодействия людей между собой, то вопрос конечной цели этих отношений является довольно неопределенным. Явным и неявным образом экономические модели максимизируют полезность, получаемую индивидом в процессе взаимодействий с другими людьми [1, Глава 6, с. 225-243]. Но если все эти «полезности» концентрируются непосредственно в самом индивидууме, возможность смерти нивелирует процесс максимизации: «Зачем стремиться к чистой выгоде, если завтра все умрут?»

Одним из вариантов ответа на данный фундаментальный вопрос является замена понятия «индивид» на понятие «род». Если отдельно взятый человек смертен, то его род (дети, внуки, правнуки и т.д.) является бессмертным объектом для экономического анализа и в этом случае жизнь отдельного человека может рассматриваться как дисконтированная сумма чистых выгод, которые род получает от жизни отдельно взятого индивида. Хотя, как отмечает Томас Шеллинг «далеко не все согласны с тем, что ценность жизни может быть измерена путем непосредственного сопоставления издержек и выгод» [9, с. 860].

Признавая валидность данного подхода, можно свести ценность отдельно взятой человеческой жизни к оценке ожидаемых положительных (или отрицательных) внешних эффектов, порождаемых деятельностью того или иного индивида в течение оставшейся жизни. Однако в этом случае возникает проблема трактовки данного внешнего эффекта.

Следует подчеркнуть, что данное методологическое замечание ведет к тому, что традиционные подходы к оценке, как то:

- совокупный пожизненный доход (среднедушевой пожизненный доход человека);
- средний ВВП на душу населения;
- совокупный пожизненный доход и средний ВВП на душу населения, скорректированные исходя из вероятности смерти в том или ином возрасте;
- общественные издержки на воспроизводство человека;
- баланс накопленных и потребленных человеком материальных благ и услуг [8]

будут давать завышенные оценки человеческой жизни. Завышенные оценки будут возникать из-за того, что при данных объективных подходах учитывается ожидае-

мый доход или аналогичный экономический параметр, который бы получал индивид, останься он в живых, а нас интересует параметр «чистый доход», т.е. доход индивида за вычетом затрат на самого себя или затрат, не имеющих отношения к процветанию рода.

Примерами подобного рода инвестиций в свой род, приводящих к увеличению ценности жизни, являются инвестиции в детей, в социальный капитал, репутацию индивида, которая будет оказывать положительное влияние на фамилию в целом, приобретение имущества, переходящего по наследству и т.д.

Данный подход делает актив «человеческая жизнь» отличным от других нематериальных активов, таких как патент, copyright, торговая марка, франшиза, страховой полис и т.д. Ценность бизнес-активов определяется правильной калькуляцией ожидаемых потоков доходов, которые они будут порождать, а ценность человеческой жизни должна сводиться к той внешней пользе, которая будет получена близкими индивида и его потомками

Особенностью актива «человеческая жизнь» является то, что рыночные цены, устанавливаемые в порядке добровольного

волеизъявления, как правило, отсутствуют. В ситуации узаконенного рабства или крепостничества наблюдаются довольно низкие значения оценок. Так, если верить Н.В. Гоголю, то в его поэме «Мертвые души» Павел Иванович Чичиков попадает к помещице Настасье Петровне Коробочке и предлагает ей продать 20 мертвых душ за 15 рублей. Далее идет торг, в ходе которого читатель узнает, что Коробочка продавала мед по 12 рублей за пуд (т.е. 16 кг.) и двух крепостных девок по 100 рублей за девку. Если перевести данные ценовые соотношения на современные деньги и исходить из стоимости 1 кг. меда в 200 рублей, то цена крепостной девки составит около 27 тысяч рублей [4], аналогичные расчеты приводятся и другими авторами, например, [6, слайд № 53].

Следует обратить внимание на то, что отмена рабства или крепостного права приводит к увеличению размера компенсаций за смерть отдельного индивида. В таблице 1 представлены некоторые размеры выплаченного возмещения семьям погибших при гибели людей в России и США.

Таблица 1. Размер компенсаций, выплаченных семьям погибших, при катастрофах XXI века [8]

Чрезвычайное происшествие	Размер выплаченного возмещения семьям погибших
Катастрофа в Московском метрополитене (2014)	2 000 000 руб.
Обрушение строящегося дома в Таганроге (2012)	из областного бюджета – 1 000 000 руб., от Администрации г. Таганрога – 200 000 руб.
Наводнение в Краснодарском крае (2012)	от Правительства РФ – 1 000 000, от Администрации Краснодарского края – 1 000 000
Взрывы на шахте «Распадская» в Кузбассе (2010)	из государственных фондов – 1 000 000 руб., от ОАО "Распадская угольная компания" – 1 000 000 руб., годовая з/п + з/п за 3 месяца – от 700 000 до 900 000 руб.
Авария на Саяно-Шушенской ГЭС (2009)	от «РусГидро» – 1 000 000 руб. + двухмесячный заработок погибшего + возмещения расходов на погребение, из федерального бюджета – 1 100 000 руб.

Продолжение таблицы 1

Чрезвычайное происшествие	Размер выплаченного возмещения семьям погибших
Крушение «Невского экспресса» (2009)	из федерального бюджета – 300 000 руб., из регионального бюджета – 300 000 руб. от ОАО РЖД – 500 000 руб.
Пожары в Сибирском федеральном округе, апрель 2015	1 000 000 руб.
Авария на трассе М53 «Байкал», 22.07.2015	2 025 000 руб.
Террористические акты 11 сентября 2011	3 100 000 \$ США, погибшим при исполнении служебных обязанностей – 4 200 000 \$ США
Катастрофа А320 под Динь-ле-Беном	1 300 000 \$ США+ предварительная компенсация 50 000 евро
Убийство афроамериканца полицейским в Чарльстоне, апрель 2015	6 500 000 \$ США
Катастрофа Airbus A330 (2009)	17 600 евро
Конфликты скотоводов в Судане	50 коров за каждого убитого в межплеменных стычках

Разброс компенсаций объясняется не только феноменом капитализации ожидаемых чистых доходов в России или США, но превышением цены предложения над ценой спроса

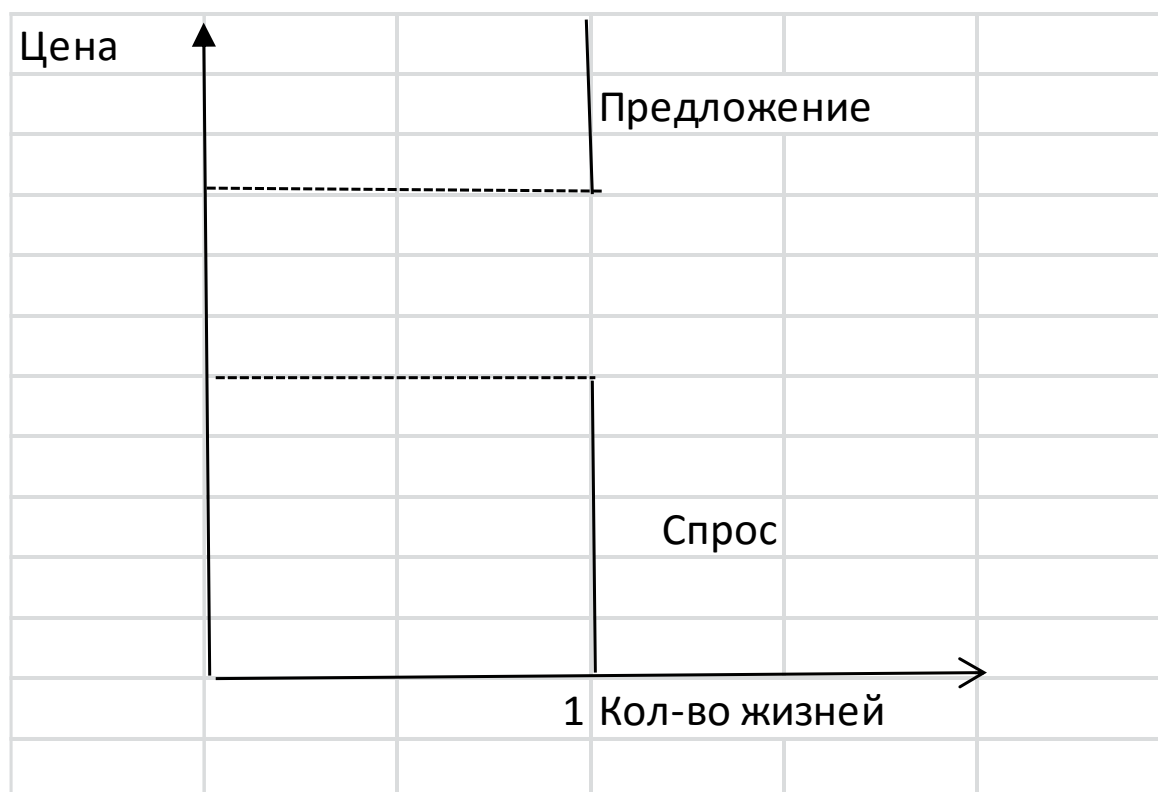


Рис. 1 Спрос и предложение на «рынке» человеческих жизней

В отдельных случаях цена спроса может превысить цену предложения и можно рассматривать, например, готовность пойти на террористический акт как своеобразную сделку между террористом и людьми, посылающими его на смерть – обмен жизни на гарантии благополучия семьи террориста. Сделка между футбольным клубом и футболистом, полностью лимитирующая режим жизни последнего, может служить примером продажи временного отрезка жизни. Но данные факты являются скорее исключениями из правил, чем общими практиками организации человеческих взаимоотношений.

На практике оценка человеческой жизни связана, прежде всего, с эффективностью управленческих решений и, прежде всего, в общественном секторе [10, с. 8-10]. Оценка эффективности расходов на здравоохранение, вооруженные силы, внутреннюю безопасность, разработку стандартов техники безопасности и т.д. включают в себя неявные оценки человеческой жизни. Увеличивая или уменьшая безопасность любой социальной системы законодатель и исполнитель изменяет вероятность несчастных случаев в системе, что в результате ведет к изменению объемов причиняемого вреда, одним из которых является уровень смертности. В судебной практике возмещение вреда или деликты (tortlaw) являются весьма актуальной проблемой и тоже требует оценки человеческой жизни. Без учета стоимости жизни и компенсаций со стороны государства или обеспечения (enforcement) таких компенсаций со стороны причинителей вреда экономическая система будет получать неверные сигналы о реальных соотношениях издержек и выгод.

За рубежом при определении компенсаций при потере кормильца используют четыре основных метода, которые дают довольно различные результаты. Подробнее [11, Ch.TortLaw, p. 344-397].

Ресурсный метод. Расчет человеческой жизни при данной методике представляет собой дисконтированный поток будущих доходов за вычетом будущих издержек на самого себя [10, гл. 11]. Известно, что оценка, получаемая посредством данной

метода, зависит от возраста, ожидаемой активной трудовой деятельности, риска смерти и ожидаемых доходов. Если принять среднедушевые доходы жителя Курска за 23 тыс. рублей месяц [13], то компенсация за смерть мужчины 30 лет с ожидаемым выходом на пенсию в 65 лет и ставкой дисконта в 4% год должна составить около 5 млн. рублей:

$$PV = 276 \text{ тыс. руб.} * \left(1/0,04 - \frac{1}{0,04 * 1,04^{35}} \right) = 5151 \text{ тыс. руб.} \quad (1)$$

Если сопоставить данную цифру с размерами фактических компенсаций, то можно сделать вывод, что государственные органы, осуществляющие возмещение вреда, рассматривают чистые выгоды или суммируемые положительные внешние эффекты в размере от 20 до 40% от ожидаемого суммарного дисконтируемого дохода. Возможно в этом и есть определенная логика, если принять во внимание замечание Томаса К. Шеллинг, что «... понять кто несет соответствующие потери, вовсе не так легко. Погибший лишает общества части потенциального ВВП, но ведь исчезает и потенциальный потребитель большей части этого продукта, т.е. погибший. Экономика страны как бы «не замечает» его отсутствия – с тем же успехом он мог бы, скажем, переехать в другую страну» [9, с.863].

Метод суммирования затрат на ребенка (бухгалтерский метод). Идея данного метода состоит в том, что «цена» человеческой жизни определяется как сумма прямых затрат со стороны семьи плюс упущенные возможности, связанные с альтернативным инвестированием вложенных средств. Если предположить, что издержки на одного ребенка составляют 6 тыс. в месяц или размер алиментных обязательств на одного ребенка мужчины-курянина со среднедушевым доходом, то суммарные затраты на воспитание ребенка от рождения до 21 года, т.е. получения степени бакалавра, с учетом упущенных возможностей по ставке 4% и счете постнумерандо составят

$$\text{Затраты} = 6 * 12 * (1,04^{20} + 1,04^{19} + \dots + 1,04 + 1) = 2\,302 \text{ тыс. руб.} \quad (2)$$

Два вышеописанных подхода к оценке человеческой жизни можно назвать объективными, т.к. они связаны с реальными стоимостными показателями. Можно использовать и субъективные оценки, которые иногда используются в американских судах [11, р. 511].

Субъективные подходы к оценке стоимости жизни могут быть представлены с точки зрения *спроса и предложения*.

С точки зрения *спроса* оценка будет производиться по методу «Вы стоите столько, сколько готовы заплатить за Вашу жизнь другие люди». Для иллюстрации можно представить себе гипотетический пример захвата заложника и максимальную сумму, которую готовы предложить за освобождение. В ходе мысленного эксперимента, разыгранного со студентами Курского института менеджмента, экономики и бизнеса предлагалась ситуация, связанная с возможностью избежать за взятку воинской обязанности для их ребенка. В среднем реальные значения, которые отличались в зависимости от района в Курской области, лежали в диапазоне от 40 тыс. до 80 тыс. рублей в 2010 году. Далее в результате деления на один год службы и умножения на 52 года (ожидаемая остаточная продолжительность жизни, полученная как 70 – 18, к ожидаемой продолжительности жизни в 65 лет было прибавлено 5 лет, так как платежеспособные граждане живут дольше) было получено значение от 2 млн. рублей до 4 млн. рублей:

$$\min \text{ оценка} = 40 * 52 = 2080 \text{ тыс. руб.}$$

$$\max \text{ оценка} = 80 * 52 = 4160 \text{ тыс. руб.}$$

(3)

Четвертый подход можно классифицировать как субъективную оценку стоимости человеческой жизни с позиций *возможного предложения*. Для понимания самооценки собственной жизни необходимо замерить два параметра: изменение субъективного восприятия вероятности риска смерти и стоимости действий, приводящих к этому изменению. Типичным примером данного подхода является приобретение

автомобиля с подушкой безопасности. Если подушка безопасности снижает риск смерти на значение X , а ее стоимость составляет A , то индивид приобретающий машину с подушкой безопасности оценивает свою жизнь

выше значения $\frac{A}{X}$ [11, р.345-347]. Напри-

мер, если подушка безопасности стоит от 10 до 20 тысяч рублей (для расчета будет браться цифра 15 тыс. рублей) и увеличивает вероятность выживания при серьезном ДТП в два раза, то при вероятности гибели в течение всей жизни в автомобильной катастрофе 1 к 5000 (европейский показатель) самооценка жизни европейца составит:

Самооценка жизни жителем Западной Европы

$$> 15 \text{ тыс. руб} * 5000 / 2 = 37,5 \text{ млн. руб.}$$

(4)

Вероятность попадания в катастрофу у россиянина примерно в 5 раз выше, чем у европейца. В этом случае самооценку жизни европейца нужно разделить на 5

Самооценка жизни россиянином $> 37,5 / 5 = 7,5 \text{ млн. рублей}$

(5)

Данный показатель свидетельствует лишь о наличии нижней границы самооценки. Так, если 95% жителей западноевропейских стран имеют машины с подушкой безопасности, то это означает, что у этих 95% самооценка жизни выше, чем 37,5 млн. рублей.

Следует заметить, что данный подход почти всегда будет давать несколько завышенный показатель оценки человеческой жизни. В 60-е годы прошлого века социологи выяснили, что средний американский и британский водитель оценивает свою жизнь примерно в шесть раз выше, чем деньги, которые он мог бы заработать до конца жизни. Опираясь на эти данные, "Росгосстрах" рассчитал, что жизнь жителя Люксембурга стоит \$5 млн, США — \$2,6 млн, Швеции — \$2,4 млн, Великобритании — \$2,3 млн, Португалии — \$1 млн. Жизнь россиянина оценивается в \$195 тыс., а таджика — в \$13,3 тыс. [7].

Недостаток этого подхода состоит в нашем незнании параметра субъективного восприятия вероятности риска смерти или X . Психологи давно делают предположения, что данный параметр может существенно отличаться у лиц с различными предпочтениями по отношению к риску [12, р. 1115]. Так, люди рискованных специальностей часто считают себя «заговоренными», что может характеризоваться в рамках нашего подхода как заниженное значение субъективного восприятия риска смерти, а не низкое значение цены жизни.

Предварительный анализ методологии подхода к оценке человеческой жизни как нематериальному активу не позволяет считать ее как некую разновидность goodwill в балансе фирмы, региона или страны. Жизнь человека является целью, а не средством. И именно это наблюдение может и должно быть использовано в качестве аргумента в дискуссии о рынке, как механизме не расширяющем, о сужающем масштаб обменных операций [2; 5]. Очевидно, что при доминировании добровольного обмена масштаб операций в условиях рынка может сужаться, так как из оборота будут уходить активы и экономические блага, цена предложения которых превышает цену спроса. Вопрос классификации подобных активов и благ и понимание причин возникновения данного феномена является предметом дальнейшего изучения.

Приложение традиционных методов экономического анализа к оценке человеческой жизни дает значительный разброс оценок и не позволяет сделать однозначного вывода о размере рекомендуемых компенсаций в случае смерти индивида. Диапазон оценок жизни «среднестатистического» курианина лежит в значениях от 2 до 7 млн. рублей в ценах 2015 года. Диапазон разброса значений в ходе организации «мысленных экспериментов» в 2002-2006 можно посмотреть в [3], и он так же является довольно значительным. Хочется выразить надежду на то, что, несмотря на разброс значений и

возможные определенные некорректности, эти расчетные данные добавят в копилку знаний экономистов о ценности человеческой жизни.

Список литературы:

1. Блауг М. Методология экономической науки, или Как экономисты объясняют. – М.: НП «Журнал Вопросы экономики», 2004. – 416 с.
2. Кликунов Н.Д. Некоторые замечания на критику К. Поланьи принципов работы рыночных систем [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.ecsocman.edu.ru/db/msg/181106.html> (дата обращения: 20.01.2016).
3. Кликунов Н.Д. Оценки стоимости человеческой жизни (опыт мысленных экспериментов со студентами Курского института менеджмента, экономики и бизнеса в 2002-2006 гг) // Научные записки МЭБИК за 2007 год. Выпуск VII. – Курск, 2007.
4. Кликунов Н.Д. Цена крепостной девки в России [Электронный ресурс]. – URL: <http://klikunovnd.livejournal.com/133644.html?page=1> (дата обращения: 20.01.2016)
5. Латов Ю.В./ГУ-ВШЭ, Москва Рыночная система хозяйства не только расширяет, но и сужает палитру товаров [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.ecsocman.edu.ru/db/msg/181801.html>
6. Маркевич Андрей. Экономическая история [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.slideshare.net/NewEconomicSchool/ss-7762012> (дата обращения: 20.01.2016).
7. Руденко П. Цена человека [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.kommersant.ru/doc/1654518> (дата обращения: 18.01.2016).
8. Стоимость человеческой жизни [Электронный ресурс]. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D1%82%D0%BE%D0%B8%D0%BC%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C_%D1%87%D0%B5%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B5%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B9_%D0%B6%D0%B8%D0%B7%D0%BD%D0%B8 (дата обращения: 20.01.2016).

9. Шеллинг Томас К. Ценность жизни. // Экономическая теория. Под ред. Дж. Итуэлла, М. Милгрейва, П. Ньюмена. – М.: ИНФРА-М, 2004. – С. 860-870.

10. Якобсон Л.И. Экономика общественного сектора. – М.: АспектПресс, 1996. – 319 с.

11. Cooter R., Ulen T. Low and Economics. – 2000 by Addison Wesley Longman. – 545 p.

12. Starr, C. AndWhippleC. Riskofrisk-decision. Science 208, 1980. 1114-19

13. Среднедушевые доходы и расходы [Электронный ресурс]. - URL: http://kurskstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/kurskstat/ru/statistics/standards_of_life/ (дата обращения: 14.01.2016)

N.D. Klikunov, Candidate of Sciences, Docent, Kursk Institute of Management, Economy and Business (Kursk) (e-mail: nklikunov@yandex.ru)

V.N. Petrov, Candidate of Science, Docent, Regional Open Social Institute (Kursk) (e-mail: petrovs.family.46@gmail.com)

HUMAN LIFE AS AN INTANGIBLE ASSET: METHODOLOGY AND EVALUATION METHODS

The article provides an analysis and criticism of the methodological concepts of human life as an intangible asset. The various methods of assessing human life and are calculated using a variety of valuation of the life of "average" resident of the Kursk region.

Keywords: evaluation of human life, the resource method, the cost approach, the subjective approach, self-esteem, life as an intangible asset, compensation in case of death.

УДК 378.1 + 316

Т.В. Ежова, канд. техн. наук, доцент, НОУ ВПО «Региональный открытый социальный институт» (Курск), (e-mail: t-ezhova@yandex.ru)

СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ И КОМПРОМИССЫ ГЛОБАЛЬНОЙ ИНФОРМАТИЗАЦИИ В РФ И СТРАНАХ ЕС

Статья посвящена анализу положительных и отрицательных последствий глобальной информатизации общества, необходимости выбора компромиссов между этими альтернативными процессами.

Ключевые слова: информатизация общества, социальные последствия информатизации.

Важнейшей и одной из доминирующих тенденций развития цивилизации в XXI веке является информатизация общества, формирующая новую информационную среду обитания и жизнедеятельности людей.

Необратимые процессы информатизации различных сфер жизни общества сегодня вышли за национальные и региональные рамки и приобрели глобальный характер. В научных исследованиях последних лет уделяется большое внимание социальным последствиям информатизации, обусловленным реальными и прогнозируемыми изменениями в обществе, происходящими под влиянием информатизации [1-7, 10-15]. Следует отметить, что последствия информатизации общества носят противоречивый характер. На фоне общепринятого мнения о неизбежности полезности информатизации многие авторы анализируют новые социальные проблемы, поднимают вопрос о необходимости адаптации человека и выбора разумного компромисса между «тотальной информатизацией его деятельности» и традиционными моральными, этическими и другими нормами.

В России процессы информатизации внедряются весьма активно, но тем не менее они, как правило, происходят позже, чем в зарубежных странах. В этих условиях весьма полезно учитывать зарубежный, в частности европейский опыт. Проанализируем динамику, актуальные программы, основные направления и результаты информатизации в странах ЕС [9].

В декабре 1999 года Европейской Комиссией была инициирована глобальная программа «Электронная Европа» с целью вовлечения Европы в интернет-пространство. В начале нового тысячелетия принято три основные стратегические программы информатизации в странах Евросоюза: электронная Европа 2002 (eEurope 2002), электронная Европа 2005 (eEurope 2005), обширная стратегия для информационного общества 2005-2010 (i2010).

Электронная Европа 2002 (eEurope 2002).

«Электронная Европа 2002» стала частью лиссабонской стратегии, направленной на создание в Европейском Союзе к 2010 году конкурентоспособной и активной экономики, основанной на знаниях, с высокой занятостью и общественным единством. Для стран-кандидатов в ЕС этот проект был позже дополнен программой «Электронная Европа+».

План действий программы «Электронная Европа 2002» преследовал три цели: более дешевый, быстрый и надежный Интернет; вложение денег в людей и навыки; стимулирование использования Интернета.

Более дешевый, быстрый и надежный Интернет планировалось реализовать за счет удешевления и увеличения скорости Интернета; обеспечения более быстрого Интернета для конкретной целевой группы – ученые и студенты; обеспечения надежности сетей и смарт-карт. Вложение денег в людей и навыки осуществлялось для охвата: молодежи

Европы в эпоху цифровых технологий; стимулирования конкретной деятельности и участия всего общества в экономике, основанной на знаниях. Стимулами более широкого использования Интернета стало: развитие электронной коммерции; организация в интернет-пространстве правительства, обеспечивающего электронный доступ к общественным службам; развитие здравоохранения в интернет-пространстве; увеличение представительства Европы в глобальных сетях; развитие интеллектуальных транспортных систем.

Результаты программы «Электронная Европа 2002» весьма прогрессивны и оцениваются следующими фактами: удвоилось количество домохозяйств, подключенных к Интернету; произошла модернизация телекоммуникационной инфраструктуры; снизились цены доступа в Интернет; почти все компании и школы были подключены к Интернету; Европа создала наиболее быструю в мире магистральную исследовательскую сеть; в значительной степени была заменена правовая основа для электронной коммерции; в интернет-пространстве стало представлено большее количество правительственных служб; появляется инфраструктура для использования смарт-карт; были приняты и рекомендованы в странах-участниках инструкции, понятные с точки зрения Web-технологий.

Увеличение числа граждан и доли бизнеса, имеющих подключение к Интернету придало новое качество их окружению в сфере коммуникационных сетей и служб, в сфере электронной коммерции и открыло двери для новых поколений мобильных и мультимедийных служб. Программа «Электронная Европа 2002» дала людям дополнительную возможность участвовать в жизни общества, повышать квалификацию, получать навыки, необходимые в экономике знаний. Произошло оснащение компьютерами и доступом в Интернет школ по всему Европейскому Союзу. Осуществилось вовлечение правительства в интернет-пространство, что в свою очередь заставило обратить внимание на необходимость гаран-

тирования надежности глобального информационного пространства – интернет-мира.

Электронная Европа 2005 (eEurope 2005).

План действий программы «Электронная Европа 2005» продолжил программу «Электронная Европа 2002» и был направлен на стимулирование надежности служб, приложений и содержания, основанных на уже ставшей доступной инфраструктуре широкополосного доступа.

Целями плана действий программы стали: обеспечение благоприятной основы для частных инвестиций и для создания новых рабочих мест; повышение производительности; модернизация общественных служб; предоставление возможности каждому возможность участвовать в глобальном информационном обществе.

К 2005 году согласно плану действий программы Европа должна была иметь: современные общественные службы в интернет-пространстве (электронное правительство, электронное и дистанционное обучение, электронное здравоохранение); активное окружение электронного бизнеса. Поддержка этим инновациям обеспечивали большое распространение широкополосного доступа в Интернет по конкурентоспособным ценам и надежная информационная инфраструктура.

Были сформулированы следующие цели программы «Электронная Европа 2005»:

- создать интерактивные общественные службы за счет потенциала широкополосных сетей и мультиплатформенного доступа, в том числе с обеспечением доступа для людей с особыми потребностями;
- обеспечить электронные государственные закупки для снижения цены и повышения эффективности правительственных закупок;
- создать общественные точки легкого доступа в Интернет (PIAP) всех граждан в своих населенных пунктах преимущественно с широкополосным соединением;

- обеспечить широкополосное соединение для всех органов государственной власти стран-участниц к 2005 году;

- обеспечить функциональную совместимость для служб электронного правительства путем создания европейской структуры функциональной совместимости для панъевропейских служб электронного правительства до конца 2003 года;

- создать развитой европейский туристический портал, обеспечить развитие электронных услуг для культурного продвижения Европы и для удобного представления информации для общественности к 2005 году;

- установить надежную коммуникацию между общественными службами, надежное коммуникационное окружение для обмена секретной правительственной информацией.

Особенностью программы «Электронная Европа 2005» явилась ее ориентация в первую очередь на широкий круг пользователей с разнообразными запросами за счет гарантии мультиплатформенного обеспечения услуг. Это естественно, увеличивает участие, делает доступными новые возможности для каждого, позволяет развивать навыки. Программа также содержала меры, относящиеся к электронному участию (e-inclusion) во всех направлениях трудовой деятельности, что повлекло изменения на рынке организации труда и занятости населения. Службы Интернет, особенно общественные службы в интернет-пространстве, стали доступны при помощи различных терминалов (телевизоры, мобильные телефоны и др.) и это стало ключевым моментом в гарантировании вовлечения всех граждан даже в отсутствии домашнего персонального компьютера.

Обширная стратегия для информационного общества 2005-2010 – i2010.

Программу «i2010 – европейское информационное общество для роста и занятости» Европейская Комиссия ввела в действие с 1 июня 2005 года. Направленность данного проекта – решение основных проблем и задач информационного общества и медиа-

сектора до 2010 года. Отличительной особенностью программы i2010 стала поддержка открытой конкурентоспособной цифровой экономики и оказание при этом особого внимания ИКТ как показателю участия и качества жизни. Политические инструменты Европейского Союза были активно привлечены для поддержки развития цифровой экономики, важнейшими из которых являются: управляющие инструменты, исследования и партнерские отношения с заинтересованными лицами.

В основу i2010 заложено три принципа: однородное европейское информационное пространство; рост инвестиций в инновации и исследования в сфере ИКТ; стимулирование участия, совершенствование общественных служб и качества жизни посредством использования ИКТ.

Области, которые затрагивала обширная стратегия i2010: эффективный менеджмент электронных коммуникаций, включая стратегию менеджмента в политике в области радиочастотного спектра; международный роуминг; модернизацию правовой структуры аудиовизуальных служб (инспекция директивы «Телевидение без границ»); поддержку широкополосного доступа и устранение «цифрового неравенства»; анализ сообщества, связанного с информационным обществом и медиа-службами; длительную поддержку создания и распространения европейского содержания (программы «Фильмы-онлайн», «Контент-онлайн»); доверия, секретности и надежности, включая стратегию для надежного европейского информационного общества; стандартизацию и функциональную совместимость.

Различными путями осуществлялось стимулирование участия в программе. Важным стимулом являлось следование принципу: «участие – получение выгоды от информационного общества». Принцип действует для всех групп населения, в том числе для населения, считающегося неимущим по причине ограниченности ресурсов или образования, возраста, пола, этнической или расовой принадлежности, а также для нетрудоспособных граждан (электронная доступ-

ность – e-Accessibility) и людей, проживающих в малопригодных для жизни районах (ликвидация «цифрового неравенства»).

Среди стимулирующих факторов следует также назвать: совершенствование общественных служб (электронное правительство, электронное здравоохранение); проведение в обществе инициатив, иллюстрирующих потенциал ИКТ для улучшения качества жизни («разумный» автомобиль (Intelligent Car), европейские электронные библиотеки, ИКТ для независимой жизни в развитом обществе, ИКТ для устойчивого развития).

В программе i2010 было определено три стратегических приоритета:

1. Создание в рамках ЕС открытого и конкурентоспособного единого рынка для информационного общества и медиа-услуг.

2. Рост европейских инвестиций в исследования ИКТ.

3. Содействие развитию внутреннего европейского информационного общества, преодоление разрыва между «имущими и неимущими» членами информационного общества. Разработка ведущих инициатив «качества жизни» в сфере ИКТ: обеспечение информационной доступности для всех, преодоление территориального и социального «информационного неравенства».

Процессам информатизации российского общества также оказывается государственная поддержка и результаты связаны, в первую очередь, с реализацией принятых программ «Электронная Россия».

Последним актуальным и действующим документом российской федерации, направленным на информатизацию, является государственная программа «Информационное общество (2011 – 2020 годы)» [8].

Программа рассчитана на два этапа: I этап (2011 – 2014 годы), II этап (2015 – 2020 годы) с общим объемом бюджетных ассигнований федерального бюджета более 1,1 млрд. рублей.

Принятая программа содержит четыре федеральные целевые подпрограммы: «Информационно-телекоммуникационная инфраструктура информационного общества

и услуги, оказываемые на ее основе»; «Информационная среда»; «Безопасность в информационном обществе»; «Информационное государство».

Заявленная цель программы – повышение качества жизни граждан на основе использования информационных и телекоммуникационных технологий.

Для достижения поставленной цели запланировано решение трех основных задач: обеспечение предоставления гражданам и организациям услуг с использованием современных информационных и телекоммуникационных технологий; развитие технической и технологической основы становления информационного общества; предупреждение угроз, возникающих в информационном обществе.

Ожидаемые результаты реализации программы:

- создание на всей территории Российской Федерации современной информационной и телекоммуникационной инфраструктуры;

- достижение опережающего роста российского рынка информационных и телекоммуникационных технологий по отношению к общемировому уровню;

- принципиальный рост качества и доступности услуг почтовой связи, создание спектра новых услуг для населения на всей территории страны на базе почтовых отделений;

- существенное сокращение транзакционных издержек в экономике за счет стандартизации процессов, среды взаимодействия и внедрения информационных и телекоммуникационных технологий;

- высокое качество предоставления государственных услуг в электронном виде, осуществление большинства юридически значимых действий в электронном виде;

- обеспечение прав и основных свобод человека, в том числе права каждого человека на информацию;

- развитие социальной самоорганизации и социального партнерства власти, бизнеса и общественности на основе использования информационных технологий;

- сокращение «цифрового неравенства» субъектов Российской Федерации, предупреждение изолированности отдельных граждан и социальных групп;

- развитие сервисов на основе информационных и телекоммуникационных технологий в сферах культуры, образования и здравоохранения;

- предоставление возможности осуществления трудовой деятельности дистанционно и содействие самозанятости;

- достижение технологической независимости Российской Федерации в отрасли информационных и телекоммуникационных технологий;

- достижение такого уровня развития технологий защиты информации, который обеспечивает неприкосновенность частной жизни, личной и семейной тайны, безопасность информации ограниченного доступа;

- высокая степень интеграции Российской Федерации в мировое информационное общество.

Анализ приведенных программ информатизации не вызывает сомнения в неотвратимости и в дальнейшем углублении этих процессов во всех сферах жизни общества.

Многие специалисты отмечают противоречивость информатизации и прогнозируют различные изменения в обществе, которые необходимо учитывать.

Неизбежно изменение социальной структуры общества под влиянием успехов информатизации. Так предполагается рост количество социальных групп так как современные информационные технологии предоставляют реальную возможность более точного, оперативного учета индивидуальных интересов людей. Рост количества социальных групп приведет к уменьшению их среднего размера, но при этом качественные параметры социальных групп будут улучшаться по таким критериям как уровень интеллекта, образования, квалификации др.

Информатизация общества обусловит новые процентные соотношения между социальными группами, выделяемыми в обществе по различным критериям. Предположительно это будут выглядеть следующим

образом: возрастет доля людей, занятых интеллектуальным трудом; увеличится количество работоспособных, занятых людей; «пирамидальная» социально-экономическая структура все больше будет уступать место сетевой (мозаичной) структуре общества.

В информационном обществе приобретает особую значимость в иерархии ценностей (наряду с инновацией, оригинальностью, креативностью) автономия личности, что не свойственно традиционному обществу, где, как правило, принято считать, что личность реализуется только через принадлежность к какой-либо определенной корпорации в виде ее элемента в строго определенной системе корпоративных связей. В постиндустриальном обществе возникает особый тип автономии личности: человек может свободно менять свои корпоративные связи, поскольку он жестко к ним не привязан, он может очень гибко строить свои отношения с людьми, погружаться в разные социальные общности, в разные культурные традиции. Так, например, виртуальные социальные группы в сетях Интернет формируются исключительно по интересам, при этом пол, возраст и т.д. не только неизвестны, но и, как правило, неопределимы.

Информатизация порождает свою специфику трудовой деятельности и решения проблемы занятости, что также имеет свои социальные последствия.

Совершенно новой категорией рабочей силы являются так называемые «электронные иммигранты» (electronic immigrants), чья трудовая деятельность полностью определяется наличием компьютеров и системой связи. Возникают группы населения, которые при решении проблемы трудовой занятости ограничены только возможностями компьютерно-телекоммуникационных технологий. Этот процесс противоречив, имеет как положительные, так и негативные последствия, требует пристального внимания, формирования новых эффективных стимулов трудовой деятельности и поиска компромиссов интересов личности и общества. Стимулами деятельности человека в

новых условиях могут выступать: гарантии повышения общественного статуса, возможность получения элитного образования, общественная известность, а также специальная организация социально-экономического пространства (появление «информационных пулов» как фактора, способствующего формированию благоприятного для развития технологических инноваций социально-экономического климата). Нерешенность проблемы стимулирования деятельности в информационном обществе в значительной степени является причиной формирования и опасность развития «общества потребления».

Результаты швейцарского исследователя К. Хессига «Последствия информатизации в зеркале общественности» является ярким примером системного подхода к анализу социальных последствий информатизации.

В своих работах [12, 13] Соколова И.В. отмечает, что: «...стихийная информатизация вообще не приемлема, особенно для России, где, учитывая значимость культурно-духовной составляющей нашего развития, потеря моральных и нравственных основ категорически недопустима».

Однако, отмеченные выше и многие другие актуальные проблемы информатизации общества, социальные последствия и компромиссы информатизации в недостаточной степени учитываются в учебно-образовательном процесс в системе высшего образования. Этот тревожный факт должен стать объектом внимания как работников вузов, так и политиков, государственных деятелей нашей страны, поскольку качество образования является только гуманитарной проблемой, но и стратегическим фактором социально-экономического развития страны и обеспечения ее национальной безопасности.

Таким образом, можно сделать вывод, что неизбежный технический прогресс, развитие информационного общества являются государственной политикой и направлены на благо человечества, но вместе с тем глобальные процессы информатизации

содержат неизбежные противоречия. В этих условиях задачей образования является не только привнесение профессиональных знаний, но и формирование у выпускников учебных заведений умений поиска и выбора компромиссов в современном информационном обществе на основе собственной активной жизненной позиции, умения адаптации и самореализации в новой среде.

Список литературы:

1. А.В.Чугунов. Социальная информатика. Уч.пособие. – СПб.: НИУ ИТМО. 2012. – 223 с.
2. Бехманн Г. Современное общество: общество риска, информационное общество, общество знаний. – М.: Логос. 2010. – 248 с.
3. Гохберг Л.М., Ковалева Г.Г., Абдрахманова Г.И. «Индикаторы информационного общества: 2010». – М.: Изд-во Высшая Школа Экономики (Государственный Университет). 2010. – 314 с.
4. Иноземцев В. Л. Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы. – М., 2000. – 42 с.
5. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. – М., 2000. – 77 с.
6. Колин К.К. Социальная информатика. Учеб. пособие для вузов. – М.: Академический Проект, Фонд «Мир», 2003. – 432 с.
7. Колин К.К. Фундаментальные основы информатики: социальная информатика: Учебное пособие для вузов. – М.: Академический Проект: Екатеринбург: Деловая книга, 2000. – 350 с.
8. Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 N 313 (в ред. Постановлений Правительства РФ от 21.02.2015 N 157, 17.06.2015 N 602) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Информационное общество (2011 - 2020 годы)». Официальный сайт компании «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения: 29.02.16).

9. Развитие нормативной базы формирования электронного правительства в странах Европейского Союза: Обзор. – СПб., 2008. – 19 с. Серия «Электронное правительство и государственное управление»; препринт № 08.002 / НППРИОР Северо-Запад; Ресурсный центр электронного правительства и государственного управления [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://egov.ifmo.ru/files/preprint_egov_08_002_EU_IST_law.pdf (дата обращения: 29.02.16).

10. Рунов А.В. Социальная информатика. Учебное пособие. – М., 2009. – 303 с.

11. Соколов А.В. Информационное общество в виртуальной и социальной реальности. – СПб.: Издательство Алетейя, 2012. – 352 с.

12. Соколова И.В. Социальная информатика. – М.: Изд-во МГСУ, 2002. – 256 с.

13. Соколова И.В. Социальная информатика. – М., 2008. – 306 с.

14. Социальная информатика (под ред. Лапина Н.И.). – М.: Изд-во Едиториал УРСС. 2006. – 216 с.

15. Узбестер Ф. Теории информационного общества. – М.: Изд-во Аспект Пресс, 2004. – 400 с.

T.V.Ezhova, Candidate of Sciences, Docent, Regional Open Social Institute (Kursk) (e-mail: tezhova@yandex.ru)

THE SOCIAL CONSEQUENCES AND TRADE-OFFS OF GLOBAL INFORMATION IN THE RUSSIAN FEDERATION AND THE EU

This article is about positive and negative consequences of the global information society and compromises which are better to choose between these alternative processes.

Key words: *informationsociety, social consequences of information*

УДК 330.342.3

А.В. Шлеенко, канд. экон. наук, доцент, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Курск) (e-mail: Shleenko77@mail.ru)

С.Н. Волкова, д-р с-х. наук, профессор, ФГБОУ ВО «Курская государственная сельскохозяйственная академия имени И.И. Иванова» (Курск) (e-mail: Volkova_47@mail.ru)

ОСОБЕННОСТИ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО МИРА

В статье изложены основные цель и задачи непрерывно и бесконечно развивающегося человечества в отдаленной перспективе и современное состояние социально-экономических условий развития, математических и психологических знаний диалектики их развития, сделана попытка дать прогноз наступления эпохи познания и освоения Вселенной.

Ключевые слова: эпоха, вселенная, увеличение продолжительности жизни, создание робототехники, освоение космоса, стоимость товара, цена товара, инфляция, рыночная экономика, денежная масса, частная собственность, общественная собственность, нормальное распределение Гаусса, распределение Пуассона.

«После коммунизма» – так названа монография С. Платонова, опубликованная в 1989 году Московским издательством «Молодая гвардия». И вообще сам Платонов вовсе не Платонов. Это псевдоним настоящего автора. И готовился материал монографии действительным автором вовсе не для публикации. Опубликован он был близкими автору товарищами. Они же дали название публикации – «После коммунизма». По своему содержанию материал представляет собой весьма добротный конспект и компиляцию работ К. Маркса, В. Ленина и некоторых других солидных ученых. Мы по этому поводу можем лишь заметить, что «После коммунизма» не будет и в монографии заимствованного под С. Платонова настоящего автора никаких доказательств (никакой аргументации) о том, что будет после коммунизма, не приводится.

Обратимся непосредственно к К. Марксу как автору научного обоснования далекой перспективы развития человечества. Наиболее значимым для нас и следующих за нами поколений, на наш взгляд, является не столько анализ составляющих движения стоимости в форме капитала, сколько предсказание двух эпох, которые суждено человечеству существовать во вселенной. Первая из этих эпох была названа Марксом эпохой естественной необходимости или эпохой

выживания сильнейшего (сильнейших) представителя (представителей) рода человеческого; вторая – эпохой осознанной необходимости или эпохой коммунизма. В эту эпоху всесторонне развиваются (будут всесторонне раскрываться и будут неограниченно использоваться) способности каждого человека.

Далее коммунизма Маркс развитие человечества не мыслил. При его жизни знали, что за пределы земли к солнцу осмелился подниматься лишь мифический Икар. Чем все для Икара кончилось можно не рассказывать. Остались с точки зрения бесконечного времени мгновения до полетов братьев Райт во Франции и Нестерова в России над поверхностью земной тверди и водной глади. Потребовалось ещё немного времени поразмышлять К.Э. Циолковскому и организовать С.П. Королеву полет Ю.А. Гагарина в открытом космосе.

Человек добрался уже до Луны и Венеры, готовится лететь на Марс и знает о черных дырах во вселенной, через которые он сможет навещаться в гости к соседям в другие звёздные системы. Осталось дело за «малым» – освоить космические скорости!

Таким образом, открытый Марксом общий характер отношений между людьми является единственной абсолютной истиной, а потому целью всего человечества. Вот для

чего необходимо каждому человеку и всем людям на земле и за её пределами научиться «всесторонне раскрывать свои способности и неограниченно их применять» (т.е. по К. Марксу организовать между людьми коммунистические отношения).

Мы полагаем, что добиваться поставленной цели возможно с помощью решения трех основных задач: увеличение продолжительности срока жизни каждого живущего на земле и за её пределами человека до 100 – 200 и более лет; создание робототехники способной освободить человека (человечество) от физического труда разной степени сложности; бесконечное освоение бесконечного космического пространства.

Но каким бы привлекательным для нас не было «прекрасное далёко», жить человечеству суждено в жестоком и, временами, отвратительном сегодня.

Что бы там не открывали или не изобретали в прошлые и в настоящие времена учёные-экономисты, доктора наук и даже нобелевские лауреаты, а переплунуть «Капитал» К. Маркса и Ф. Энгельса им не удаётся. Противоречие между трудом и капиталом, а потому между стоимостью товаров и их ценами во всём мире неуклонно растёт. Вместе с ценами растёт количество всяческой денежной массы.

Прежде всего, растёт количество (масса) долларов США и всяких евро, франков, фунтов, лир,... рублей и прочих,..., прочих рупий. Этот процесс особенно стремительно идёт с начала восемнадцатого столетия с внедрением Джоном Лоу (1671-1729) сначала во Франции, а затем практически во всем мире денег бумажных. С той поры цены упорно растут, и называется этот процесс роста инфляцией. Случается и их стремительный рост, что названо гиперинфляцией. Россию в прошлом двадцатом столетии гиперинфляция «осчастливила» дважды: при А. Керенском в начале столетия, при Б. Ельцине в конце столетия. Россия на одни и те же грабли наступила дважды. И как бы Путин с Медведевым не старались «натягивать вожжи», но остановить рост цен им не удастся.

В условиях частной собственности при капитализме (что в современных условиях называется рыночной экономикой) человечеству не дано снижать цены на товары вместе с исторически обусловленным процессом снижения их стоимости. Графически упрощенно динамику глобального развития экономики в условиях капитализма можно представить следующим образом (см. рис. 1)

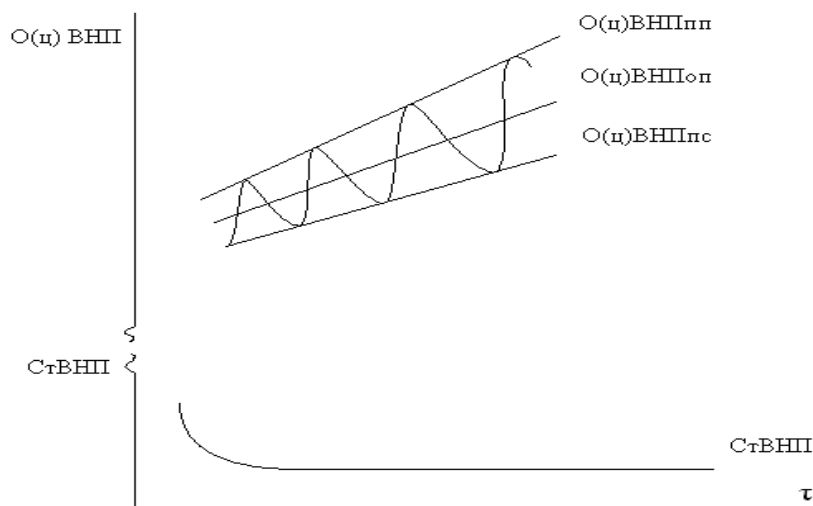


Рисунок 1 – Динамика глобального развития экономики

$O(ц)ВНП$ – оценка (цена) валового национального продукта, $ПП$ – потери подъема; $ОП$ – оптимальные потери, $ПС$ – потери спада, $СтВНП$ – стоимость валового национального продукта

«Стоимость – это общественно-необходимые затраты труда и средств или затраты труда живого и прошлого на производство товара. Цена является денежным выражением стоимости, заключенной в товаре».

Эти прописные истины известны со времен молодого К. Маркса. Тем не менее, весь мир и в том числе солидные ученые экономисты (российские в том числе) используют понятия «стоимость и цена» как синонимы. Таким образом, абсолютное большинство людей на земле вводится в заблуждение.

Делается это для того, чтобы оправдать перед трудовым людом непрерывный рост цен. Банкиры и разных мастей торговцы, а вместе с ними разного калибра чиновники под руководством президента и главы правительства, в этом грабеже «работают» как настоящие мастера.

И ещё один из вопросов, без рассмотрения (изучения) практического опыта использования которого, развитие человечества не мыслимо. Это вопрос собственности! Общеизвестно, что существуют две крайние формы собственности: частная и общественная. Все остальные формы (от государственной собственности до нелегальной собственности бандитско-воровских кагалов) являются промежуточными.

А теперь длинная цитата о событии, которое посетило древнюю Спарту и о котором мы узнали совсем недавно от И.Н. Ларина из Москвы:

«...ещё в древности люди поняли страшную суть частной собственности, которая, как ржа, разъедает государства и тихой сапой ведёт их к гибели. В Древней

Спарте Ликург сумел убедить сограждан отказаться от частной собственности, и Спарта в короткое время стала единой и непобедимой. Такой она оставалась пятьсот лет после смерти Ликурга, пока звериная жажда наживы снова не овладела тамошней «элитой».

Много лет спустя в Древнем Риме диктатор Сулла был вынужден ввести налог на роскошь, которая развратила «элику» и оставила империю без денег. Жажда наживы, в конечном счёте, и привела Рим к гибели.

В наше время (1947-1953 г.г.) Советский Союз повторил опыт Ликурга без его ошибок, издержек и перегибов. В эти и последующие годы Советская Социалистическая Россия стала великой, непобедимой Державой. И оставалась такой, пока к власти не пролезли *сверхэгоистичные люди, превратившие Россию* в каганат с его звериной жадной наживы, которая снова овладела людьми, растлекая их души. Нынешний руссиянский охлос – один к одному с древнеримским – сегодня орёт: хлеба и зрелищ! Продаёт, предаёт Родину, себя, своих детей». *(Курсивом показана наша редакция цитируемого текста).*

Эпоха зарождения и выживания человека в природной среде на планете земля или эпоха инстинктивного подчинения естественной необходимости. Это время, когда рождаются и выживают сильные (сильнейшие). Слабые и больные дети, а также слабеющие старики становятся в основном жертвами хищников. Остающиеся в живых особи по силе выносливости и ловкости, то есть по своим физическим возможностям подчиняются математическому распределению Пуассона (рис. 2) [4].

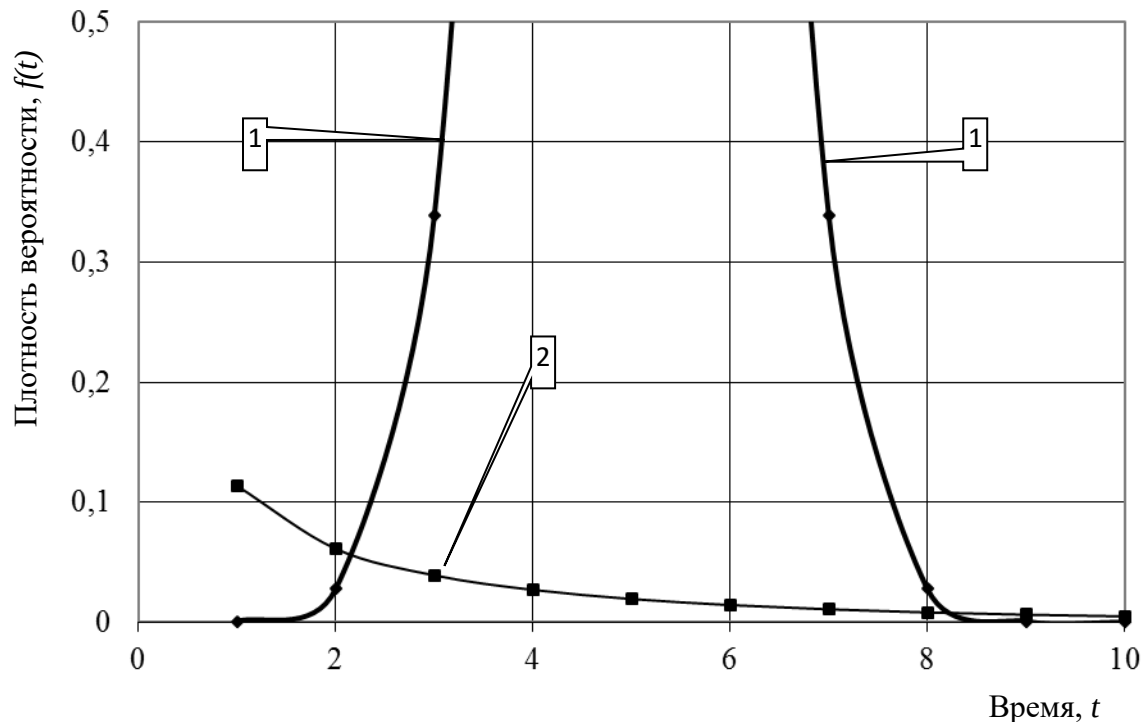


Рисунок 2 – Плотности распределения: 1 – Гаусса, 2 – Пуассона

Понятно, что без совершенного математического обеспечения развитие экономики немыслимо. Особенно экономики, которая развивает способности каждого человека (особенно способности – долго жить), непрерывно совершенствует робототехнику и осваивает вселенную.

Поколение, вышедшее из Советского Союза, помнит основную идею коммунизма, связывает её с принципом «От каждого по способностям, каждому по потребностям». Мало кто вспомнит о двух эпохах, которые по Марксу должно просуществовать человечество, а именно: эпоху естественной необходимости – выживает сильнейший; эпоху осознанной необходимости – использование неограниченных возможностей каждого человека.

В таких условиях возможно несколько иное развитие идеи Маркса. Человечество может ожидать третья эпоха жизнедеятельности – эпоха необходимости познания или эпоха человека, познающего и использующего в таких условиях Вселенную, в которой не будет ни гениев, ни талантов, о чём свидетельствует слияние редких событий с нормально распределёнными в сплошную полосу на большом временном промежутке (при t

$\rightarrow \infty$ рис.2). И тогда перефразируя или уточняя выше приведенную формулировку жизненного принципа: «От каждого по способности познания Вселенной, каждому по потребности её использования».

Оставим за собой право утверждать, что при эффекте хлопушки [1], озарением чего-то необыкновенного происходит прорыв в пространстве, описанный нами в комплексном виде.

Используя следствие интегральной теоремы Муавра-Лапласа [3, с.73 – 77], рассчитаем наступление прогнозируемой эпохи.

$$P\left(\left|\frac{m}{n} - p\right| \leq \varepsilon\right) \approx 2\Phi\left(\varepsilon \cdot \sqrt{\frac{n}{pq}}\right), \quad (1)$$

где P – вероятность отклонения относительной частоты постоянной вероятности;

$\frac{m}{n}$ – относительная частота появления события,

p – его вероятность,

ε – некоторое положительное число,

$\Phi(x)$ – функция Лапласа,

$$\Phi(x) = \frac{2}{\sqrt{2\pi}} \int_0^x e^{-\frac{t^2}{2}} dt.$$

Мы знаем, что если n – число независимых испытаний (лет) и p – вероятность наступления события в отдельном испытании, q – вероятность не наступления события в отдельном испытании, и $p + q = 1$, то при любом $\varepsilon > 0$ имеет место приближенное равенство (1) [2].

Используя равенство (1), возможно решение задачи трех типов, а именно подсчёта самой вероятности P , определения n или ε (границы абсолютной величины отклонения относительной частоты события от вероятности p при определенной гарантии P).

Нас интересует второй тип задач, а именно сколько лет пройдет, чтобы относительная частота не появления талантов с вероятностью $P = 0,99$ отличалась от вероятности не появления отдельного таланта $p = 0,95$ по абсолютной величине меньше, чем на $\varepsilon = 0,01$?

По постановке задачи имеем:

$$P\left(\left|\frac{m}{n} - 0,95\right| \leq 0,01\right) \approx 2\Phi\left(0,01 \cdot \sqrt{\frac{n}{0,95 \cdot 0,05}}\right) = 0,99.$$

Откуда:

$$\Phi\left(0,01 \cdot \sqrt{\frac{n}{0,95 \cdot 0,05}}\right) = 0,495.$$

Пользуясь таблицей значений функции Лапласа $\Phi(x)$ [2, с.528], найдем $x = 2,58$.

Следовательно,

$$0,01 \cdot \sqrt{\frac{n}{0,95 \cdot 0,05}} = 2,58, \text{ и } n \approx 3161,79$$

Как показывают наши вычисления в 32-м столетии новой эры (расчётный год 3161) наступит третья эпоха жизни и развития человечества во Вселенной. В это время жизнь будет и наградой, и наказанием для рода человеческого в зависимости от его взаимодействия со Вселенной.

Живя, мы осознаём замысел Природы и её Создателя. Человека как такового ещё нет. Он находится в утробе матери-природы. Человек единственное будущее дитя природы на Земле, способное познать, освоить и усовершенствовать как планету Земля, так и другие планеты в космическом пространстве.

Эпохи выживания и существования человека в природной среде:

1. Эпоха естественного выживания сильнейшего (сильных);

2. Эпоха осознанной необходимости или неограниченного развития и применения способностей каждого человека (эпохи 1-ая и 2-ая предсказаны К. Марксом);

3. Эпоха необходимости познания или человека познающего и использующего Вселенную; эпоха исследования межзвёздного (межгалактического) пространства.

Но каким бы прекрасным «прекрасное далёко» не было, его бесконечное цветение экономическими науками будет обеспечиваться в первую очередь не экономикой, а наукой о психологии. Естественно, что об этом должны сказать непосредственно учёные по психологии.

И в заключение одно наше редакционное замечание или предложение. Мы полагаем, что понятие или термин «коммунизм» может быть практически безболезненно представлено таким более широким, а посему более объективным понятием «гуманизм». Насколько такая поправка необходима и правомерна, могут подсказать языковеды и время. Но то, что она необходимо назрела – это нам очевидно. Надеемся, что очевидно не только нам. В принципе последнее слово за языковедами – какое понятие шире: «коммунизм» или «гуманизм».

Список литературы:

1. Волкова С.Н. Определение временных границ новых распределений экономических законов. / С.Н. Волкова, Ю.И. Майоров, А.В. Шлеенко. // Экономический анализ: теория и практика. 2009 (октябрь). № 28 (157). – С. 2 - 4.
2. Волкова С.Н. Расчет параметров волн Эллиота в экономическом анализе. / С.Н. Волкова, Е.Е. Сивак, А.В. Шлеенко. // Экономический анализ: теория и практика. 2010 (июнь). № 18 (183). – С. 60 - 63.
3. Кремер Н.Ш. Теория вероятности и математическое моделирование: учебник для вузов. –М.: ЮНИТИ-ДАНА: 2003. – 543 с.
4. Шлеенко, А.В Моделирование эволюционного развития социально-экономических систем. / А.В. Шлеенко, С.Н. Волко-

ва, Е.Е. Сивак // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия Эко-

номика. Социология. Менеджмент. 2013. №4. – С. 133-137. – 0,40 п.л.

A.V. Shleenko, Candidate of Sciences, Docent, Southwest State University (Kursk) (e-mail: Shleenko77@mail.ru).

S.N. Volkova, Doctor of Sciences, Professor, Kursk State Agricultural Academy named I.I. Ivanov (e-mail: Volkova_47@mail.ru)

FEATURES OF FORECASTING OF ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE MODERN WORLD

The work states the purpose and tasks continuously and infinitely developing mankind in the remote prospect and a current state of social and economic conditions of development, mathematical and psychological knowledge of dialectics of their development, attempt to give the forecast of approach of an era of knowledge and development of the Universe is made.

Keywords: era, Universe, increase in life expectancy, creation of a robotics, space exploration, goods cost, goods price, inflation, market economy, money supply, private property, public property, normal distribution of Gauss, Poisson's distribution.

УДК 338.43

А.А. Золотарев, канд. экон. наук, доцент, НОУ ВПО «Региональный открытый социальный институт» (Курск) (e-mail: alan.kursk@yandex.ru)

О.В. Телегина, канд. соц. наук, доцент, НОУ ВПО «Региональный открытый социальный институт» (Курск) (e-mail: Teloks@yandex.ru)

И.В. Шалимов, ст. преподаватель, НОУ ВПО «Региональный открытый социальный институт» (Курск) (e-mail: shalimov89@mail.ru)

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ПРОПОРЦИИ РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА РЕГИОНА

В статье представлен анализ тенденций объемов производства продукции сельского хозяйства, структуры и пропорций ее производства в хозяйствах различных категорий, сделаны оценочные выводы о влиянии отдельных категорий хозяйств региона и отдельных отраслей сельского хозяйства на общий индекс продукции сельского.

Ключевые слова: сельское хозяйство, отраслевая структура, пропорции объемов производства сельскохозяйственной продукции, тенденции объемов и структуры производства.

Сельское хозяйство в валовом региональном продукте Курской области занимает достаточно значимые и устойчивые позиции. Его доля составляет свыше 15%. За период с 2005 г. по 2014 г. отмечается устойчивый рост объемов производства продукции сельского хозяйства по всем категориям хозяйств [6]. В целом за анализируемый период объемы производства продукции сельского хо-

зяйства увеличились в 4,5 раза. Пропорции роста объемов производства в разрезе отдельных категориям хозяйств существенно различались (таблица 1): объемы производства в сельскохозяйственных организациях увеличились в 6,5 раза, в личных подсобных хозяйствах – только в 2,7 раза, а в крестьянских (фермерских хозяйствах) и хозяйствах индивидуальных пользователей – в 7 раз.

Таблица 1-Тенденции объемов производства продукции сельского хозяйства в разрезе отдельных категорий хозяйств Курской области (в фактических ценах; млн. руб.)

Отрасли сельского хозяйства	2005г.	2008г.	2009г.	2010г.	2011г.	2012г.	2013г.	2014г.	2014 г. к 2005г. (раз)
Хозяйства всех категорий									
Продукция сельского хозяйства	21925	41123	41425	40496	56531	69083	79306	99148	в 4,5 раза
том числе: растениеводство	13187	27807	26658	25287	39140	46570	50725	58286	в 4,5 раза
животноводство	8738	13316	14767	15209	17391	22513	28581	40862	в 4,7 раза
Сельскохозяйственные организации									
Продукция сельского хозяйства	9665	20783	19981	19677	30847	40812	47769	62035	в 6,5 раз
в том числе: растениеводство	5964	16068	14192	13637	23714	29124	29138	29933	в 5 раз
животноводство	3701	4714	5790	6041	7133	11688	18631	32102	в 8,6 раза

Продолжение таблицы 1									
Хозяйства населения									
Продукция сельского хозяйства	11401	17356	19162	18380	21431	23480	26068	30987	в 2,7 раза
в том числе: растениеводство	6417	8917	10342	9483	11491	12970	16533	22777	в 3,6 раза
животноводство	4984	8439	8821	8897	9940	10510	9535	8210	в 1,6 раза
Крестьянские (фермерские) хозяйства и индивидуальные предприниматели									
Продукция сельского хозяйства	859	2985	2281	2439	4253	4791	5469	6126	в 7 раз
в том числе: растениеводство	806	2822	2125	2167	3936	4476	5054	5576	в 7 раз
Животноводство	54	163	156	272	317	315	415	550	в 10 раз

Опережающими темпами во всех категориях хозяйств росли объемы производства продукции животноводства.

Динамика объемов, структура производства продукции в разрезе отдельных отраслей, межотраслевые пропорции изменяются по годам. По итогам 2014 г. динамика объемов сельскохозяйственного производства в хозяйствах всех категорий характеризуется понижательной тенденцией по сравнению с 2013 г., темпы прироста составили 13.7%, против 15.1% в 2013 г. по отношению к 2012 г.

Наиболее высокими темпами в 2014г., как и в 2013 г. росли объемы производства продукции животноводства по сравнению с темпами роста продукции растениеводства (118.5% и 111.0%), при этом уровень прироста по сравнению с предыдущим годом сократился. В структуре сельскохозяйственного производства в 2014 г. также произошли изменения: снизилась доля продукции растениеводства – с 64.0% в 2013 г. до 58.8% в 2014 г. и возросла доля продукции животноводства – с 36.0% до 41.2%.

На изменение объемов и динамики сельскохозяйственного производства региона, преимущественно, оказывали сельскохозяйственные организации. Их удельный вес в структуре продукции сельского хозяйства региона преобладает и отличается относительно стабильным ростом (рисунок 1). При этом снижается доля продукции, произведенной в хозяйствах населения.

Роль крестьянских (фермерских) хозяйств и индивидуальных предпринимателей в производстве продукции сельского хозяйства региона остается незначительной, но темпы роста их производства существенно увеличились в анализируемом периоде. Причем в хозяйствах этой категории темпы роста в отраслях сельского хозяйства отличаются от среднеобластных пропорций. Рост объемов производства продукции растениеводства в 2014 г. составил около 121%, а объемов продукции животноводства – только 105.5%.



Рисунок 1 – Структура продукции сельского хозяйства по категориям хозяйств Курской области (в фактических ценах; в процентах)

Как показал анализ, в последние годы сдерживает общий индекс производства продукции сельского хозяйства в регионе снижение объема производства продукции в хозяйствах населения, преимущественно за счет сокращения объемов продукции животноводства (таблица 2).

Таблица 2 Индексы производства продукции сельского хозяйства по категориям хозяйств (в сопоставимых ценах; в процентах к предыдущему году)

Годы	Хозяйства всех категорий	в том числе		
		сельскохозяйственные организации	хозяйства населения	крестьянские (фермерские) хозяйства и индивидуальные предприниматели
2005	101.4	107.7	94.3	125.8
2008	121.0	134.4	95.4	159.8
2009	99.7	100.6	99.8	93.3
2010	80.0	76.7	83.9	75.2
2011	149.2	167.6	126.9	168.7
2012	109.7	114.7	104.9	97.1
2013	115.1	126.6	93.6	122.9
2014	113.7	122.1	97.4	119.8

В структуре производства основных видов сельскохозяйственной продукции по категориям хозяйств, произошли заметные изменения в динамике и структуре. Поскольку размеры производства и специализация отдельных категорий хозяйств значительно различается, соответственно их доля в производстве отдельных видов продукции региона различна.

Традиционно, сельскохозяйственные организации преимущественно ориентированы на производство зерна, сахарной свеклы, мяса и молока. В 2014 г. ими произведено свыше 82% зерна от общих объемов производства в регионе (в 2013 г. – 84 %), около 95 % сахарной свеклы (на почти на 1.5 % больше, чем в 2013 г.), 91.5% мяса (соответственно, на 5 % больше) и около 49%

молока (на 4.8 % больше по сравнению с предыдущим годом).

Хозяйства населения являются основными производителями картофеля, овощей, яиц, шерсти. В 2014 г. их доля в производстве картофеля и овощей составила около 94%, в производстве яиц – около 87%, шерсти – около 93%. Однако, за исключением шерсти производство снизилось по сравнению с 2013 г.

Крестьянские (фермерские) хозяйства специализируются на выращивании зерновых культур, но их удельный вес в общем объеме его производства по области незначителен и в 2014 г. по сравнению с 2013 г. снизился.

Темпы роста продукции растениеводства в регионе определяли позитивные тенденции урожайности сельскохозяйственных культур. В 2014 г. рост средней по всем категориям хозяйств урожайности отмечался по картофелю, зерновым и зернобобовым культурам, плодово-ягодным культурам – на 6.2%, 19.3% и 75.2%, соответственно.

В животноводстве рост объемов производства мяса обусловили: увеличение поголовья свиней за счет ввода в действие новых свинокомплексов в сочетании с увеличением их продуктивности. При этом, тенденция сокращения поголовья крупного рогатого скота продолжается, что в сочетании с ростом продуктивности не привело к росту объемов производства мяса крупного рогатого скота и молока. В 2014 снизилось и поголовье овец и коз – на 4.1%.

На базе научно-технических достижений создаются более эффективные средства производства, способствующие сокращению совокупных затрат на единицу продукции [2]. Конкурентоспособность сельскохозяйственной продукции на внутреннем и внешнем рынках, безусловно, зависит от направлений, форм и методов аграрной политики. Важнейшим аспектом является и формирование конкурентной стратегии на уровне государства, регионов и предприятий [1].

Таким образом, в регионе сложились позитивные тенденции роста объемов произ-

водства продукции сельского хозяйства, как в целом, так и в разрезе отраслей растениеводства и животноводства. Межотраслевые пропорции объемов производства продукции сельского хозяйства на протяжении исследуемого периода достаточно стабильны, их соотношение составляет 60:40, пользу продукции растениеводства. Однако объемы производства продукции животноводства в последние годы росли более высокими темпами. В разрезе отдельных категорий хозяйств наблюдаются значительные отклонения от среднеобластных межотраслевых пропорций и тенденций изменения объемов и структуры производства продукции сельского хозяйства, что обусловлено разными масштабами и различиями специализации хозяйств. Сложившиеся различия определяют роль в производстве отдельных видов продукции разных категорий хозяйств, что обуславливает и зависимость региональных продовольственных рынков от эффективности работы товаропроизводителей той или иной категории, и, соответственно, направления аграрной политики по поддержке производителей, стимулированию роста их производства и повышению конкурентоспособности продукции.

Список литературы:

1. Золотарев А.А., Телегина О.В., Шалимов И.В. Повышение конкурентоспособности отечественной продукции – важнейшее направление аграрной политики // Провинциальные научные записки. 2015. №1. – С.23-28.
2. Золотарев А.А., Телегина О.В. Повышение интенсификации и производства – актуальная задача аграрной политики государства // Провинциальные научные записки. 2015. № 2. – С. 119-122.
3. Золотарев А.А., Телегина О.В. Повышения уровня интенсификации производства – важнейший фактор решения проблемы импортозамещения сельскохозяйственной продукции // Импортозамещение сельскохозяйственной продукции на региональном уровне: проблемы и перспективы: материалы научно-практической конферен-

ции/ Сост. Е.Ю. Каблучков. – Курск, Изд-во РОСИ, 2015. – С. 14-20.

4. Куприянова И. Ю., Солнцева Е.В. Подходы к совершенствованию системы менеджмента качества предприятий в регионе // Качество и жизнь. №3(7), Межрегиональная общественная организация «Академия проблем качества» (Москва), 2015. – С.31-34.

5. Куприянова И.Ю., Солнцева Е.В., Титов В.С. Системный подход к управлению качеством на региональном уровне. // Известия Юго-Западного государственного уни-

верситета. Серия: Техника и технологии №6-2 (39). Курск, ЮЗГУ. 2011. – С. 129а-136.

6. Статистический ежегодник Курской области. 2015: Статистический сборник // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Курской области. – Курск, 2015.– 445 с.

7. Шатохин М.В., Телегина О.В., Новосельский С.О., Жахов Н.В., Золотарев А.А. Управление продовольственной безопасностью на региональном уровне. Монография. – Курск: Регион. откр. социальный ин-т, 2015. – 106 с.

A.A. Zolotarev, Candidate of Sciences, Docent, Regional Open Social Institute (Kursk) (e-mail: alan.kursk@yandex.ru)

O.V. Telegina, Candidate of Sciences, Docent, Regional Open Social Institute (Kursk) (e-mail: Teloks@yandex.ru)

I.V. Shalimov, Lecture, Regional Open Social Institute (Kursk) (e-mail: shalimov89@mail.ru)

CURRENT TRENDS AND PROPORTIONS OF DEVELOPMENT OF THE AGRICULTURE OF THE REGION

The article presents the analysis of tendencies of production of agricultural products, structure, and proportions of production in farms of different categories, made assessments about the impact of certain categories of region's farms and individual sectors of agriculture in the overall index agricultural.

Key words: *agriculture, industrial structure, proportion of volumes of agricultural production, trends in the volume and structure of production.*

УДК 336.01

А.С. Рудых, канд. экон. наук, доцент, НОУ ВПО «Региональный открытый социальный институт» (Курск) (e-mail: a.s.rudych@mail.ru)

ОСНОВЫ ФИНАНСОВОЙ ГРАМОТНОСТИ НА ФОНДОВОМ РЫНКЕ

В статье рассматриваются особенности размещения гражданами своих временно свободных денежных средств на рынке акций. Рассматриваются возможные риски инвестирования в фондовый рынок.

Ключевые слова: фондовая биржа, брокер, торговая стратегия, технический анализ, инвестиционные риски.

В современной экономической ситуации, несмотря на финансовый кризис и падение реальных доходов граждан, актуальной проблемой является поиск направлений вложения денежных накоплений граждан. Традиционным способом инвестирования для физических лиц является размещение денежных средств на депозитах банков.

В настоящее время в РФ действует система страхования вкладов, имеющая цель защитить сбережения граждан, размещаемых во вкладах и на счетах в российских банках на территории РФ. Защита вкладов актуальна в связи с существованием значительных рисков в банковской деятельности [5].

В число участников системы страхования вкладов входят 838 банков (по состоянию на 26 февраля 2016 года). Механизм работы системы страхования вкладов следующий. В случае отзыва лицензии на осуществление банковских операций у банка его вкладчику в короткие сроки выплачивается денежная компенсация в установленном размере. Для страховых случаев, наступивших после 29 декабря 2014 года, максимальный размер страхового возмещения равен 1,4 млн руб. (для ранее наступивших страховых случаев, начиная с октября 2008 года – 700 тыс. руб.) Причем для страхования вкладов вкладчику не нужно заключать договор, страхование осуществляется в силу закона [2].

Вследствие введения в действие государственной системы страхования вкладов уровень риска при вложении средств в банки

можно считать невысоким. Однако и доходность тоже невелика – как правило, на уровне инфляции или чуть выше.

Те граждане, которые рассчитывают на более высокую доходность, могут осуществить вложения в ценные бумаги российских и зарубежных компаний. Любой человек может купить акции, для этого нужно накопить первоначальную сумму, заключить договор с брокером и приобрести компьютер с выходом в Интернет.

По законодательству РФ частное лицо не может самостоятельно торговать ценными бумагами на бирже. Куплю-продажу акций может производить лишь юридически оформленное лицо, имеющее специальную лицензию. Такими юридическими лицами и являются брокеры – посредники между клиентом и фондовой биржей. За свои услуги брокерские конторы берут определенный процент.

Существует устойчивое мнение, что торговля акциями для начинающих инвесторов на фондовых биржах без наставника – дело рискованное и заведомо убыточное. Отчасти это действительно так, ведь здесь практически отсутствуют механизмы защиты от риска. Теоретически возможна полная потеря вложенных средств. Однако такое случается в основном у тех инвесторов, которые несерьезно относятся к осуществлению сделок и не вникают в основные принципы торговли ценными бумагами.

Важную роль играет брокер, который не только выступает в роли посредника при

осуществлении сделок. Нередко он может осуществлять обучение клиентов, давать советы и практические рекомендации.

При выборе брокера нужно придерживаться следующих принципов:

- Отдавать предпочтение известным компаниям с положительной репутацией и хорошими отзывами от клиентов (отзывы о работе можно поискать на тематических форумах).
- Проверить наличие лицензии на право работы с фондовыми биржами.
- Выбирать брокера, который предоставляет возможность работать через интернет. Изучить программу доступа к бирже, удобство её использования и стоимость.
- Уточнить размер комиссий с каждой сделки, сумму за обслуживание и ведение счетов, а также гарантии надежности работы системы.
- Выяснить, каким образом можно пополнять счет и выводить с него деньги [1].

Ответственные брокеры предоставляют клиенту обучающую программу для работы на бирже и возможность потренироваться на виртуальном счете.

Принцип работы бирж довольно прост: продавцы и покупатели оформляют заявки на покупку и продажу акций в электронном виде и отправляют их в компьютерную систему биржи. Для этого брокер предоставляет клиенту соответствующее программное обеспечение. Система в автоматическом режиме сопоставляет и анализирует заявки, а затем закрывает сделки со схожими условиями. После совершения операции, акции становятся собственностью покупателя.

Торговля на биржевом рынке должна осуществляться упорядочено, то есть необходимо разработать соответствующую стратегию, ведь в противном случае значительно вырастает вероятность получения убытков. При этом следует понимать, что и 100% выигрышных стратегий не существует. Поэтому процесс внедрения подходов, свя-

занных с управлением рисками является необходимым условием [3].

Анализ рынка, интуиция и опыт со временем позволят выработать свою систему торговли, а в начале пути можно воспользоваться одним из классических способов:

1. Следовать тренду – покупать акции в период роста и продавать их на пике активности по большей стоимости.

2. Инвестировать – провести экономический анализ рынка и покупать акции компаний, которые будут стабильно расти в будущем, для получения с них дивидендов.

3. Использовать систему паттернов – ориентироваться на закономерности биржевой торговли и изменения цен, совершая сделки на основе их анализа.

4. Контрольно-трендовая система – заключается в покупке акций во время снижения их цены, в расчете на дальнейший рост. Эта система одна из самых рискованных, поэтому применять её следует с особой осторожностью.

5. Торговля на основе новостей – при покупке учитываются основные экономические изменения в стране и внутри компаний, рассчитывается реакция на эти изменения рынка ценных бумаг [1].

Для того чтобы приступить к торговле акциями, необходимо выбрать надежный дилинговый центр и пройти там регистрацию. Через программу центра открыть счет на бирже и внести деньги. На компьютер скачать торговый терминал, предоставляемый дилинговым центром, и обучающую программу. После прохождения обучения можно сразу приступить к торговле или продолжить обучение с виртуальным счетом.

Не существует механизмов, обеспечивающих гарантию получения прибыли на фондовом рынке. Однако есть несколько важных правил, выполнение которых существенно повысит шансы на стабильную успешную торговлю:

- Не следует спешить и совершать спонтанные действия – лучше пропустить успешную сделку, чем потратить все деньги впустую.

- Начинаящим инвесторам лучше не использовать заемные средства брокера.

- Первоначально следует выбирать простую стратегию и изучать её возможности в разных ситуациях.

Современная экономическая реальность и многолетний опыт развития торговли ценными бумагами показывают, что изменения на рынках могут происходить внезапно и скоротечно. История знает множество примеров значительного роста стоимости акций, однако имели место и крушения компаний, влекущие серьезные потери для их акционеров. Поэтому инвестору нужно постоянно помнить, что перспектива высокой доходности всегда соседствует с существенными рисками.

Список литературы:

1. Как начать торговать акциями на фондовом рынке [Электронный ресурс]. -

URL: <http://p-business.ru/kak-nachat-torgovat-aktsiyami-na-fondovom-rynke/> (дата обращения: 25.02.2016).

2. Официальный сайт Агентства по страхованию вкладов [Электронный ресурс]. - URL: <http://www.asv.org.ru/insurance/> (дата обращения: 27.02.2016).

3. Равицкая О.А., Зайченко А.А. Хеджирование и конкурентоспособность бизнеса // Дельта науки. – 2015. – Т. 1. № 1 (1). – С. 86-88.

4. Телегина О.В., Шалимов И.В. Основные направления оптимизации денежных потоков организации // Научный альманах Центрального Черноземья. – 2015. – № 1. – С. 68-70.

5. Холодова М.А. Оценка кредитного риска коммерческих банков: Дис. ... канд. экон. наук: 08.00.10 / Холодова Мария Александровна; Орловский государственный технический университет. – Орел, 2004. – 173 с.

A.S. Rudykh, Candidate of Science, Docent, Regional Open Social Institute (Kursk) (e-mail: a.s.rudykh@mail.ru)

THE BASICS OF FINANCIAL LITERACY ON STOCK MARKET

The article discusses the features of host citizens of their temporarily free funds in the stock market. Discusses the possible risks of investing in the stock market.

Keywords: stock exchange, broker, trading strategy, technical analysis, investment risks.

УДК 316.334.2

Е.Ю. Каблучков, ст. преподаватель, НОУ ВПО «Региональный открытый социальный институт» (Курск) (e-mail: evgeniy.kabluchkov@rosi-edu.ru)

ПОВЫШЕНИЕ ФИНАНСОВОЙ ГРАМОТНОСТИ МОЛОДЕЖИ КАК АКТУАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОСТИ

В статье исследуются вопросы повышения финансовой грамотности молодежи. Рассмотрены определения понятий «финансовая грамотность» и «финансовая культура». Доказана необходимость вести повышение финансовой грамотности по возможности в молодом возрасте.

Ключевые слова: финансовая грамотность, финансовая культура, финансовое образование.

В связи с тем, что жители России были вынуждены длительное время жить в условиях планового хозяйства, умения и ценностные ориентиры, связанные с управлением личными финансами, в нашем обществе развиты слабо. Уровень финансовой грамотности населения требует повышения. Не все имеют представление о том, как самостоятельно распоряжаться своими финансовыми ресурсами, навыки общения с банками и другими финансовыми институтами развиты слабо. В то время, как в Европе существуют традиции грамотного отношения к деньгам, культура, как потребления, так и накопления, инвестирования, планирования финансовой стороны своего будущего, в России существовавшие до начала 20 века зачатки предпринимательской и финансовой культуры были уничтожены во время попытки построения коммунизма, а их проявление высмеивалось, как противоречащее коммунистической культуре.

Приход на отечественный рынок крупных иностранных финансово-кредитных организаций (банков, страховых компаний, ЧПФ и др.) [6, с. 97] с новыми финансовыми услугами не приносит с собой повышения финансовой грамотности населения, т.к. для появления доверия к сложным финансовым инструментам и схемам у потенциальных клиентов должен быть определенный базовый уровень финансовой грамотности.

Такая ситуация привела в том числе и к бездумному копированию некоторых западных финансовых инструментов без

учета местной специфики, а также опыта применения данных инструментов на Западе и отношения к ним в итоге, примером чего служит не всегда оправданное применение показателя EBITDA [2, с. 28].

В большинстве случаев повышение финансовой грамотности происходит либо в случае профессионального изучения экономики и финансов студентами экономических направлений, что в итоге влияет на общую финансовую грамотность населения преимущественно только из-за низкой востребованности выпускников данных направлений на должностях по специальности и не попадания их в профессиональное сообщество. Однако, невысокий уровень учебной сознательности таких студентов, их заинтересованности в получении знаний, стремление «получить» хоть какой-нибудь диплом «для галочки» приводит к тому, что не всегда и они в итоге способны использовать полученные знания в жизни.

Проблема повышения финансовой грамотности у лиц, изначально выбравших для себя другие профессии, но при этом живущих в современном обществе и вынужденных взаимодействовать со всевозможными финансовыми и кредитными организациями остается.

Часто стремления людей повысить свою финансовую грамотность паразитируют всевозможные курсы по «игре на бирже» и т.д. не дающие достаточного уровня знаний, а только рекламирующие услуги каких-либо околосредовых организаций. Таким

курсам самим невыгодно давать действительно полезные знания по управлению личными финансами на уровне, достаточном для того, чтобы делать осознанный выбор по инвестированию своих средств и не вестись на рекламу связанных с курсами организаций.

При этом, низкий уровень финансовой грамотности населения мешает развитию многих сегментов финансового рынка: ДМС, прочих видов личного страхования граждан, страхования их имущества, ответственности, брокериджа, негосударственных пенсионных фондов и т.д. Добросовестные финансовые организации заинтересованы в повышении финансовой грамотности населения, т.к. она влечет за собой улучшение «качественного состава» клиентской базы, снижение доли «проблемных заемщиков», рискующих не суметь вернуть полученные средства [1, с.46].

Уровень финансовой грамотности населения региона является одним из элементов, определяющих уровень квалификации и функциональной грамотности населения региона в целом, что является одним из важнейших факторов конкурентоспособности продукции как региона [4, с. 67], так и страны в целом.

Одним из последствий низкого уровня финансовой грамотности является высокий риск вовлечения людей во всевозможные незаконные финансовые схемы, как напрямую в качестве жертв мошенничества («обманутых вкладчиков» и т.д.), так и в качестве соучастников (не всегда осознанных) незаконных операций, способствующих совершению преступлений против других лиц, обналичиванию преступно полученных доходов и т.д.

Кроме того, финансово повышение финансовой грамотности населения положительно влияет не только на благосостояние более грамотных финансово граждан, но и на национальную экономику, в то время как низкая финансовая грамотность населения способствует высокому уровню коррупции, теневого денежного оборота и всевозможных преступлений [1, с.46].

Помимо понятия «финансовая грамотность» используется термин «финансовая культура», определяемый А.И. Фатиховым как «совокупность традиций, норм и идей, отражающих уровень финансовой грамотности, навыки и поведение людей в области финансовых отношений, финансового планирования и распределения денежных средств при существующем уровне развития в обществе инфраструктуры рынка, финансовых институтов и различных ценностей финансовой сферы, имеющих материальное воплощение и созданных целенаправленным воздействием людей» [5, с. 236].

Кроме того, Е.Г. Рубцов дает определение понятию финансового поведения: «особая разновидность экономического поведения, связанная с поведением населения на рынке финансовых продуктов и услуг и предполагающая мобилизацию, перераспределение и инвестирование имеющихся в распоряжении населения денежных ресурсов» [3, с.255].

Д.А. Шевченко и А.В. Давыденко [7, с. 102-103] выделяют следующие составляющие финансовой грамотности:

1. организационная и нормативно-правовая составляющая;
2. финансово-экономическая составляющая (информация о рисках, доходности активов и т.д.);
3. технико-технологическая составляющая;
4. информационная составляющая.

В настоящее время наиболее важным является повышение финансовой грамотности молодежи. Люди зрелого возраста уже имеют определенные установки в финансовом поведении и менее склонны к изменению своего отношения к деятельности на финансовом рынке. Люди же более молодого возраста отличаются рядом особенностей, как положительно влияющих на способность к вхождению в финансовый рынок, так и отрицательных, опасных для финансового состояния данного лица, скорректировать которые можно с помощью повышения финансовой грамотности:

- большая склонность к принятию новой информации;
- большой оставшийся срок для применения полученных знаний;
- слабое внимание к своему будущему благосостоянию, планируемой пенсии;
- склонность к риску, которую нужно скорректировать способностью к анализу финансовых рисков;
- чаще, чем в более зрелом возрасте – склонность к необдуманному поведению, участию в «сомнительных» финансовых операциях»
- стремление быстро разбогатеть, не прилагая усилий, что должно корректироваться пониманием реальных возможностей получения дохода при инвестировании и сопутствующих рисков.

Молодому поколению придется жить в обществе, в экономике которого степень участия государства, степень защищенности от последствий негативных финансовых решений на сегодняшний день не ясна. И, значит, ему необходимо понимать собственную ответственность за принимаемые решения в области управления личными финансами, уметь принимать их на основе грамотного анализа факторов финансового рынка.

Список литературы:

1. Астайкина, Н.А. Финансовая грамотность населения как защита потребителей финансовых услуг [Текст] / Н.А. Астайкина, А.В. Папушкина // Системное управление. 2012. №1.

2. Каблучков, Е.Ю. Целесообразность использования показателя EBITDA в качестве критерия экономической эффективности функционирования предприятия [Текст] / Е.Ю. Каблучков // Научный альманах Центрального Черноземья. 2015. №3. – С. 26-29

3. Рубцов, Е.Г. Финансовая грамотность населения как элемент финансового поведения [Текст] / Е.Г. Рубцов // Международный журнал экспериментального образования. 2015. №3. – С. 255-256

4. Руденко, Д.В. Условия и факторы формирования конкурентоспособности региона [Текст] / Д.В. Руденко // Научный альманах Центрального Черноземья. 2014. №3. – С. 66-68

5. Фатихов, А.И. Проблемы формирования финансовой культуры населения России сквозь призму социологических исследований [Текст] / А.И. Фатихов, Р.Т. Набибуллин // Вестник ТСГУ. 2010. №2. – С. 235-244

6. Шалимов, И.В. Глобализация экономики и ее влияние на Россию [Текст] / И.В. Шалимов, О.В. Телегина // Научный альманах Центрального Черноземья. 2014. №3. – С. 96-97

7. Шевченко, Д.А. О содержании и взаимосвязи понятий «финансовая грамотность» и «финансовая культура» [Текст] / Д.А. Шевченко, А.В. Давыденко // Финансовые аспекты модернизации экономики России. 2014. – С. 100-105

Е.Yu. Kabluchkov, Lecture, Regional Open Social Institute (Kursk) (e-mail: evgeniy.kabluchkov@rosi-edu.ru)

THE NECESSITY OF INCREASING OF FINANCIAL LITERACY OF YOUTH

The questions of the increasing of the financial literacy of the youth are researched in this article. The definitions of “financial literacy” and “financial culture” are given. The necessity of increasing of financial literacy in young age is proved.

Keywords: financial literacy, financial culture, financial education.

УДК 338.24

М.А. Холодова, канд. экон. наук, доцент, НОУ ВПО «Региональный открытый социальный институт» (Курск) (e-mail: marykholodova@rambler.ru)

И.Ю. Куприянова, канд. техн. наук, профессор, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Курск) (e-mail: nussizu@gmail.com)

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ КОНТРОЛЯ КАЧЕСТВА АВТОДОРОГ ПРИ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ИННОВАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

В статье рассматриваются проблемы совершенствования качества автомобильных дорог региона и перспективы внедрения в практику дорожного строительства цементобетонных покрытий. Разработан поэтапный подход к контролю качества автодорог, позволяющий учесть специфику инновационных технологий дорожного строительства.

Ключевые слова: дорожное строительство, модернизация сети, контроль качества, этапы деформирования, повышение надежности инновационные технологии.

Автомобильные дороги связывают территорию нашей большой страны, обеспечивают жизнедеятельность населенных пунктов. Именно дороги во многом определяют степень возможного развития регионов, так как по ним можно осуществлять массовые перевозки: как грузов, так и пассажиров [5]. Развитость сети автомобильных дорог характеризует мобильность населения и обеспечивает доступ к материальным ресурсам.

Для любой страны эффективность социально-экономического развития может характеризоваться и зависеть от качества автодорог. В настоящее время в связи со вступлением в ВТО необходимо включение Российских дорог в транспортную систему Европы, что придает вопросам качества дорожного строительства и содержания автомобильных дорог особое значение. К сожалению, наличие в РФ автомагистралей с существенно изношенным покрытием и ограниченными условиями дорожного сервиса затрудняет вхождение нашей страны в систему Европейских грузоперевозок.

Особенно сложна ситуация с дорогами регионального значения и в Курской области качество автомобильных дорог нельзя признать удовлетворительным.

Дорожное строительство в Курской области осуществлялось в соответствии с

целевой программой «Модернизация сети автомобильных дорог Курской области (2000-2014 годы)». «Стратегия социально-экономического развития Курской области на период до 2020 года» также одной из основных задач области определяет развитие дорожного хозяйства.

Однако настоящее транспортно-эксплуатационное состояние сети автомобильных дорог в Курской области является удовлетворительным, так как около 70% из них не соответствуют требованиям нормативных документов и экономическим потребностям области. Неудовлетворительная ровность и геометрические параметры, плохие сцепные свойства – все это сказывается также на безопасности дорог Курска и области.

Из-за ограничений финансирования контракты на строительство дорог в России часто получают компании предлагающие осуществить работу по минимальной цене, а вопросы качества предлагаемых ими решений уходят из рассмотрения. Однако статистические данные показывают, что процессы контроля при строительстве и реконструкции автомобильных дорог являются ключевыми при решении проблемы совершенствования качества автодорог в целом.

Для решения задачи сохранения и регенерации работоспособности автомобиль-

ных дорог выходом может стать широкое внедрение в дорожное строительство новых технологий восстановления асфальтобетонных покрытий, которые являются основным типом покрытий дорог России и внедрение в практику дорожного строительства цементобетонных покрытий.

Асфальтобетонные покрытия отличаются хорошей ровностью, высоким сцеплением с колесом автомобиля и отсутствием таких дефектов, как температурные швы. Однако практика работы с такими материалами показывает, что строительство с применением этих технологий часто допускает существенное количество некачественно проведенных работ.

Переход на технологии строительства автомобильных дорог из цементобетона и цементобетонных плит является перспективным направлением для увеличения ресурса и качества дорог России. Срок службы цементобетонных дорог составляет 35-40 лет, и все это время их можно не ремонтировать. Цементобетонные дороги более экологичны, чем дороги из асфальтобетона. Асфальты содержат в себе нефтепродукты, которые проникают в почву, вместе с водой и через несколько лет эксплуатации дороги, земля загрязняется нефтепродуктами.

Однако внедрение технологии цементобетонного строительства требует принципиально нового подхода к контролю качества работ.

Необходимо не только применение современно метрологического оборудования, но, что еще важнее становится необходимой система непрерывного научно-технического сопровождения [3].

Для асфальтобетонного покрытия обычно выделяют три - четыре периода времени, характеризующих состояние асфальтобетонного покрытия и появление дефектов, снижающих эксплуатационные характеристики автомобильных дорог. В соответствии с ними необходимо разрабатывать программу контроля и метрологического обеспечения дорожного строительства, эксплуатации и ремонта [5].

Начальный период (статические нагрузки) – это формирование дорожных покрытий, как многослойной конструкции, сразу после строительства, когда происходит увлажнение или подсыхание материалов, а также частичная компенсация растягивающих (верхние слои) и сжимающих (нижние слои) напряжений и формируются устойчивые характеристики как покрытия, так и основания. Второй период соответствует периоду эксплуатации дороги. В это время действуют в основном динамические нагрузки и происходит довольно равномерное во времени образование деформаций. И только в третьем периоде происходит накопление остаточных деформаций, которые проявляются в виде повреждений покрытия.

Именно в это время происходит существенное снижение качества дорожного покрытия. Четвертым периодом иногда называют локальные разрушения дорожного покрытия.

При использовании инновационной технологии цементобетонных покрытий необходимо изменение программы контроля, в частности, добавляется дополнительно непрерывный оперативный контроль в процессе создания дороги. Непрерывный контроль нужен, например, для того, чтобы для используемой конкретной бетонной смеси обеспечить оптимальную продолжительность виброуплотнения, а затем организовать уход в процессе твердения бетона (комплекс мероприятий, обеспечивающих благоприятные условия структурообразования смеси). При применении асфальтобетонных покрытий этот этап контроля не нужен.

Также при строительстве дорог из цементобетона для определения основных параметров нужны специализированные приборы, обеспечивающие в процессе строительства оперативные, ускоренные методы определения физико-механических характеристик дороги [4]. Необходимо оборудование, использующее радиометрические методы оценки, определение диэлектрической проницаемости и другие неразрушающие методы (например, метод радиолокационного зондирования).

За рубежом разработано большое количество подобных приборов, но возможность их ограничена из-за высокой цены. Необходимо отечественное оборудование по оперативному контролю качества в процессе производства работ и внедрение организационных методов контроля, не требующих больших затрат.

В настоящее время повышение надежности дорожной сети и ее развитие признано приоритетной национальной задачей [6].

Соответственно, несмотря на имеющиеся проблемы и сложности необходимо совершенствовать и контроль качества дорожного строительства, особенно при использовании новых технологий формирования дорог.

Чтобы решить данную задачу совершенствования контроля качества дорожных покрытий, созданных по инновационным технологиям (с улучшенными показателями физико-механических свойств и увеличенными межремонтными сроками службы), нужна систематизация отечественного и зарубежного опыта [1]. Качество автодорог является одним из факторов, влияющих на экономическую эффективность в сельского хозяйства [2]. Соответствующее научно-техническое сопровождение позволит выявить и установить функциональные уровни контроля качества и поможет вывести этот процесс более высокий уровень.

Список литературы:

1. Железняков С.С., Сухорукова Г.Н., Асеев О.В. Разработка логистической страте-

гии региональной компании в современных условиях хозяйствования //Известия Юго-Западного государственного университета, серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2013. № 3. – С. 81-89.

2. Каблучков Е.Ю., Шалимов И.В. Методические основы исследования факторов экономической эффективности в сельском хозяйстве // Провинциальные научные записки. 2015. №1. – С. 19-22.

3. Куприянова И.Ю., Холодова М.А. Разработка методики определения направлений совершенствования системы менеджмента качества для предприятий сферы услуг //Известия Юго-Западного государственного университета, серия: Техника и технология. 2012. № 2 (39). Ч. 1. – С.252-256.

4. Куприянова И.Ю., Холодова М.А. Хмелевской Ю. Ю. Формирование поэтапной программы контроля и метрологического обеспечения при внедрении новых технологий строительства автодорог в РФ //Инновации в металлообработке: взгляд молодых специалистов: сборник научных трудов Международной научно-технической конференции (2-3 октября 2015), – С.200-204.

5. Рудых А.С. Методика оценки экономической эффективности кормопроизводства в современных условиях //Научный альманах Центрального Черноземья. 2013. № 2. – С. 137-140.

6. Шалимов И.В., Телегина О.В., Глобализация экономики и ее влияние на Россию //Научный альманах Центрального Черноземья. 2014. №3. – С. 96-97.

M.A. Kholodova, Candidate of Sciences, Docent, Regional Open Social Institute (Kursk) (e-mail: marykholodova@rambler.ru)

I.Y. Kupriyanova, Candidate of Sciences, Professor, Southwest State University (Kursk) (e-mail: nussizu@gmail.com)

IMPROVEMENT OF QUALITY CONTROL HIGHWAYS OF THE USE OF INNOVATIVE TECHNOLOGIES

*This article discusses the problem of improving the quality of roads in the region and the prospects for implementing road construction of cement concrete pavements. Developed a phased approach to quality control of highways that takes into account the specificity of the innovative technologies of road construction. **Keywords:** road construction, upgrading the network, quality control stages of deformation, improving the reliability of innovative technologies.*

УДК 908

И.В. Подлесных, канд. с.х. наук, ФГБНУ ВНИИЗиЗПЭ (г. Курск) (e-mail: podlesnich_igor@rambler.ru)

И.С. Пудякова, канд. географ. наук, доцент, НОУ ВПО «Региональный открытый социальный институт» (Курск) (e-mail: Ipudyakova@yandex.ru)

СЕВЕРНЫЙ ФАС КУРСКОЙ ДУГИ – НОВЫЙ ТУРИСТИЧЕСКИЙ КЛАСТЕР КУРСКОЙ ОБЛАСТИ

В Курской области формируется новый туристический кластер - мемориальный комплекс «Героям Северного фаса Курской дуги», который объединяет несколько туристических объектов. В перспективе он может стать новым центром притяжения туристов.

Ключевые слова: Северный фас Курской дуги, туристический объект, Тепловские высоты.

В сегодняшнем быстро меняющемся мире одной из задач развития региона является конкуренция за приток инвестиций, и поэтому привлекательность территории, ее имидж, являются не голословными идеями, а жизненно необходимыми. В любом регионе страны все актуальней становятся разработки имиджа территории, нацеленного на рост привлекательности субъекта Российской Федерации. И здесь немаловажную роль играет принятие стратегических программ, направленных на позиционирование территории как уникальной и неповторимой, обладающей преимуществами перед другими [3, с. 37].

Главным при формировании имиджа территории являются коммуникативные мероприятия, которые показывают открытость территории и представляют её возможности и преимущества. Имидж – это определяющий момент в восприятии территории со стороны как простого обывателя, так и центральной власти, поэтому правильное его формирование является очень важным.

Согласно Всемирной туристской организации, имидж территории – это объем представлений индивида о регионе включающий как рациональные, так и эмоциональные, вытекающие из собственного опыта и слухов, что влияет на создание образа о стране или регионе. Создание туристского имиджа региона невозможно без участия

органов власти и особенно тех её подразделений, которые отвечают за туристскую отрасль [4, с 52].

В результате опроса туристов, приехавших в Курскую область на обзорную экскурсию, с каким туристическим образом у них ассоциируется регион и что хотелось бы посетить, выяснились следующие предпочтения. На первом месте были объекты, связанные с Курской дугой и танковым сражением под Прохоровкой. На втором месте – Курская магнитная аномалия. Третье место – это печальные события, связанные с подводной лодкой «Курск». В качестве объектов религиозно-паломнического туризма больше всего вызывают интерес Коренная пустынь и икона Божией Матери «Знамение» Курская Коренная.

Прохоровка – это южный фас Курской дуги и находится сегодня не в Курской области, а в соседней Белгородской. Там проходило самое крупное танковое сражение. В послевоенное время, чтобы ещё больше усилить значимость именно Южного фаса, часто печатали и показывали фотографии, сделанные после боя, где советские войска подбили 21 самоходное орудие «Фердинанд». На самом деле, эти снимки были сделаны именно на Северном фесе Курской дуги, а не в Прохоровке [1].

Вероятнее всего, это было сделано для того, чтобы приуменьшить вклад в победу на Северном фесе дуги талантливой

полководца, командующего Центральным фронтом Константина Константиновича Рокоссовского, который был репрессирован. На территории Курской области проходили кровопролитные бои и не менее ожесточенные события, но не так широко известные туристам, потому что крупных мемориальных комплексов, подобных Прохоровскому, не было. Чтобы исправить это положение, в администрации Курской области было принято решение о начале формирования нового мемориального комплекса на севере региона [5].

Первая очередь мемориала была открыта в Понырях в честь 70-летия Курской битвы 19 июля 2013 года. Его строительство было осуществлено за счет областного бюджета. Мемориальный комплекс расположен на площади Победы возле вокзала и включает в себя несколько объектов: монумент «За нашу советскую Родину», «Вечный огонь», братское кладбище, где захоронены две тысячи солдат, погибших на территории Поныровского района. Здесь также расположена колоннада и мраморные плиты, на которых выгравированы портреты и имена 34 героев Советского Союза, получивших это высокое звание во время боев на Курской дуге, 19 из них – посмертно. Тут же высечены названия боевых соединений, воевавших на территории Поныровского района, создан один из лучших в области историко-мемориальный музей Курской битвы [2].

В знаменательный год 70-летия Победы в Великой Отечественной войне, администрация Курской области еще на одну ступень подняла туристический имидж и привлекательность нашей области. Была открыта вторая очередь мемориального комплекса «Героям Северного фаса Курской дуги». Она включает в себя комплекс «Тепловские высоты», возведенный рядом с деревней Молотычи Фатежского района и комплекс «Поклонная высота» с памятником «Ангел мира», который расположился на высоте 269 метров.

«Ангел мира» – это 35-метровая скульптура, на вершине которой расположен восьмиметровый ангел [1]. Композиция

оборудована подсветкой, благодаря которой ночью наблюдается удивительная картина – парящий над землей ангел. Мемориальный комплекс призван увековечить подвиг всех воинов, ценой своих жизней остановивших наступление немецко-фашистских войск в июле 1943 года.

Значительный вклад в строительство памятника внесла компания «Металлоинвест», которая выделила 12 миллионов рублей на реализацию проекта. В ближайшее время здесь планируется строительство храма-часовни в честь первопрестольных апостолов Петра и Павла [2].

Монумент «Тепловские высоты» по проекту его авторов выполнен в виде противотанковой мины и представляет собой трехуровневую смотровую площадку, самая верхняя точка которой находится на высоте 17 метров. Именно через «Тепловские высоты» в июле 1943-го года врагу открывался самый короткий путь на Курск. Советские офицеры и солдаты стояли здесь насмерть до последнего патрона и высоты остались неприступными для врага.

На строительство памятника из федерального бюджета было выделено нашему региону 70 миллионов рублей, а из регионального 5,4 миллиона рублей, также были привлечены деньги спонсоров. Комплекс включает мемориальную смотровую площадку и необходимую инфраструктуру в виде заездов, стоянок, пешеходных дорожек с элементами благоустройства [1].

Для того, что бы Северный фас Курской дуги сформировал новый туристический кластер Курской области необходимо приложить целый ряд усилий по организации рекламно-информационного обеспечения его продвижения как регионального туристического продукта на туристских рынках.

В связи с этим, требуется публикация рекламно-информационных материалов о туристском потенциале Курской области в средствах массовой федерального и регионального значения. Информирование гостей и жителей региона о туристских возможностях Курской области в Интернет простран-

стве осуществляется путем размещения информации на сайтах Администрации Курской области, комитета по делам молодежи и туризму Курской области, туристско-информационном портале Курской области.

На сегодняшний день уже выпущены информационные буклеты о туристских маршрутах, посвященных 70-летию Победы в ВОВ, буклеты «Календарь событий Курской области» на 2016 год, буклеты «Курская Дуга – Великая Победа», карты-схемы «Курская область. Экскурсионные маршруты», рекламно-информационные материалы музеев Курской области, буклеты муниципальных районов региона, где содержится информация о Северном фасе Курской Дуги как о туристическом объекте.

Так же необходимо включение исследуемого объекта в состав стендов, выставочных экспозиций объектов туристского показа на международных, всероссийских и региональных туристских выставках. В 2015 году Северный фас Курской Дуги как часть туристического потенциала Курской области был представлен выставочными экспозициями «Школьно-образовательный туризм. Маршруты Победы» и «Курская область. 1000 лет русской истории и культуры». Более 10 тысяч туристов посетили стенды Курской области в рамках международных, межрегиональных, региональных выставочно-ярмарочных мероприятий.

Целесообразным является так же включение Северного фаса Курской Дуги в максимально возможное количество туристских маршрутов и программ. В Курской области в 2015 году был реализован Национальный военно-патриотический проект Министерства Культуры Российской Федерации «Маршруты Победы. Курская дуга», посвященный 70-летию Победы в Великой Отечественной войне. Специально для него комитетом по делам молодежи и туризму Курской области, ОБУ «Областной центр молодежных программ» и туристической фирмой ООО «БаСКа-тур» был организован двухдневный туристско-экскурсионный маршрут по местам ожесточенных боев на Северном и Южном фасе Курской дуги. В

рамках данной программы монумент «Тепловские высоты» посетило более 3000 школьников из Липецкой, Тамбовской, Псковской, Воронежской, Орловской, Московской, Ленинградской, Ярославской, Ивановской, Белгородской, Владимирской областей, а также городов - Москвы, Санкт-Петербурга, Великого Новгорода, Калининграда и Мурманска и других городов [2].

Так же в соответствии с поручением Президента Российской Федерации о развитии школьно-образовательного туризма комитетом по делам молодежи и туризму Курской области разработан специальный экскурсионный образовательный проект «Курская Дуга – Великая Победа», в который входят три маршрута, один из которых идет по Северному фасу Курской дуги и называется «Огненные высоты Курской дуги».

Много памятников воинам Великой Отечественной войны создано на Курской земле и больше всего на севере области. Памятник артиллеристам на «Тепловских высотах», танкистам в Понырях и Ольховатке, саперам, связистам, пехотинцам, инженерным войскам, всего их 66, установлены на поныровской земле. При соблюдении всех вышеперечисленных условий, строящийся новый мемориальный комплекс «Героям Северного фаса Курской дуги» объединит в единое целое все эти памятники и станет новым туристическим кластером Курской области, что будет способствовать привлечению в регион новых туристических потоков.

Список литературы:

1. В Курской области открыли мемориал «Тепловские высоты» и стелу «Ангел мира». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.sdelanounas.ru/blogs/61849> (дата обращения: 5.10.2015).

2. Открытие монумента «Тепловские высоты» и мемориального комплекса «Ангел мира». [Электронный ресурс]: официальный сайт Администрации Курской области. Режим доступа: http://adm.rkursk.ru/-index.php?id=13&mat_id=43860 (дата обращения: 5.10.2015).

3. Пудякова И.С. Особенности развития туризма в малых городах России (на примере г. Рыльска Курской области). // Провинциальные научные записки. 2015, №1. – С. 36-41.

4. Пудякова И.С. Региональные проблемы развития туризма (на примере города

Суджи Курской области). // Научный альманах Центрального Черноземья. 2013, №2.

5. Тепловские высоты. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://nash-ostrov.ru/teplovskie-vysoty> (дата обращения: 3.10.2015).

I.S. Pudiakova, Candidate of Sciences, Docent, Regional Open Social Institute (Kursk) (e-mail: ipudyakova@yandex.ru)

I.V. Podlesnykh, Candidate of Sciences, Docent, FSBSI VNIIZiZPE (Kursk) (e-mail: podlesnich_igor@rambler.ru)

NORTHERN FACE OF THE KURSK ARCH – THE NEW TOURIST CLUSTER IN KURSK REGION

In Kursk region the new tourist cluster a memorial complex to "Heroes of Northern face of the Kursk arch", which unites some tourist objects is formed and will become the new center of gravity of tourists.

Keywords: Northern face of the Kursk arch, tourist object, Teplovsky heights.

ОБРАЗОВАНИЕ. ПЕДАГОГИКА. ПСИХОЛОГИЯ.

УДК 378

А.В. Апанасенко, д-р истор. наук, профессор, НОУ ВПО «Региональный открытый социальный институт» (Курск) (e-mail: apanasenok@yandex.ru)

РАЗВИТИЕ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ РАБОТЫ СТУДЕНТОВ В ВУЗЕ: СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ

Статья посвящена проблеме эффективного вовлечения студентов вуза в исследовательскую работу. Анализируя российский и европейский опыт, автор демонстрирует, что участие студентов в научных исследованиях становится чрезвычайно актуальным в настоящее время. Показано, что создание инструментария для усиления исследовательского компонента в учебном процессе и распространения существующих эффективных практик является одной из важнейших задач современного вуза.

Ключевые слова: система образования, научно-исследовательская работа студентов, российские вузы

Современный мир предъявляет профессиональным сообществам и отдельным их представителям постоянно растущие требования. Регулярно снабжая общество новыми технологиями и инновационными системами жизнеобеспечения, он заставляет постоянно изменяться нас самих. Чтобы не «отстать от жизни», мы вынуждены постоянно расширять горизонты своего мировосприятия, перестраивать режим труда, корректировать устоявшиеся суждения о «рецептах» достижения профессионального успеха. Резкое ускорение развития человеческого общества в конце XX – начале XXI в., обусловленное компьютеризацией, стало вызовом для всех систем социально-культурного и экономического воспроизводства. В первую же очередь это вызов для системы высшего образования, становящийся все более масштабным и требующий столь же масштабного, системного ответа.

Необходимость изменения приоритетов традиционной системы образования, связанных с передачей учащимся определенного (пусть и довольно большого) объема

знаний как основной задачи, конечно, не новость. Так, современный европейский взгляд на систему высшего образования (выраженный в материалах практически всех семинаров и конференций, посвященных Болонскому процессу) постулирует исключительную важность его конкурентоспособности. Эффективный специалист в XXI в. должен владеть не только необходимой суммой фундаментальных и специальных знаний, но и определёнными навыками творческого решения практических задач, постоянно повышать свою квалификацию, быстро адаптироваться к изменяющимся условиям [6, с. 230-231]. Эти требования справедливы и для России, именно они должны быть ориентирами в процессе формирования образовательной среды отечественными вузами.

Отечественные специалисты, солидарные со своими европейскими коллегами, регулярно отмечают то обстоятельство, что сегодня особую практическую ценность приобретают умения специалиста адекватно воспринимать сложные ситуации жизни,

правильно их оценивать, быстро адаптироваться к новым познавательным ситуациям [1; 4], а также целенаправленно перерабатывать имеющуюся информацию, искать и дополнять её недостающей, знать закономерности её оптимального использования, прогнозировать результаты деятельности, используя свой интеллектуальный и творческий потенциал [5, с.380]. Знания в XXI в. быстро устаревают, но это противоречие может быть преодолено с помощью гибкой системы высшего образования, выстроенной на основе активного участия студентов в научно-исследовательской работе.

«Самые интересные мысли приходят к нам в молодости. В ту же счастливую пору их хочется проверить ...», - сказал как-то выдающийся ученый и философ Бертран Рассел. Казалось бы, ничем не примечательная фраза, но вряд ли можно лаконичнее и точнее сформулировать, почему вуз должен бороться за эффективную организацию научно-исследовательской работы своих учащихся, а сами студенты – активно участвовать в ней. Приобщение к серьезным исследованиям в студенческие годы – залог профессионализма в будущем. Оно позволяет будущим специалистам познать закономерности научного творчества, обрести и отстоять свою личную точку зрения на актуальные проблемы объяснения мира. Хорошо налаженная исследовательская деятельность студентов в вузе позволяет подготовить не только образованных, но и самостоятельно мыслящих людей, обладающих творческим потенциалом, наличие которого лежит в основе требований работодателей к современному специалисту. Научно-исследовательская работа способствует и формированию инновационного типа мышления студента, предопределяет перспективы карьерного роста. В общем, исследовательская деятельность в формирующемся постиндустриальном мире – важный фактор развития молодого человека, независимо от того, собирается он становиться профессиональным ученым или нет.

На сегодняшний день подготовка студентов посредством приобщения к науч-

но-исследовательской деятельности отражена в федеральных государственных образовательных стандартах (ФГОС) и является обязательной составной частью образовательного процесса в вузе. Однако, опыт работы в системе высшего образования показывает, что научно-исследовательская работа студентов в большинстве случаев организована не лучшим образом. Установки Министерства образования и науки, других официальных инстанций на интенсификацию НИРС вузами недостаточно коррелируют с практикой. Результаты проведенных разными специалистами исследований говорят о том, что количество студентов в различных российских вузах, вовлеченных в научно-исследовательскую работу, составляет 5-7% [3, с. 17]. При этом интерес, на практике проявляемый студентами к участию в фундаментальных, прикладных и экспериментальных исследованиях, не показывает значительного роста. Сфера науки не является для студентов достаточно привлекательной и редко рассматривается молодыми людьми в качестве перспективы их будущей профессиональной деятельности. При этом даже студенты, формально вовлеченные в НИРС, отнюдь не всегда являются полноценными участниками реальных исследований. Значительная часть публикаций студентов (количество которых серьезно выросло в последние годы, составив заметный сегмент российской электронной библиотеки elibrary.ru) на деле оказывается компилятивной.

Что же мешает НИРС соответствовать потребностям и ожиданиям общества? Думается, здесь действует довольно много факторов, наиболее очевидные из которых:

1. Несформированность в обществе вообще и в сообществе преподавателей высшей школы в частности видения образования как перманентного поиска. Высшая школа все еще ориентируется на традиционную трансляцию знаний, а не способов их получения. При этом многие преподаватели фактически становятся «урокодателями», ограничивающими свое взаимодействие со студентами аудиторными занятиями (лекци-

ями, семинарам), зачетами и экзаменами. Организация исследовательских проектов в студенческой среде рассматривается как нечто неординарное, занятие отдельных увлеченных личностей, не входящее в структуру обязанностей обычного преподавателя.

2. Отсутствие комплексной системы организации НИРС, предполагающей определенную последовательность, а также всесторонность усвоения учащимися основ выполнения научных исследований и использования их результатов.

3. Недостаток преемственности научно-исследовательской работы по уровням (курсам) обучения. Как правило, специфика НИРС студентов связана с тем, на каких курсах они обучаются и какие предметы проходят. Один и тот же студент может, например, последовательно выступать на конференциях по истории (на первом курсе), экономике (на втором), правоведению (на третьем) и т.д. При этом уровень его докладов не обязательно будет расти, поскольку в структуре образовательной программы не заложено принципа углубления научно-методологической подготовки от курса к курсу.

4. Неочевидность связи между успехом в научно-исследовательской работе и карьерным ростом после окончания вуза для студентов и вытекающая отсюда слабая мотивированность их участия в НИРС. Не секрет, что во время социально-экономических метаморфоз жизненного успеха зачастую добиваются люди, не только далекие от науки, но даже не имеющие систематического образования (на первый план выходят другие качества личности). В стабильно развивающемся обществе, однако, ситуация выглядит иначе: наличие исследовательских навыков дает возможность профессионалу найти свою нишу, предлагая социуму необходимые инновации. Эта простая мысль, распространяясь, тем не менее пока не является доминирующей в студенческой среде.

5. Слабая связь НИРС в среднестатистическом вузе с реальными потребностями отдельных людей, организаций, общества в

целом. Наука или, шире, исследовательская деятельность зачастую осмысливается преподавателями как некое абстрактное познание мира (или даже просто попытка его абстрактного познания), эта установка переходит в сознание студентов. Большинство же последних хочет стать успешными (социально и материально) людьми, способных удивить потенциальных работодателей чем-то конкретно-полезным.

6. Высокая учебная нагрузка преподавателей, существенно ограничивающая их возможности при индивидуальной работе со студентами. Безусловно, трудно ожидать от среднестатистического доцента, ведущего ежедневно две-три пары и осуществляющего их учебно-методическое обеспечение, активного и плодотворного труда на уровне организации НИРС.

Названные факторы, по сути, являются вызовами современной системе высшего образования. Консервация сложившейся ситуации может привести к самым негативным последствиям с точки зрения воспроизводства научного потенциала России. Необходимы эффективные и, желательно, срочные меры, ориентированные на реальное оживление НИРС в отечественных высших учебных заведениях.

Думается, что эти меры должны опираться на следующие принципы:

1. Отношение к исследовательской работе студентов как неотъемлемой части высшего образования не только де-юре, но и де-факто, обеспечение формирования соответствующих компетенций с первых лет обучения молодых людей в вузах.

2. Увеличение прикладной роли исследовательской работы студентов. Прикладной характер НИР дает возможность почувствовать вкус к исследованиям, увидеть их реальное влияние на окружающую жизнь и полезность.

3. Обеспечение тесного взаимодействия исследовательских коллективов вузов с предприятиями в целях планирования наиболее актуальных, социально востребованных проектов. Внедрение системы проектного обучения, базирующегося на со-

трудничестве студенческих микро-групп, работников вузов и представителей реального сектора экономики ради реализации небольших, но экономически полезных НИРС.

4. Повышение уровня интеграции в деятельности студенческих научных обществ разных вузов, ориентация на обмен лучшими практиками в области организации НИРС.

5. Формирование навыков организации исследовательской работы у преподавателей вузов, создание соответствующих форм повышения квалификации. Привлечение к организации НИРС научных сотрудников, не обремененных большим количеством аудиторных занятий.

Названные принципы, безусловно, должны конкретизироваться каждым вузом на практике в виде комплекса конкретных мероприятий. Знакомство с опытом относительно молодых университетов мирового класса (Шанхайского университета, Гонконгского университета науки и технологии, Национального университета Сингапура), а также передовых вузов России (например, Высшей школы экономики или Сибирского федерального университета) дает возможность увидеть, что активизация НИРС может произойти довольно быстро при условии создания в вузе исследовательски-ориентированной среды [2, с. 35-173; 7, р. 22-45]. Элементами этой среды могут выступать:

1. Обеспечение взаимной связи разных вариантов НИРС (НИРС, являющейся частью учебного процесса в аудитории; НИРС, дополняющей учебный процесс в аудитории и инициативной НИРС, проводимой параллельно аудиторному учебному процессу) на уровне учебных планов.

2. Внедрение телекоммуникационных технологий в систему организации исследовательской работы студентов путем создания виртуальных научных лабораторий, межвузовских творческих групп, научных вебинаров, проведения on-line конференций, интернет-олимпиад, студенческих научных форумов и иных форм научного межвузовского сотрудничества студентов.

3. Усовершенствование университетских сайтов для облегчения доступа молодым людям к информации о перспективных формах научной работы (сосредоточение в определенных разделах сайта информации обо всех мероприятиях по НИРС с представлением для каждого потенциального участника понятного алгоритма действий; добавление функции подписки с целью смс или e-mail оповещения студентов о будущих научных мероприятиях; организация на сайте on-line консультанта, выделение единого call-центра по НИРС, создание тематического форума, размещение видео-лекций и т.п.

4. Регулярное проведение обучающих семинаров (лекций) по основам подготовки и оформления научных публикаций, написанию заявок на участие в грантовых конкурсах, конференциях (в том числе и международных).

5. Разработка балльно-рейтинговой системы оценки участия студентов в НИРС с практикой размещения на сайте рейтинга студентов, наиболее успешных в этом отношении. Такой рейтинг может учитываться при поощрении наиболее активных студентов путем выдвижения их на соискание именных стипендий, представлении лучших студенческих работ на конкурсы, выставки, командирования для участия в конференциях, семинарах, конкурсах, олимпиадах различных уровней; направлении для обучения или стажировки за рубежом.

6. Создание специальных площадок (виртуальных – на сайте, материальных – в доступных всем помещениях) на базе вуза, позволяющих студентам размещать презентации своих проектов, научных работ, с целью привлечения внешнего финансирования, грантов.

7. Внедрение в вузовскую практику мер материального и социально-психологического поощрения преподавателей и научных сотрудников (премирование, учет руководства НИРС в системе рейтинговой оценки их научной и педагогической деятельности, введение нагрузки по руководству НИРС в структуру общей рабочей нагрузки).

8. Создание в вузе структуры с функциями формирования предложений предприятиям в России и за рубежом для решения конкретных производственных задач, с дальнейшим премированием, предоставлением грантов и, возможно, с выделением гарантированных рабочих мест студентам после завершения обучения (в этом отношении показателен положительный опыт упоминавшегося выше Сибирского федерального университета, регулярно заключающего в большом количестве соответствующие договоры с предприятиями - стратегическими партнерами. Студенты совместно с работниками предприятий реализуют инновационные проекты и занимаются перспективными разработками). Эта же структура занимается пропагандой научных и технических достижений студентов путем организации участия вуза в форумах, выставках, рекламы научных исследований и разработок.

9. Организация при факультетах малых инновационных предприятий с участием студентов.

10. Учреждение научного студенческого журнала (возможно, электронного) для публикации результатов наиболее перспективных исследований.

Конечно, в условиях глобализации чрезвычайно и институциональное взаимодействие вузов для развития НИРС. В XXI в. оно стало довольно популярно в странах ЕС, зачастую соответствующие проекты курируются солидными международными организациями. Например, в начале 2016 г. Европейской ассоциацией организаций высшего образования (EURASHE) был инициирован проект «Applied Research Capacity through Training and Innovative Cooperation» («Развитие прикладных исследований посредством учебной и инновационной кооперации»), в котором участвуют образовательные организации из шести стран, включая Россию [8]. Целью проекта является освоение передового опыта вузов Европейского союза, а также стран-партнеров по приобщению студентов к научной работе, а также тиражирование наиболее успешных практик

такого рода. Проект предполагает аналитическую составляющую (анализ влияния сложившихся образовательных традиций на уровне научно-исследовательской активности студентов в разных странах Евросоюза и государствах-партнерах; установление степени корреляции между формированием инновационной среды в образовательном пространстве и научно-исследовательской активностью студентов; изучение систем вовлечения студентов в научно-исследовательскую деятельность в европейских вузах; рассмотрение возможностей тиражирования наиболее успешных европейских практик в странах-партнерах, в том числе России), а также комплекс практических мероприятий для развития прикладной НИРС в участвующих вузах. Последние включают в себя формирование внутри вузов исследовательских коллективов из студентов, курирующих их преподавателей, а также сотрудников предприятий-партнеров, которые будут воплощать те или иные инновационные проекты, а также стажировки этих коллективов в «гостях у коллег по проекту», т.е. на базе вузов-партнеров. Еще один важный аспект проекта – создание общей базы лучших практик в сфере организации НИРС, которую планируется разместить на специально создаваемом портале к 2017 г. и затем постоянно пополнять.

Проекты, созвучные описанному, активно поддерживаются международными научно-образовательными программами типа Erasmus+ (направления “Knowledge Alliances for higher education”, “Capacity Building” и т.д.). Впрочем, думается, что такого рода сотрудничество может и должно расширяться и внутри России, независимо от участия наших вузов в международных проектах.

Таким образом, необходимость изменения отношения к роли НИРС в системе высшего образования выглядит сегодня очевидной. При естественном социальном и технологическом развитии общества реальная конкурентоспособность вуза вскоре будет определяться степенью развития исследовательской составляющей в учебном

процессе. Переход к практическому воплощению концепции «высшее образование как поиск» – достаточно сложный процесс, предполагающий как структурные меры внутри вузов, так и их институциональное взаимодействие. Главное же – требуется изменение внутренних установок преподавателей и студентов, переход к восприятию НИРС как одному из средств решения актуальных проблем общества, пути сделать мир интереснее и лучше.

Список литературы:

1. Балашов В.В., Лагунов Г.В., Малугина И.В., Масленников В.В. Организация научно-исследовательской деятельности студентов в России: В 3 ч. –М., 2007.
2. Дорога к академическому совершенству: Становление исследовательских университетов мирового класса / Под ред. Ф.Альтбаха и Д.Салми. –М.: Весь мир, 2012. –384 с.
3. Завражин А.В., Шубина И.В. Научно-исследовательская компетентность студента как основа профессиональной деятельности специалиста // Экономика, статистика и информатика. Вестник УМО. 2011, №5. – С.14-20.
4. Тимофеева Е.М., Белик Н.П., Тимофеева А.С. Научно-исследовательская работа студентов технических вузов // Фундаментальные исследования. 2007. № 12. – С. 462-463.
5. Чупрова Л.В. Научно-исследовательская работа студентов в образовательном процессе вуза // Теория и практика образования в современном мире: материалы международной научной конференции. (г. Санкт-Петербург, февраль 2012 г.). – СПб.: Реноме, 2012. – С. 380-383.
6. Keller G. Higher Education Management: Challenges and Strategies // International Handbook of Higher Education. Ed. by J.Forest and Ph.Altbfch. –Netherlands: Springer, 2006. – P.229-242.
7. Salmi J. The Challenge of Establishing World-Class Universities. – Washington, DC, World Bank, 2009. –365 p.
8. EURASHE: Research, Development and Innovation Режим доступа <http://www.eurashe.eu/policy/r-d-i/> (дата обращения: 26.02.2016).

A.V. Apanasenok, Doctor of Sciences, Regional Open Social Institute (Kursk)
(e-mail: apanasenok@yandex.ru)

DEVELOPMENT OF STUDENTS' RESEARCH AT THE UNIVERSITY: CURRENT CHALLENGES

The work is devoted to the problem of effective involvement of students in research activity. Analysing EU experience, the author demonstrates that active participation of students in scientific research is becoming increasingly important at present. It is shown that development of tools for the implementation of the research component in the educational process, as well as dissemination of existing good practices is an important task of modern universities.

Keywords: education system, research work of students, the Russian universities

УДК 378.1

Т.В. Ежова, канд. техн. наук, доцент, НОУ ВПО «Региональный открытый социальный институт» (Курск), (e-mail: t-ezhova@yandex.ru)

ИНФОРМАЦИОННАЯ КУЛЬТУРА КАК ВАЖНЕЙШАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

Рассматривается категория «информационная культура» как актуальная компетенция, формируемая в образовательном процессе, как необходимое условие востребованности, конкурентоспособности и успешности в современном информационном обществе.

Ключевые слова: информационная культура личности, информационная культура общества, уровни информационной культуры, компетенция.

Можно утверждать, что информационная культура общества является синергетическим результатом вклада и взаимного влияния информационных культур отдельных групп и членов общества, то есть уровень информационной культуры общества в целом определяется уровнем информационных культур непосредственного ее носителя – отдельного индивида, личности.

Информационная культура общества не является неким постоянным понятием. Уровень развития общества и используемые им технологии определяют требования и к уровню информационной культуры. Информационная культура видоизменялась и проявлялась в новом качестве в результате изобретений информационных революций: язык, письменность, книгопечатание, электричество, компьютерная техника и новые информационные технологии.

Современное общество принято называть информационным или постиндустриальным. Роль и количество циркулирующей информации стремительно возрастает, а для ее хранения, распространения и использования предоставляются новые средства. За счет мобильности и оперативности информация легко и быстро достигает своих потребителей и выдается в привычной для них форме.

Ведущими авторами, внесшими вклад в разработку методологических проблем информационной культуры, являются: М.Г. Вохрышева, Н.И. Гендина,

А.А. Гречихин, Н.Б. Зиновьева, Ю.С. Зубов, И.К. Кирпичева, В.А. Минкина, И.Г. Моргенштерн, В.М. Петров, А.И. Ракитов, Б.А. Семеновкер, Э.П. Семенюк, Н.А. Сляднева, А.Д. Урсул, В.А. Фокеев, Ю.А. Шрейдер. Заслугой этих и целого ряда других авторов является формирование теоретических основ и понятийно-терминологического аппарата информационной культуры. Как отмечается в [3, с. 22] полученное теоретическое знание открыло возможность для становления новой интегративной учебной дисциплины – «Основы информационной культуры личности».

На уровне личности уровень информационной культуры проявляется для решения проблем доступа к знаниям и информации. Актуальным является их получение в любой момент, в любом месте. Пользователь информации при этом выступает не как безличный исполнитель некоторой социальной роли, он неминуемо активно вступает во взаимодействие с существующей информационной средой. Пользователя информации следует рассматривать как личность со своим индивидуальным творческим выбором, способную к активной рефлексии над собственным процессом мышления. Следует отметить, что и современные информационные среды, развиваются навстречу пользователю в сторону повышения их интеллектуальности, естественного общения, «очеловечивания» интерфейса. Тем не менее успех и результат взаимодействия отдельной лично-

сти и информационной среды зависит не только от компьютерной и технологической грамотности пользователя, но в целом – от уровня его информационной культуры.

Высокий уровень информационной культуры в современном обществе должен включать умение пользователя соблюдать необходимое равновесие между формализуемой и неформализуемой составляющими человеческого знания. Умение адекватно формулировать имеющиеся у человека знания и адекватно интерпретировать формализованные описания является одним из аспектов цельности гармонического развития личности.

Информационная культура как одно из проявлений «культуры вообще» охватывает собой сферу отношений человека, отдельных социальных групп, общества к информации. Соответственно принято различать информационную культуру личности, информационную культуру определенной социальной группы (учителей, врачей, юношества и др.), информационную культуру общества в целом [3, с. 34].

Информационная культура не сводится к набору разрозненных знаний и умений работы за компьютером. Она предполагает информативную направленность целостной личности, которая обладает мотивацией к поиску, усвоению и применению новых данных, информации, знаний. Информационную культуру, по мнению специалистов, следует рассматривать как одну из граней личностного развития, связанной с познанием природной и социальной действительности. Информационная культура способствует процессу познания и опредмечивает культуросозидающую деятельность человека. Она активнейшим образом участвует в освоении человеком культурной реальности, в овладении всеми теми богатствами, которое выработало человечество. Информационная культура также выступает и самой реальностью, ценностью и атрибутом непосредственно культурного бытия, необходимым условием, связывающим отдельную личность с социумом, государством и целым миром.

Роль информационного аспекта жизни людей в современном обществе постоянно возрастает. Сегодня совокупность информационных потоков вокруг каждого человека столь велика, разнообразна и разветвлена, что требует от него знания законов информационной среды и умения ориентироваться в информационных потоках. Активная информатизация общества влечет значительное увеличение числа работающих в сфере информационной деятельности и услуг. Человеку с низким уровнем информационной культуры сложно адаптироваться к жизни в новых условиях, в частности, к изменению социальных структур, часто невозможно быть профессионально востребованным и конкурентоспособным.

Следует отметить, что до настоящего времени в российском обществе еще сохраняется база для возникновения противоречий между категориями индивидов с разнящимся уровнем информационной культуры. Информационная культура части общества, в основном молодежи, формируется в рамках новой парадигмы образования, концепции информатизации общества под влиянием информационных технологий, отражает новые связи и отношения информационного общества. Но наряду с этой категорией осуществляет трудовую деятельность, получает различные услуги, неизбежно вступает в социальные и профессиональные контакты и категория индивидов, информационная культура которых определяется традиционными и зачастую морально-устаревшими в информационном обществе подходами. Это обуславливает разные уровни проявления качества информационной культуры, что неизбежно влечет за собой прецедент: при одинаковых затратах сил и времени возникает объективная несправедливость, и как следствие – снижение возможностей творческого проявления одних субъектов по сравнению с другими.

Существует значительное количество определений понятия «информационная культура личности». Заслуживает внимание определение, предполагающее, что формирование информационной культуры лично-

сти должно осуществляться прежде всего в процессе организованного обучения информатике и информационным технологиям, включения современных электронных средств передачи информации в учебно-воспитательный процесс: «Информационная культура личности – свод правил поведения человека в информационном обществе, способы и нормы общения с системами искусственного интеллекта, ведения диалога в человеко-машинных системах «гибридного интеллекта», пользование средствами телематики, глобальными и локальными информационными вычислительными сетями» [4].

Будем рассматривать характеристику «информационная культура личности» как латентную переменную, проявляемую некоторым набором фиксируемых индикаторов, характеризующих знания, умения, навыки, установки, оценки, отношения, поведение личности. Такой подход известен и позволяет разработать методику объективного измерения латентных переменных на основе семейства моделей Раша [6]. Суть научного познания и исследования латентной переменной состоит в том, чтобы найти строгую количественную меру, характеризующую уровень проявления этой переменной (информационная культура) как в процессе ее формирования, так и в заданный момент времени. Количественные параметры необходимы не только теоретикам для проверки выдвигаемых гипотез эмпирическими исследованиями, но и практикам. Умение измерять уровень сформированности «информационной культуры» в учебно-образовательном процессе позволяет осуществлять планирование, мониторинг, вносить обоснованные корректировки, осуществлять прогнозирование.

Первым этапом построения объективного измерительного инструмента на базе модели Раша является интерпретация сущности латентной переменной, выявление набора индикаторов через которые она проявляется, что позволяет структурировать исследуемую переменную и построить некий ее конструктор – модель переменной.

Структуры компетенций разрабатываются на основе государственных образовательных стандартов с учетом других актуальных социальных и отраслевых норм, стандартов и потребностей с точки зрения обеспечения выпускникам вуза их последующей востребованности на рынке труда и готовности к обучению на протяжении всей жизни. При отборе результатов обучения, раскрывающих структуру компетенции принимают во внимание составляющие действия компетенции. Результаты обучения проектируются в трех сферах: знаниевая (знание и понимание), деятельностная (применение знания), ценностная (отношение, ценности) [5].

В качестве основы для определения структуры компетенции могут использоваться различные подходы, среди них по крайней мере четыре общеизвестных.

1. Опора на общее определение «компетенции», принятое в ФГОС ВПО при переходе на новую модель образования: компетенция – это способность применять знания, умения и личностные качества для успешной деятельности в определенной области. Согласно ФГОС ВПО результаты обучения по циклам систематизированы по трем уровням освоения: знать, уметь, владеть (этот подход, в настоящее время преобладает в практике российских вузов).

2. Использование структуры «компетенции», принятое в общеевропейском проекте «TUNING». Компетенция включает три типа знаний: «знание и понимание» (знание академической области, способность знать и понимать); «знание как действовать» (практическое и оперативное применение знаний к конкретной ситуации); «знание как быть» (ценности, являющиеся неотъемлемой частью восприятия и жизни с другими в социальном контексте). Результаты обучения при этом планируются по четырем группам: группа А – знание и понимание; группа В – интеллектуальные навыки; группа С – практические навыки; группа Д – переносимые навыки.

3. Использование таксономии Б. Блума для структурирования и учета

составляющих результата образования. Выделяются три сферы результатов обучения: когнитивная (познавательная), аффективная (ценностно-эмоциональная) и психомоторная. Когнитивная или познавательная сфера представляется в виде шестиуровневой иерархической структуры: знание; понимание; применение; анализ; синтез; оценка. Эмоциональная сфера охватывает «отношения», «чувства» и «ценности» (т.е. все то, что характеризует эмоциональную составляющую образовательного процесса: от базисного желания и готовности получать информацию до интеграции мотивов, ценностей, взглядов, идей и т.д.). Психомоторная сфера включает в себя, как правило, физические навыки, подразумевающие координацию мыслительной и мышечной деятельности (широко используя в таких областях, как естественные науки, медико-санитарные направления подготовки, искусство, театр, инженерные науки, физическое воспитание).

4. Использование результатов отечественных (включая собственные) и зарубежных научных исследований по проблемам компетентностного подхода (подхода, ориентированного на результаты) в высшем образовании. Разработка структуры компетенции является новой сферой научно-методических исследований, поэтому могут быть разработаны и использованы прочие, отличающиеся от вышеуказанных, подходы, обеспечивающие ориентацию на компетенции и результаты обучения. В социальных системах, в том числе в образовательных активно используется метод эмпирической интерпретации – определение эмпирических значений основных теоретических понятий, перевод их на язык наблюдаемых фактов. Эмпирически интерпретировать понятие – это значит найти такой показатель (индикатор, референт), который отражал бы определенный важный признак содержания понятия и который можно было бы измерить.

Представляет интерес вариант эмпирической интерпретации структурирования латентной переменной «информационная культура личности» [5] в аспекте цельности гармонического развития личности. Струк-

турирование «информационной культуры личности» соответствует подходу Б. Блума для таксономии результатов образования. Авторами (лаборатория социологических исследований в образовании, центр развития образования, г. Самара) предлагается учитывать три уровня реализации информационной культуры: когнитивный, эмоционально-ценностный и поведенческий. Представлены результаты интерпретации сущности каждого уровня и предложены его показатели, которые можно использовать при построении системы измерения уровня «информационной культуры личности». Суть когнитивного уровня информационной культуры: знания и умения. Показатели когнитивного уровня: интернет-грамотность; навыки обращения с информацией. Суть эмоционально-ценностного уровня информационной культуры: установки, оценки, отношения. Показатели эмоционально-ценностного уровня: содержание информационных потребностей и интересов; мотивы обращения к различным источникам информации и связанные с этим ожидания; предпочтительность каналов получения необходимой информации; степень удовлетворения информационных потребностей, самооценка информационной компетентности; отношение к девиантному поведению в Интернет. Суть поведенческого уровня информационной культуры: реальное и потенциальное поведение. Показатели поведенческого уровня: способы поиска и каналы получения необходимой информации; интенсивность обращения к различным источникам информации и их характеристика; применение полученной информации в различных сферах своей деятельности; способы распространения новой информации; степень включенности в Интернет-сообщество; формы деятельности в Интернет. Проявление предлагаемых показателей можно дальше детализировать до конкретных оцениваемых действий, что ведет к возможности создания их контрольно-измерительных средств. Например, показатель «проявление навыков обращения с информацией» можно оценивать через: умение организовать поиск

необходимой информации; умение работать с отобранной информацией: структурирование, систематизация, обобщение, представление в виде, понятном другим людям; умение общаться с другими людьми с помощью современных средств информатики и коммуникаций. В [3, раздел 4] даны примеры средств диагностики уровня информационной культуры личности.

Естественно, что для формирования высокого уровня информационной культуры личности и общества особое внимание нужно уделить образованию на всех его стадиях и ступенях. Формирование высокого уровня информационной культуры является актуальным не только для школьного, средне-специального, среднепрофессионального образования, но и для сферы высшего профессионального образования (ВПО). Содержание образовательных программ ВПО должно безусловно способствовать формированию профессионально востребованного выпускника, конкурентоспособного в современном информационном обществе.

Переход от квалификационной к компетентностной модели подготовки выпускника, ориентация образовательного процесса на конечный результат – достижение заданного уровня сформированности компетенций стимулирует развитие научных исследований, направленных на научное осмысление и разработку перечня, моделей и механизмов формирования компетенций обучающихся, оценки и мониторинга уровня их сформированности. В условиях многообразия и динамичного изменения контекстов в формируемом едином образовательном пространстве (в том числе и европейском) язык компетенций – наиболее подходящий для консультаций и общения с заинтересованными академическими и социальными кругами, бизнес партнерами. Компетенции рассматриваются как результаты образования и главные целевые установки в реализации компетентностно-ориентированных образовательных программ. Образовательные стандарты содержат требования к результатам освоения основных образовательных программ в терминах компетенций,

формулировка которых носит в определенной степени широкий, рамочный характер. Это связано с тем, что требования стандартов отражают требования к качеству подготовки национального уровня и должны быть обеспечены всеми вузами страны [5, 1].

Конечную цель, которая должна быть достигнута в ходе обучения и воспитания студента образовательные стандарты формулируют в виде перечня компетенций выпускника, структурируемого на группы, на обязательный и дополнительный наборы компетенций по соответствующим направлениям подготовки бакалавра, магистра, специалиста. В соответствии с требованиями вуз должен обеспечивать формирование у выпускника заданного стандартом и, возможно, дополнительно вузом набора общекультурных, профессиональных и других компетенций. В процессе обучения компетенция становится личностным результатом образования человека, она не транслируется, не репродуцируется, ее уровень можно проверить только в практической деятельности. Следует иметь ввиду, что самостоятельная познавательная деятельность также позволяет постоянно совершенствовать профессиональные и человеческие компетенции и обогащать в течение всей жизни знания, вынесенные из образовательных учреждений. Благодаря открытости и доступности образовательных ресурсов в современном обществе актуальна и легко реализуема идея «образование не на всю жизнь, а через всю жизнь». Постоянное и систематическое самообразование также способствует повышению уровня информационной культуры личности и общества.

Но, образовательные стандарты, предлагаемые Министерством образования и науки РФ в недостаточной мере обеспечивают формирование высокого уровня информационной культуры, их изучение позволяет сделать вывод, что в явном виде такая важная компетенция отсутствует. В соответствии с подходом 1 она может быть сформулирована в перечне общекультурных компетенций (ОК): выпускник демонстрирует высокий уровень личной информационной

культуры: обладает необходимыми знаниями, умениями и навыками для использования возможностей современного информационного общества в различных видах деятельности. При формировании такой компетенции необходимо учитывать зарубежный, в том числе европейский опыт, что представляется весьма важным при наличии фактора существования единого мирового информационного пространства, обеспечивающего повышение степени открытости общества, доступности мировых информационных ресурсов. Таким образом представляется целесообразным расширение перечня общекультурных компетенций и включение в образовательные программы ВПО новой интегративной учебной дисциплины «Основы информационной культуры личности» [3, с. 22], адаптированной к конкретному направлению подготовки и отвечающей за формирование информационной культуры. Предлагаемое место дисциплины: формируемая вузом вариативная часть учебного плана программы бакалавриата – Блок 1 «Дисциплины (модули)» в соответствии с последней версией образовательных стандартов (ФГОС ВО).

При системном проектировании [5] целевого компетентностного образа выпускника и его компетентностной модели [1] необходимо учесть и формирование новой важной компетенции – информационная культура личности.

Таким образом, предложено:

- включить категорию «информационная культура личности» в перечень компетенций ООП ВПО как новую компетенцию, устанавливаемую вузом;

- формирование компетенции «информационная культура личности» осуществлять путем реализации интегративного учебного курса в составе вариативной части рабочего учебного плана программы бакалавриата – Блок 1 «Дисциплины (модули)»;

- учитывать в содержании нового учебного курса зарубежный, в частности европейский опыт формирования информационной культуры в глобальном информационном пространстве, а также мотивировать слушателей к необходимости постоян-

ного повышения уровня личной информационной культуры, как важнейшей компетенции успешного представителя современного общества;

- интерпретировать компетенцию «информационная культура личности» как латентную переменную; выявить ее индикаторы; формализовать структуру переменной; разработать метод измерения уровня ее проявления на основе модели Раша.

Список литературы:

1. Азарова Р.Н., Золотарева Н.М. Разработка паспорта компетенции: Методические рекомендации для организаторов проектных работ и профессорско-преподавательских коллективов вузов. Первая редакция. – М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, Координационный совет учебно-методических объединений и научно-методических советов высшей школы, 2010. – 56 с.

2. Гендина Н.И. Информационное образование и информационная культура личности как факторы развития информационного общества. Эмпирическая интерпретация понятия «информационная культура личности», 2001 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.gpntb.ru>. <http://www.fio.vrn.ru/2005/6/4.htm> (дата обращения: 27.02.16 г.).

3. Гендина Н.И. Формирование информационной культуры личности в библиотеках и образовательных учреждениях / Н.И. Гендина, Н.И. Колкова, И.Л. Скипор, Г.А. Стародубова – Учебно-методическое пособие. – 2-е изд., перераб. – М.: Школьная б-ка, 2003. – 296 с. Режим доступа: <http://www.ifar.ru> (дата обращения: 27.02.16 г.).

4. Коджаспирова Г.М., Коджаспиров А.Ю. Педагогический словарь: Для студ. высш. и сред. пед. учеб. заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2000. – 176 с.

5. Проектирование основных образовательных программ, реализующих федеральные государственные образовательные

стандарты высшего профессионального образования: Методические рекомендации для руководителей и актива учебно-методических объединений вузов / Науч. ред. д-ра техн. наук, профессора Н.А. Селезневой. – М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, Координационный совет учебно-

методических объединений и научно-методических советов высшей школы, 2010.

6. Семейство моделей Раша для объективного измерения латентных переменных. Летова Л.В., Маслак А.А., Осипов С.А. Информатизация образования и науки. 2013. № 4. – С. 131-141.

T.V.Ezhova, Candidate of Sciences, Docent, Regional Open Social Institute (Kursk) (e-mail: t-ezhova@yandex.ru)

INFORMATION CULTURE AS THE MOST IMPORTANT COMPETENCE IN TODAY'S INFORMATION SOCIETY

On the category of «information culture» as a unique competence, formed in the educational process as a necessary condition in order to be in high demand, competitive and successful in today's information society.

Key words: *information culture of an individual, information culture of society, levels of information culture, competence*

УДК 378.14

Л.М. Ахметзянов, д-р мед. наук, профессор, НОУ ВПО «Региональный открытый социальный институт» (Курск) (e-mail: alm_kursk46@mail.ru)

ЭЛЕКТРОННАЯ ИНФОРМАЦИОННО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СРЕДА В ВУЗЕ: СОСТОЯНИЕ, ПРОБЛЕМЫ

(к 15-летию инновационных технологий в РОССИ)

В статье представлен 15-летний опыт использования в различных сферах образовательной и воспитательной деятельности авторских компьютерных программ и инновационных педагогических технологий в вузе, целью которых является оптимизация учебного процесса, формирование общекультурных компетенций, социализация личности и реализация прав преподавателя на творческую инициативу.

Ключевые слова: электронная информационно-образовательная среда, компьютерные программы, инновация, социализация личности, педагогика, компетенции.

Современный образовательный процесс предъявляет к вузам использование и внедрение новых педагогических приемов, что постоянно сопряжено с инновациями и творческими разработками. Так, в ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ (в ред. от 13.07.2015) предоставляет преподавателям «... право на творческую инициативу, разработку и применение авторских программ и методов обучения и воспитания в пределах реализуемой образовательной программы, отдельного учебного предмета, курса, дисциплины (модуля) (Ст.47, п.3)», а также «... право на осуществление научной, научно-технической, творческой, исследовательской деятельности и во внедрении инноваций (Ст.47, п. 6)» и использовании в образовательном процессе информационных технологий. Вместе с тем, в указанном законе не прописан механизм поощрения труда педагогов в этом творческом процессе, что существенно снижает мотивацию к реализации данного закона и оставляет на творческом поле только энтузиастов-одиночек.

Приказ Минобрнауки РФ № 5 от 12.01.2016 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по направлению подготовки 09.03.01 Информатика и

вычислительная техника (уровень бакалавриата) ввел новое понятие «Электронная информационно-образовательная среда», что предусматривает доступ к электронно-образовательным ресурсам (пример: компьютерный практикум, фиксация хода образовательного процесса, оценка результатов обучения, формирование электронного портфолио обучающегося и сохранение их работ). Из этого следует сделать вывод, что компьютерные технологии, несомненно, прочно заняли свою нишу в образовательном процессе, о чем свидетельствует наш опыт работы в НОУ ВПО «РОСИ».

Но, внедрение компьютерных технологий не самоцель и не дань моде. Прежде всего, все инновационные технологии (мы рассматриваем инновацию как формулу: «идея – продукт – внедрение») составляют основу электронного информационно-образовательного ресурса и направлены не на подмену традиционного преподавания, а на обеспечение эффективного использования рабочего времени студента и умения самостоятельно формировать знания. Такой подход оправдывает педагогические приемы в реализации, прежде всего, общекультурных компетенций, предусмотренные ФГОС.

На примере деятельности в РОССИ

рассмотрим хронологию научных авторских разработок, внедрение новых педагогических приемов и, частично, соответствующий инструментарий. Оптимизация учебного процесса началась с 1987 года в КГМИ, где были сделаны первые шаги по созданию специализированных программных продуктов, впоследствии получившие официальное признание: автоматизированная обучающая и контролирующая система «Spark» [Свидетельство о регистрации электронного ресурса № 10132 от 12.03.2008], на базе которой в последующем разработаны электронные учебные пособия «Безопасность жизнедеятельности» [Свидетельство о регистрации электронного ресурса № 16078 от 23.08.2010], «Юридическая статистика» [Свидетельство о регистрации электронного ресурса № 15949 от 13.07.2010], «Информатика», «Основы медицинских знаний», «Правовая информатика» [Свидетельство об отраслевой регистрации разработки № 11926 от 19.12.2008], «Теоретические основы современного информационного общества», «Современные технологии в образовании», «Информационные технологии в юридической деятельности», «Информационные технологии в психологии», «Мировые информационные ресурсы». Кроме того, данный процесс вышел за рамки института. По заявке «Центра по профилактике ВИЧ/СПИД и инфекционными заболеваниями» ОБУЗ «Курский областной клинический кожно-венерологический диспансер» разработан и внедрен в НОУ ВПО «РОСИ» учебный модуль «Профилактика ВИЧ/СПИД» (2015), по просьбе ДШИ № 1 им. Г.В. Свиридова, на основе Договора о творческом сотрудничестве» (2014), было разработано «Электронное учебное пособие: Народное музыкальное творчество» [Свидетельство о регистрации электронных ресурсов № 21243 от 15.10.2015].

При этом, на данном примере, в качестве иллюстрации, мы рассматриваем со студентами структуру построения электронных учебников и методику его

разработки. Имеющийся в электронном учебнике материал, используется во внеаудиторное время при проведении мероприятий, направленных на формирование духовно-нравственной культуры студента. Например: организация тематических вечеров – музыкально-драматический спектакль "Борис Годунов" [Свидетельство о регистрации электронного ресурса № 16076 от 23.08.2010], «История русского романса» (2012, 2013), «Фольклор и его значение на современном этапе» (2013), «Русская песня – душа народа» (2014), «Славен твой подвиг солдат!» (2015), «Символы Российского государства: история флага, герба и гимна» (2016) и т.д. Особенность такой формы заключается в том, что студенты непосредственно участвуют в подготовке и проведении мероприятий (готовят презентации, устные сообщения, становятся артистами), тем самым дополняя свое портфолио.

АОиКС «Spark» использован на кафедре иностранных языков Курского государственного медицинского университета при проведении викторины, для чего создан компьютерный практикум «10 уроков немецкого языка» [1]. Для Орловского юридического института МВД РФ (Курский филиал) и Московского института права (филиал в г. Курске) создан компьютерный практикум «Информатика», «Юридическая статистика», «Информационные технологии в юридической деятельности» и «Русская фея» (тематическая викторина).

Именно через АОиКС «Spark» студенты реализуют такие общекультурные компетенции, как, ОК-5 способность к коммуникации в устной и письменной формах на русском языке для решения задач межличностного и межкультурного взаимодействия; ОК- 6 способность работать в коллективе; ОК-7 способность к самоорганизации и самообразованию. Все действия студента (время работы, учебная дисциплина (модуль), объем выполненной работы и качество) автоматически фиксируются в электронном протоколе, что ложится в основу балльно-рейтинговой

системы и портфолио.

Преподавание учебных дисциплин «Информационные технологии в психологии», «Современные информационные технологии в образовании» послужили толчком для внедрения психодиагностического комплекса «Познай себя» [Свидетельство о регистрации электронного ресурса № 12151 от 12.01.2009] при изучении социализации личности курсантов юридических кузов и проведения деловой игры «Принятие управленческого решения» (Монография – Белгород: БГУ, 2001).

Автоматизированная система оценки здоровья «ASOZ» [Свидетельство о регистрации электронного ресурса № 21699 от 17.03.2016] использована при написании монографий «Социально-гигиенические аспекты охраны здоровья лесозаготовителей» и «Основные вопросы гигиены труда рабочих спичечных производств» (– М.: ВНИПИЭлеспром, 1991 и 1992), а в комбинации с программами «Комплексная оценка метеофакторов на здоровье рабочих», «Медико-демографический анализ и прогноз», «Медицинский паспорт здоровья студента (программа на основе индивидуальных показателей и субъективных симптомов, характеризующих здоровье, определяет группу диспансерного наблюдения, биоритмы и критические дни)», «Оценка индивидуальных параметров здоровья (по Баевскому)» демонстрируется на занятиях по «БЖД» и «Здоровьесберегающие технологии в образовании».

Политика формирования здорового образа жизни детей и подростков отражена в нормативно правовых актах РФ: ФЗ от 30 марта 1995 г. № 38-ФЗ «О предупреждении распространения в Российской Федерации заболевания, вызываемого ВИЧ», «Концепция превентивного обучения в области профилактики ВИЧ/СПИДа в образовательной среде» (2005), Постановление Главного государственного санитарного врача Российской Федерации от 11 января 2011 г. № 1 «Об утверждении СП

3.1.5.2826-10 «Профилактика ВИЧ-инфекции» (раздел IX. Гигиеническое воспитание населения), Указ Президента РФ «О национальной стратегии действий в интересах детей на 2012 – 2017 годы» п.4) и предписывает обязательное включение в рабочие программы образовательных учреждений вопросы для изучения ВИЧ-инфекции и путей профилактики. Данное требование послужило основанием для исследования проблемы и разработки компьютерной программы «Информированность школьников о ВИЧ/СПИД» [6]. Материалы социологического исследования среди школьников и студентов дополнили курс «БЖД» не только конкретными данными, но стали предметом обсуждения методических приемов при организации социологических исследований, укрепили связь с органами практического здравоохранения и расширили программу УИРС/НИРС.

Информационные технологии используются не только в учебном процессе. С целью оптимизации преподавательской деятельности были разработаны компьютерные программы «Менеджер проверки контрольных работ», что позволило объективно и оперативно оформить рецензии по качеству написания контрольных работ [6- Свидетельство об отраслевой регистрации разработки № 11927 от 19.12.2008], «Балльно-рейтинговая система в вузе» [7], «Дневник работы преподавателя» [5].

Систематически мы разрабатываем и применяем новые интерактивные методы в педагогике, где студентам отводится активная роль [3, 4], но ключевую функцию («застрельщика», организатора, координатора и равноправного участника своего мероприятия) выполняет преподаватель [Свидетельство о регистрации электронного ресурса № 16075 от 23.08.2010; Свидетельство о регистрации электронных ресурсов № 18603 от 17.10.2012].

Анализ публикаций, небольшая часть которых представлена в данной статье, позволяет сделать вывод о том, что

инновации не могут быть реализованы в одиночку. В нашем примере присутствуют специалисты разных направлений: компьютерные технологии – М.Л. Ахметзянов, Г.В. Бабкин, К.С. Гурова, В.Б. Клаверов, Ю.И. Кошолкин, Л.Н. Краснокутская, Д.В. Лица, Р.А. Макеев, С.А. Морозов, Н.И. Пыжова. А.Л. Разиньков; преподаватели-музыканты – Г.В. Грачева, П.В. Дудошников, А.Е. Дурнев, А.Ю. Капралов; врачи – Д.Л. Ахметзянова, В.А. Барышникова, В.Г. Ковальчук; юристы – Р.Л. Ахметзянова, В.Ф. Баркатунов, А.М. Борисов, В.В. Попов; преподаватели других вузов – И.Ф. Шамара, А.Е. Стрелкова, В.Г. Тур (Крым), регент Л. Семыкина, иерей Андрей Швецов (Никитский храм), протоиерей В.А. Гребеньков (настоятель храма Святого великомученика Георгия Победоносца) и студенты вузов.

Выводы:

1. Электронные информационно-образовательные ресурсы нашли свое место в воспитательно-образовательной сфере и расширяют границы УИРС/НИРС, активизируя процесс формирования общекультурных компетенций в социализации личности.

2. Инновационный процесс – процесс творческий, трудоемкий и коллективный, успех которого зависит от интеграции специалистов разных сфер деятельности и непосредственного участия обучающихся.

3. Разработка и эксплуатация электронных информационно-образовательных ресурсов актуальна и важна сфера деятельности и принципиально отличается от подготовки учебных материалов на бумажном носителе. Это должно найти отражение при определении нормативных показателей учебной (научной) работы и годовой нагрузки на преподавателя.

Список литературы:

1. Ахметзянов Л.М. Немецкий язык. Интенсивный курс Т.Н. Смирновой. – М., 1994. Часть 1. Учебное пособие для работы с

АОиКС "Spark". – Курск: ОРАГС КФ, 2006. – 33 с.

2. Ахметзянов Л.М. Вместо реферата – спектакль [новые методы интерактивного обучения] // Власть судебная. Вестник Курского областного суда и Управления Судебного департамента в Курской области, 2010. №2(22). – С.90-93.

3. Грачева Г.В., Дудошников П.В., Морозов С.А. Воспитательный процесс в образовательных учреждениях через поэзию, музыку и живопись [статья] // Материалы за X Международна научна практична конференция «Настоящи изследвания и развитие – 2014» 17 –25 януари, 2014. Том 15 Педагогические науки. – София «Бял ГРАД-БГ» ООД, 2014. – С. 21-22.

4. Грачева Г.В., Стрелкова А.Е. Опыт организации учебно-исследовательской работы студентов в вузе [статья] // Materialy X Mezinarodni Vedecko – Prakticka Konference «Moderni vymozenosti vedy» – 2014» 27.01.2014 – 05.02.2014 Dil 15 Pedagogika. – Praha, Publishing House «Education and Science», 2014. – S.54-56.

5. Макеев Р., Ахметзянов Л.М. Выпускная квалификационная работа «Автоиатизация процессов работы преподавателя музыкальной школы». – Курск: РОСИ, 2013.

6. Походаев Н.Ю., Барышникова В.А., Ковальчук В.Г., Ахметзянов М.Л. Организация и проведение социологического исследования информированности школьников о ВИЧ/СПИД и путях профилактики // Научный поиск-2015: Сборник работ молодых ученых / Сост. С.А. Кравченко. – Курск: Изд-во РОСИ, 2015. – С. 315-320.

7. Пыжова Н.И., Ахметзянов М.Л. Рейтинговая система и инструментальное обеспечение [Статья] // Материалы II-й Всерос. научной конференции: Информационные технологии в науке, образовании и экономике. – Якутск, 2007. – С.28-30.

L.M. Ahkmetzyanov, Doctor of Sciences, Professor, Regional Open Social Institute (Kursk) (e-mail: alm_kursk46@mail.ru)

ELECTRONIC INFORMATION-EDUCATIONAL ENVIROMENT IN HIGH SCHOOL: THE STATE, PROBLEMS

(To the 15th anniversary of the innovative technologies in the ROSI)

The article presents a 15-year experience of use in various fields of education and educational activity copyright of computer programs and innovative pedagogical technologies in high school, the purpose of which is to optimize the learning process, formation of common cultural competence, socialization of the individual and the realization of the rights of the teacher in the creative initiative.

Keywords: *electronic information-educational environment, software, innovation, socialization of personality, education, competence.*

УДК 378

С.Н. Волкова, д-р с-х. наук, профессор, ФГБОУ ВО «Курская государственная сельскохозяйственная академия имени И.И. Иванова» (Курск) (e-mail: Volkova_47@mail.ru)

М.И. Пашкова, канд. с-х. наук, доцент, ФГБОУ ВО «Курская государственная сельскохозяйственная академия имени И.И. Иванова» (Курск) (e-mail: marina010104@yandex.ru)

А.В. Шлеенко, канд. экон. наук, доцент, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Курск) (e-mail: Shleenko77@mail.ru)

ОСОБЕННОСТИ ИЗУЧЕНИЯ УЧЕБНЫХ ДИСЦИПЛИН АЛЬТЕРНАТИВНОЙ МЕТОДИКОЙ «СЕРПАНТИНОМ ИЗ ЦЕНТРА»

В статье говорится о возможностях изучения дисциплин методом «серпантина из центра», отличающимся от общепринятых методик по принципу «от частного к общему», «от простого к сложному». Авторы показывают возможности использования принципа «от общего к частному», предполагающего охват тем дисциплины «по спирали».

Ключевые слова: теория, практика, дисциплина, корреляционный анализ, статистика.

Введение. Целью исследования явилась методика, которая позволяла бы при минимальной аудиторной нагрузке преподавателя помогать освоить дисциплину. У существующих методик последовательного изложения материала один и тот же недостаток, связанный с последовательностью [1]. Имеющееся аудиторное время автоматически уменьшает время на изучаемые в аудитории разделы дисциплины. Поэтому мы пошли по альтернативному пути, т.е. из сердцевины самой дисциплины. Серпантинном подключаются остальные вопросы для понятного усвоения. Особое место отводится практическим и семинарским занятиям, на которых студенты защищают свои проекты исследования с применением освоенных методов, самостоятельной работе, в которой показаны основные расчеты и интерпретация полученных результатов исследования, с помощью освоенных в дисциплине методов и навыков сбора и обработки информации, а также результатов эксперимента.

С давних времен известна поговорка «Не давай мне рыбу, научи ловить». Так и освоение дисциплины связано с умением, с помощью знаний добывать ту самую «рыбу». И, чем скорее и эффективнее будет она освоена, тем результативнее на практике

применена [2, с.49; 3, с.58; 4, с.108; 5, с.24; 6, с.135].

Материалы и методы. Остановимся подробнее на методике изучения дисциплины «Статистика». Она подразделяется на общую теорию статистики, а, именно, «Введение в теорию статистики», «Теорию статистики: ряды динамики и индексы» и «Статистику: предприятий, производительности труда и заработной платы; основных фондов, научно-технического прогресса и себестоимости».

Традиционно излагают последовательно дисциплину, начиная с исторической справки, особенностей статистики как науки и ее методов. И пока дойдут до «корреляционного анализа», прогнозирования и интерполяции остается очень мало времени для его реального применения, а ведь именно корреляция является основой основ для выявления существующих связей исследуемых процессов на практике, происходящих в той или иной отрасли промышленности или сельского хозяйства.

По разработанной нами методике «Серпантин из центра» предлагаем начинать изучение дисциплины с самых сложных для понимания разделов [7, с.26], тем более что на нее отводится, как правило, две установочных, т.е. лекционных недели, а это 4-5

лекций. Встречающиеся формулы в прямой регрессии и для вычисления коэффициента корреляции желательно с обоснованием дать готовые. Студентам четвертого, пятого семестра обучения легче подставить данные в готовые формулы и получить результат, нежели каждый раз решать систему линейных уравнений, пусть даже с двумя переменными в однофакторной модели.

На практике следует дать возможность раскрытия способностей в освоении новой дисциплины каждому студенту, предложив более простые темы подготовить в виде презентаций или просто докладов с обсуждением и дискуссией, в которой задаваемые вопросы также отмечаются преподавателем баллами в модульно-рейтинговой системе оценок.

Таким образом, закручивая спираль от центра, мы перейдем к вопросам сущности, классификации, сопоставимости рядов динамики (снизу) и однофакторному, многофакторному регрессионному анализу (сверху). А дальше к особенностям построения индивидуальных и сводных индексов и индексному методу анализа (снизу), с верха спирали – к достоверности полученной информации при сборе и анализе ее обработки. Такой подход позволяет не только рассмотреть, прослушивая студентов, все темы дисциплины, но и успеть выполнить расчетно-графические работы (РГР), необходимые для усвоения материала и применения его на практике в виде составления и обработки рядов, касающихся конкретных исследований предприятий АПК [8, с.48], производительности труда на предприятиях или фирмах, заработной платы с учетом статистических данных по региону, основных фондов, научно-технического прогресса и себестоимости, с использованием обработки статистического материала конкретных объектов исследования.

Результаты и их обсуждение. Данная методика апробирована на группах студентов специальности «Финансы и кредит» заочной формы обучения с объемом часов на аудиторную работу 30% и самостоятельную работу 70% от общего объема

100%, а также «Менеджмента организации» очной формы обучения в РГСУ на кафедре «Муниципальное государственное управление, гражданское и уголовное право» с объемом аудиторной работы 70% и самостоятельной в 30%.

Результаты превзошли все ожидания. Заочники, работающие вне г. Курска и Курской области, приехав на сессию и предварительно взяв задание, представили данные исследования в виде РГР, не говоря уже о заочниках, находящихся в г. Курске и области.

Очная форма обучения тоже порадовала результатами, теперь им не казалось, что к ним завышенные требования и, они четко усвоили, что любой материал, примененный на практике, является еще одним методом исследования. Успеваемость в группах, преподаваемых по данной методике, составила 98-99%, а качество образования – 80-90%. Качество определялось отношением хороших и отличных оценок к общему количеству сдававших экзамен студентов.

Заключение. Предложенная нами методика, названная «Серпантин от центра», особенно эффективна, когда объем аудиторных часов не превышает 50%, а на самостоятельную работу отводится более 50% материала. Наши исследования показывают, что при минимальном изложении преподавателем получается максимальный эффект усвоения через РГР и презентации. При данном подходе к изучению дисциплины следует особо сделать упор на подготовку самого преподавателя. Преподаватель должен находиться в теме при изучении всего курса и быть готов к любым вопросам со стороны студентов. Поскольку при подготовке они пользуются не только рекомендованным списком литературы, но и интернет-ресурсами, и специальными сайтами, да и жизнь им подкидывает немало интересных задач, к которым применима статистика.

Список литературы:

1. Шлеенко А.В., Волкова С.Н. Пути решения проблем в сфере образования и

науки в современных условиях // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия Лингвистика и педагогика. 2015. №1(14).

2. Сивак Е.Е., Волкова С.Н., Белова Т.В., Пашкова М.И., Герасимова В.В. Достижение максимальной эффективности в области образовательных услуг // Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии. 2015. №7. – С.49-51.

3. Сивак Е.Е., Герасимова В.В., Пашкова М.И. Особенности новаторства и лидерства в АПК // Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии. 2015. №7. – С.58-60.

4. Волкова С.Н. Инновационно-инвестиционный процесс прогнозирования эффективного управления АПК// Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии. 2015. №8. – С.108-111.

5. Волкова С.Н., Сивак Е.Е., Пашкова М.И., Герасимова В.В. Комплекс мероприятий, позволяющих повысить эффективность функционирования народного хозяйства «Актуальные проблемы и инновационная деятельность в агропромышленном производстве» (материалы международной научно-практической конференции, 28-29 января 2015 г., г. Курск, ч.2). –Курск: Изд-во: Курская гос. с.-х. ак., 2015. – С.24-27.

6. Волкова С.Н., Таныгин О.Ф. Концепция прогнозирования состояний социально-экономических систем АПК // Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии. 2015. №9. –С.134-139.

7. Волкова С.Н. Обработка результатов эксперимента. Учебное пособие/ Изд-во: Курская гос.с.-х. ак., 2011. – С.48.

8. Волкова С.Н., Бунин А.И. Математическая статистика. /Изд-во: Курская гос.с.-х. ак., 2015. – 79с.

S.N. Volkova, Doctor of Sciences, Professor, Kursk State Agricultural Academy named prof. I.I. Ivanov (e-mail: Volkova_47@mail.ru)

M.I. Pashkova, Candidate of Sciences, Docent, Kursk State Agricultural Academy named prof. I.I. Ivanov (e-mail: marina010104@yandex.ru)

A.V. Shleenko, Candidate of Sciences, Docent, Southwest State University (Kursk) (e-mail: Shleenko77@mail.ru)

FEATURES OF STUDYING BY ALTERNATIVE TECHNIQUE "THE SERPENTINE FROM THE CENTER"

The article devoted to possibilities of studying by "The serpentine from the center" unlike the standard techniques "from the particular to the general" or "from simple to difficult". Using induction and deduction, and, exactly, "from the general to the particular", and taking discipline subjects on a spiral, the studying technique from teoretiko-syllabic before almost simple application is stated.

Keywords: theory, practice, discipline, correlation analysis, statistics.

УДК 159.9.07

Л.Г. Липатова, канд. психол. наук, доцент, НОУ ВПО «Региональный открытый социальный институт» (Курск) (e-mail: lg07lipatova@yandex.ru)

КОМПЕТЕНТНОСТНЫЙ ПОДХОД ПРИ ИССЛЕДОВАНИИ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ ЛИЧНОСТИ К СОВРЕМЕННЫМ ЭКОНОМИЧЕСКИМ УСЛОВИЯМ

В статье рассматриваются основные факторы, способствующие социально-психологической адаптации личности к современным экономическим условиям в рамках компетентностного подхода.

Ключевые слова: социально-психологическая адаптация, экономические условия, критерии адаптации, компетенции, компетентностный подход.

Социально-психологическая адаптация является важным аспектом полноценной жизнедеятельности человека. Особенно актуальной проблема адаптации становится в периоды радикальных социальных изменений, происходящих в обществе, поскольку такие изменения требуют значительных усилий со стороны личности. Людям необходимо быстро реагировать на изменения социально-экономических условий для того, чтобы выбрать те стратегии поведения, которые позволяют преодолеть возникающие проблемы и достичь состояния адаптированности. Отличительной особенностью адаптации к социально-экономическим условиям является построение новых программ взаимодействия с социумом с целью реализации собственной индивидуальности в различных видах деятельности.

Современные экономические условия – это ряд вновь возникших обстоятельств внутреннего и внешнего характера, в числе которых Г.М. Дендак выделяет:

- сложные внутренние макроэкономические условия и системные проблемы в сфере экономики, усугубляемые усилением мировой политической и экономической напряженности;
- введение различного рода зарубежных санкций против России;
- рост конкуренции на внутреннем и мировом рынках, углубление международного разделения труда в промышленном производстве;

- падение курса рубля и неблагоприятное изменение мировой ситуации в целом [3, с.131].

В настоящее время в психологической литературе проблемам адаптации личности к изменяющемуся обществу уделяется значительное внимание. В связи с этим большое значение приобретают работы Е.В. Руденского, В.В. Гриценко, К.А. Абульхановой - Славской, Ю. А. Клейберга, П.С. Кузнецова, С.К. Нартовой-Бочавер, С.Т. Посоховой. Вместе с тем, следует отметить, что в научной литературе целостное представление о социально-психологической адаптации до сих пор отсутствует.

Поскольку адаптация непосредственно связана с различными видами деятельности, представляется актуальным рассмотреть некоторые вопросы адаптации к современным экономическим условиям в рамках компетентностного подхода. Идея компетентностного подхода появилась в ходе модернизации российского образования и в настоящее время рассматривается в рамках смены ценностных ориентиров и целей образования. **Компетентностный подход** – это подход, акцентирующий внимание на результате образования, причем в качестве результата рассматривается не сумма усвоенной информации, а способность человека действовать в различных проблемных ситуациях [6].

В фокусе нашего внимания оказались

представители самых массовых социальных групп, так как деятельность и социальное поведение рядовых граждан страны является главным источником социального благополучия общества. Исследуемую выборку составили представители типичных слоев населения современной России: предприниматели, работники государственной службы, военнослужащие, работники сферы образования, студенты, лица, работающие не по специальности. С точки зрения известного отечественного социолога Т.И. Заславской, ближайшее будущее общества определяет его инновационно-реформаторский потенциал [4]. В этом потенциале выделяют три компонента: реформаторский, социально-инновационный и адаптационный. Многие исследователи считают, что эти три компонента определяются установками и деятельностью различных слоев общества. Если реформаторский и социально-инновационный компоненты зависят от тех социальных слоев, которые располагают ощутимыми экономическими, политическими и культурными ресурсами, то адаптационный потенциал общества зависит, в первую очередь, от объективного положения, установок, деятельности и социального поведения граждан страны [7, с.128].

Рядовые граждане, располагая ограниченными ресурсами, на первый взгляд, не оказывают существенного влияния на ход проводимых реформ. Однако мнение о незначительной роли соответствующих групп населения, например, интеллигенции, служащих, военных в процессе социальных изменений обманчиво, так как в действительности на ход и результат социальных и экономических изменений влияет поведение самых массовых социальных групп.

Противоречивость и нестабильность социально-экономических условий создают обстановку, в которой разные люди применяют различные стратегии адаптивного поведения. В зависимости от ситуации, собственных установок и личностных психологических особенностей они могут своей деятельностью ускорять и поддерживать осуществление реформ или препятствовать

им. Социологи подчеркивают, что в условиях реформ именно эта, на первый взгляд, скромная и незаметная деятельность становится главным источником происходящих в обществе социальных изменений.

Основу выборки нашего исследования составили социальные слои, от деятельности которых зависит адаптационный потенциал всего общества: средние и мелкие предприниматели, управляющие непромышленной сферой (госаппарат), работники образования, кадровые военные. Основное внимание было сосредоточено на этих социальных группах, так как в условиях социально-экономических изменений именно эти группы способствуют дальнейшему развитию общества, его стабилизации, препятствуют резкой социально-экономической поляризации населения.

Одним из методов исследования обозначенной проблемы стало анкетирование участников исследования. С целью выявления уровня социально-психологической адаптированности разных групп населения, а также выявления ряда факторов, способствующих или препятствующих успешной адаптации, нами была разработана анкета, состоящая из нескольких блоков вопросов, в том числе «компетентностный блок».

Одним из постулатов компетентностного подхода в образовании является *ориентация на саморазвитие личности*, при этом особое место уделяется самоанализу, самооценке, рефлексивной деятельности.

Вопросы, входящие в анкету и направленные на выявление уровня адаптированности, требовали от респондентов рассуждений с позиций, возможно, для них непривычных, то есть побуждали участников исследования задуматься над тем, каковы реальные причины, не позволившие им добиться успехов в сфере определенной деятельности. Мы считаем, что ответы на подобные вопросы, связанные с анализом препятствий, в особенности внутреннего, субъективного плана, способствуют развитию

рефлексивности сознания людей, а также побуждают к рассмотрению иных форм поведения, отвечающих сложившейся социально-экономической реальности.

В ходе анкетирования испытуемым было предложено ответить на вопрос о том, расходятся ли их реальные достижения в избранных сферах деятельности с возможными и идеальными достижениями. Последующие вопросы предполагали размышления опрошенных о причинах расхождений между достигнутыми результатами и потенциальными возможностями. Было предложено проанализировать, в чем именно видит человек причину того, что ему не удалось добиться желаемого успеха: в отсутствии необходимых знаний, умений; в недостатке способностей; в собственной пассивности и неорганизованности

Умения, навыки, способности являются составляющими понятия «компетентность», которое описывает сложную систему действий, обеспечивающую возможность достигать желаемого результата и соответствовать требованиям общества и отдельных людей. Согласно такому подходу компетентность человека проявляется только в реальных действиях, совершаемых в различных социальных ситуациях.

Понятие «компетентность» сочетает в себе как требования социальной ситуации, так и индивидуальные качества и способности человека. Компетентность человека включает когнитивные компоненты (знание), мотивацию, социальные установки и другие, социальные и поведенческие компоненты, которые необходимы для эффективных действий и достижения успеха в различных сферах жизни и деятельности. Компетентность необходима как отдельному человеку для успешной адаптации и повышения качества его жизни, так и всему обществу в целом, поскольку состояние общества зависит от содержания деятельности отдельных людей.

При анализе ответов испытуемых на вопросы, направленные на выявление

компетентности, нами была обнаружена зависимость следующего содержания: чем более человек удовлетворен своими достижениями, тем выше он оценивает основные составляющие собственной компетентности (знания, умения, навыки, способности и поведенческие характеристики).

Оба фактора (отсутствие знаний наряду с собственной пассивностью) в качестве причины, вызвавшей расхождение, отметили 15% от общего числа испытуемых. Интересно отметить, что такая альтернатива, как «отсутствие способностей», не получила ни одного выбора в данной группе. Это обстоятельство можно расценить достаточно позитивно, предположив, что неудовлетворенность достигнутыми успехами в значимых сферах жизнедеятельности в сочетании со способностями может послужить толчком к будущим достижениям. Однако необходимо учесть и другое обстоятельство. Хотя анкета и была анонимной, по-видимому, вопрос о собственных способностях был воспринят испытуемыми как довольно сложный. Можно предположить, что человеку гораздо легче признать недостаточность собственных знаний и дисциплинированности, чем отсутствие способностей.

С нашей точки зрения этому можно дать объяснение следующего содержания. В обыденном сознании понятие «способности» ассоциируется с некоторыми врожденными качествами, которые с трудом поддаются или вообще не поддаются корректировке, в то время как объем и качество знаний всегда можно увеличить и улучшить, стоит лишь предпринять соответствующие усилия (получить дополнительное образование, закончить курсы и т.п.). Аналогичным образом можно стать более дисциплинированным и активным, и это будет способствовать успеху. Этот результат, полученный нами в ходе анкетирования, вполне согласуется с выводами зарубежных психологов о том, что высокая самооценка является фактором успешной адаптации [5]. Когда человек

верит в свои способности и позитивные возможности, его шансы на успех значительно возрастают.

Анализ ответов на вопросы, связанные с «блоком компетентности» в группе с низким уровнем адаптированности показал следующие результаты. Примерно треть от общего числа респондентов не удовлетворена своими достижениями. Четвертая часть всех испытуемых считает, что причина расхождений между желаемыми успехами и реальными результатами заключается в их собственной пассивности и неорганизованности. Немногим более трети опрошенных рассматривают в качестве препятствий к достижению успеха оба фактора – недостаток знаний, умений и навыков в сочетании с собственной пассивностью и неорганизованностью. Небольшая часть респондентов в качестве расхождений указывает все три альтернативы (отсутствие знаний, отсутствие способностей, недисциплинированность). Примечательно, что такое же количество опрошенных не отметили ни один из собственных недостатков, указав в качестве причины расхождений только обстоятельства внешнего характера (несовершенное законодательство, несправедливое общество).

Анализ результатов анкетирования по блоку «компетентность» приводит нас к следующему выводу. Тенденция к позитивному оцениванию собственной компетентности характерна для лиц, демонстрирующих высокий уровень адаптированности, следовательно, мы можем рассматривать компетентность как фактор успешной адаптации.

Весьма интересной представляется еще одна тенденция, выявленная при сопоставлении результатов анкетирования и данных, полученных по методике «Личностный опросник А.Т. Джерсайлд» по шкале «отсутствие свободы выбора: отношение к авторитету». Наиболее компетентный человек, обладающий необходимыми знаниями, умениями и способностями и оценивающий свои

достижения в позитивном ключе, достаточно независим от различных ожиданий и претензий своего окружения, чувствует себя достаточно свободным, чтобы всегда быть самим собой в отношениях с людьми, в том числе и с теми, которые занимают более высокое социальное положение.

Анализ ответов на вопрос анкеты, связанный с выделением независимых обстоятельств, препятствующих достижению успехов в значимых сферах деятельности, показал следующие результаты. Основное число респондентов в качестве внешних препятствий назвали такие как «несправедливое общество» и «несовершенное законодательство». Интересно отметить, что две трети участников исследования, чей уровень адаптированности мы имеем основания рассматривать как высокий, вообще не отметили каких-либо независимых обстоятельств, провоцирующих расхождение между желаемыми успехами и достигнутыми. В то же время, практически все испытуемые с низким уровнем адаптации назвали, как минимум, одно препятствие, вызванное внешними обстоятельствами.

Выделим тенденции, выявленные в результате анализа ответов респондентов. Социально-психологическая адаптация не является специфическим групповым феноменом. Определенные личностные качества позволяют представителю любой социальной группы достичь хороших показателей в процессе адаптации и занять высокое место в иерархии.

С понижением уровня социальной адаптированности возрастает количество требований, предъявляемых человеком к социуму, усиливается переживание отсутствия социальной защищенности.

Однако и наиболее адаптированная группа, демонстрирующая в целом установку на собственные силы, значительную часть которой составили предприниматели, не может рассматриваться как абсолютно независимая от социума в своей жизнедеятельности. Эти люди также зависят от общей государственной

экономической политики, правовой и налоговой базы, блокирующей или поощряющей те или иные виды деятельности.

Список литературы:

1. Балабанова Е.С. Социально-экономическая зависимость и социальный паразитизм: стратегии «негативной» адаптации // Социологические исследования. 1999, № 4. – С. 46-57.
2. Балл Г.А. Понятие адаптации и его значение для психологии личности // Вопросы психологии. 1989, №1. – С. 92 -100.
3. Дендак Г.М. Продовольственная безопасность России в контексте новой парадигмы развития микрохозяйственных связей //Провинциальные научные записки. 2015, № 2. – С.130-132.
4. Заславская Т.И. Социокультурный аспект трансформации российского общества // Социологические исследования. – 2001, № 8. – С. 3 - 11.
5. Майерс Д. Социальная психология. – СПб.: Питер. 1999. – 688 с.
6. Мединцева И. П. Компетентностный подход в образовании [Текст] // Педагогическое мастерство: материалы II междунар. науч. конф. (г. Москва, декабрь 2012 г.). – М.: Буки-Веди, 2012.
7. Посохова С.Т. Психология адаптирующейся личности: Дис. ... д-ра психол. наук. – СПб. 2001.
8. Реан А.А., Кудашев А.Р., Баранов А.А. Психология адаптации личности. – СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК. 2006. – 479 с.

L.G.Lipatova, Candidate of Sciences, Docent, Regional Open Social Institute (Kursk) (e-mail:lg07lipatova@yandex.ru).

COMPETENCE-BASED APPROACH IN RESEARCH OF SOCIAL AND PSYCHOLOGICAL ADAPTATION TO ECONOMIC CONDITIONS

The article is devoted to competence-based approach in research of social and psychological adaptation to economic conditions, the important role of competence is confirmed empirically.

Key words: social and psychological adaptation, economic conditions, criteria of adaptation, competence, competence-based approach.

УДК 376.1

С.А. Кравченко, канд. пед. наук, доцент, НОУ ВПО «Региональный открытый социальный институт» (Курск) (e-mail: iris.007@mail.ru)

Е.С. Апанасенок, магистрант, ФГБОУ ВПО «Курский государственный университет» (Курск) (e-mail: berezka-87@mail.ru)

ФОРМИРОВАНИЕ НРАВСТВЕННО-ЭСТЕТИЧЕСКИХ КАЧЕСТВ ЛИЧНОСТИ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНИКА СРЕДСТВАМИ РУССКОГО НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА КАК ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

В данной статье актуализируется значение нравственно-эстетического воспитания подрастающего поколения на современном этапе развития общества. С этой целью авторами анализируются возможности использования педагогического ресурса русского народного творчества и рассматриваются его теоретические основы. Выделен ряд противоречий в деятельности воспитательной системы и определены педагогические условия для решения обозначенной проблемы.

Ключевые слова: духовное здоровье личности, нравственно-эстетическое воспитание, народное творчество.

Современный период общественного развития характеризуется ростом значимости «человеческого фактора». Как следствие, образование рассматривается как национальная задача, существенная основа эффективного поступательного движения. Уровень развития производства, безусловно, влияет на продуктивность и создает предварительные конкретные материальные условия. Однако то, какой будет производительность, в большой мере зависит от работника, так как он непосредственно имеет дело со средствами и предметами труда в процессе производства, вступает в систему производственных и межличностных отношений. Иначе говоря, для общественного развития важны не только уровень знаний и степень сформированности практических умений и навыков его трудящихся, но и их личностная характеристика, включающая в себя такие качества и свойства, как доброта, порядочность, честность, справедливость, трудолюбие, дисциплинированность, коллективизм. В свою очередь, способность личности к полноценному восприятию и правильному пониманию прекрасного в действительности содействует организации человеческих

чувств, духовному развитию, регуляции и коррекции поведения [5; 7, с. 64].

Духовное здоровье личности, государства и общества в целом зиждется на уважении к собственной истории и традициям. Любовь к Родине, патриотизм, желание жить не только ради своего, но и общего блага, закладывается в раннем детстве. В настоящее время в российском образовании за основу взят личностно-ориентированный подход к его организации. В Федеральном государственном образовательном стандарте начального общего образования (ФГОС НОО) приоритетным направлением является духовно-нравственное развитие и воспитание обучающихся, предусматривающее принятие ими моральных норм, нравственных установок, национальных ценностей, формирование эстетических потребностей, ценностей и чувств [8].

Средством формирования указанных качеств личности может стать приобщение детей к традиционной народной культуре. Русские сказки, пословицы, поговорки, песни, художественный промысел (предметы декоративно-прикладного творчества) несут в себе значительный нравственный заряд,

азы многовековой мудрости, передававшейся из поколения в поколение.

Они же формируют устойчивую культурную идентичность, создавая образы «своего» и «чужого» [1, с. 43]. По мнению Н.В. Егуповой, ознакомление с гармоничными, красочными образами произведений народного творчества формируют у детей художественное восприятие и правильные эстетические представления, необходимые для всестороннего развития личности, доносят до сознания необходимость уважительного, бережного отношения к культурному наследию родного края, утверждают чувство гордости за свою принадлежность к нации, повышают общую культуру подрастающей личности [2].

В культуре, как в совокупном исторически развивающемся социальном эксперименте, регулирующем активность, поведение и общение людей, принципиальное пространство отводится народному творчеству. Диалогическое взаимодействие с ценностями творений фольклора и декоративно-прикладного творчества способствует индивидууму вольно и без помощи других производить личные смысложизненные ориентиры, совершенствовать эмпатию, разум и образное мышление в процессе восприятия, интерпретации художественных творений и своей художественно-творческой деловитости [3, с.83]. Фольклор, являясь формой духовного освоения реальности, через отображения обилия житейских явлений в звуковом и словесном видах исполняет необыкновенную задачу художественного знания, потому оно занимает важнейшее место в системе образования, целью которого является воспитание разносторонней личности, владеющей не лишь различными познаниями, умениями и навыками, однако и состоятельным внутренним миром.

В последние годы возрос интерес к проблеме теории и практики нравственно-эстетического воспитания как важному средству формирования отношения личности к действительности, средству высоконравственного и умственного обучения, как средству формирования многосторонне

развитой, духовно богатой личности с собственным мировоззрением. Создание мировоззрения личности не может считаться законченным, если не сформированы нравственно-эстетические взгляды. Формировать личность и её нравственно-эстетическую культуру, в особенности, принципиально в более подходящем для этого младшем школьном возрасте.

Сензитивности данного возраста к присвоению ценностей культуры, в том числе духовно-нравственных, нравственно-эстетических, способствуют такие психологические новообразования в развитии младших школьников, как произвольность и осознанность всех психических процессов, их внутреннее опосредствование и интеллектуализация; осознание собственных изменений в результате развития учебной деятельности, а также развивающаяся способность к обобщению переживаний, рефлексия, интенсивное формирование моральных чувств, самооценка, чувство компетентности [4; 6, с.356].

Эмоция красоты природы, находящаяся вокруг людей, вещей формирует в ребенке особенное эмоциональное психическое положение, волнует конкретный интерес к жизни, обостряет любознательность, развивает мышление, память, волю и остальные психические процессы. Таким образом, приобщение детей к основам народной культуры является, с одной стороны, средством сохранения отечественного культурно-исторического наследия, а с другой – инструментом гармоничного развития личности.

Вышесказанное определяет актуальность обращения к пластам народного творчества как мощному воспитательному ресурсу.

Нравственным, эстетическим, социальным аспектам в структуре русского народного творчества, семантике его образов, анализу традиций, преемственности, современности, посвящены труды Г.Л. Дайн, В.И. Белова, В.М. Василенко, М.А. Некрасовой, И.И. Борисовой и др.

Психологические характеристики нравственно-эстетических чувств, влияние на поведение ребёнка различных факторов, в том числе общения с искусством, и как следствие, развитие морального облика личности, разработаны в трудах Л.С. Выготского, В.А. Крутецкого, П.Я. Гальперина, А.Н. Леонтьева, В.П. Зинченко, В.С. Кузина.

Вопросы формирования нравственно-эстетических качеств личности в процессе приобщения детей к ценностям отечественной культуры освещаются в наследии выдающихся педагогов-исследователей Ш.А.Амонашвили, В.А.Сухомлинского, В.И.Андреева, И.С.Марьенко, Б.Т.Лихачёва, Б.М.Неменского.

Интерес представляют исследования по методике преподавания декоративно-прикладного искусства Н.Н. Ростовцева, Г.В.Беда, В.С. Кузина, Н.П. Сакулиной, Т.С. Комаровой, Н.Н. Анисимова, Е.П. Титова, Т.Я. Шпикаловой, А.С. Хворостова, Е.В. Шорохова.

Анализ проблемы нравственно-эстетического воспитания младших школьников осуществляется в исследованиях М.С. Каган, Л.В. Котенко, Н.И. Киященко, Б.Т. Лихачева Т.Н. Мальковской, Г.А. Поличко, В.А. Разумного, В.В. Серикова, В.К. Скатерщиковой, А.В. Тутолмина и др. При этом работы А.В. Тутолмина посвящены анализу возможностей сочетания задач эстетического и нравственного воспитания детей. В своих исследованиях автор определяет задачи, формы и методы нравственно-эстетического воспитания детей, модель этого процесса.

Теоретическое обоснование места и роли произведений народного декоративно-прикладного искусства в эстетическом воспитании ребенка и его влиянии на нравственное воспитание представлено в трудах А.А.Грибовской, Т.Н. Дороновой. Т.С. Комаровой, А.П. Усовой, Е.А. Флериной, Т.Я.Шпикаловой, Н.Б.Халезовой и др. В них авторы утверждают, что ознакомление с произведениями народного творчества способствует воспитанию у детей патриотических и интернациональных чувств, создает

основу понимания прекрасного, формирует у младших школьников художественный вкус и потребность видеть и чувствовать красивое и гармоничное. В свою очередь, развитие всех этих проявлений эстетического познания совершенствуется на протяжении всей жизни человека.

Проблемам нравственного воспитания в аспекте приобщения детей к традиционному народному творчеству как важнейшей ее составляющей посвящены исследования В.А. Рыбина, И.С. Сушковой, Е.П. Шевченко.

Эстетическое воспитание, как показывают исследования, проводимые такими авторами, как Г.Г. Григорьева, Т.Г. Козакова, Т.С. Комарова, Н.А. Ветлугина, оказывает влияние на становление базиса личностной культуры как важнейшего психологического новообразования детей младшего школьного возраста.

Следует выделить три ведущих направления исследований, в той или иной степени анализирующих влияние народного творчества: на формирование творческих способностей детей при использовании фольклора (С.К. Алексиева, Н.С. Карпинская, М.М. Кониная, Е.И. Тихеева, О.С. Ушакова, В.М. Федяевская, А.Е. Шибицкая и др.) и декоративно-прикладного искусства (З.А. Богатеева, Е.И. Васильева, Ю.В. Максимов, Р.Н. Пантелеев, Н.П. Сакулина, Р.Н. Смирнова, Е.А. Флериной, Д.Н. Шейтанова и др.); на воспитание нравственных качеств и гуманных чувств детей (О.М. Вадяева, А.М. Виноградова, С.А. Газиева, Н.С. Карпинская, Н.Ф. Самсонок, В.М. Федяевская); на умственное и речевое развитие (С.А. Алиева, Г. Гучене, Н.Н. Насруллаева, Е.И. Тихеева).

Обобщение опыта современных педагогов и методистов свидетельствует о том, что эстетическое и нравственное развитие младших школьников неразрывны. Реализация нравственно-эстетического воспитания, по мнению многих авторов, должна быть направлена на эмоциональный отклик детей на доступные им пониманию явления социальной жизни; на формирование стремления

сопереживать чужую радость и печаль; на формирование потребности в совместных действиях с целью усовершенствования мира. Реализация задач данного направления воспитания эффективно осуществляется в процессе ознакомления младших школьников с фольклором и декоративно-прикладным творчеством.

Однако решение вопросов формирования нравственно-эстетических качеств личности младшего школьника требует разработки специального методического обеспечения. Небольшое количество методик воспитания, основанных на русской народной культуре, свидетельствует о недостаточной разработанности проблемы.

Анализ степени разработанности проблемы позволяет выделить следующие блоки противоречий:

- между изменившимися условиями жизнедеятельности человека, которые затрудняют нравственное формирование личности, и не востребованностью богатейшего потенциала народной педагогики, обладающей опытом нравственного формирования новых поколений;

- между стремлением отечественной педагогики иметь самобытное лицо и эпизодичностью обращения современных практиков к отечественным традициям;

- между социальным заказом на реализацию нравственно-эстетического воспитания детей младшего школьного возраста и недостаточной разработанностью методического обеспечения данного процесса.

Разрешению этих противоречий будет способствовать, на наш взгляд, определение теоретических предпосылок и технологических основ формирования нравственно-эстетических качеств личности младшего школьника средствами русского народного творчества в условиях образовательного учреждения.

Теоретико-методологическую основу такого рода исследований могут составить:

- аксиологический подход, представленный в трудах А.А. Ручки, В.А. Сластенина (основные положения педагогической аксиологии), С.Ф. Анисимова, А.В. Кирьяко-

вой, А.Г. Ковалева (ориентация личности в мире ценностей), В.А. Караковского, Н.Д. Никандрова (общечеловеческие ценности), Л.И. Божович (ценностные ориентации как механизм личностной регуляции поведения);

- системный подход, рассмотренный в работах В.Г. Афанасьева, И.В. Блауберга, Э.Г. Юдина (общие положения, системный анализ), Н.В. Кузьминой, Г.Н. Серикова (положения системного подхода в изучении педагогических явлений);

- теории и концепции этнокультурного воспитания, этнопедагогики, народной педагогики.

Для младших школьников нравственные и эстетические ценности неразрывно связаны, поэтому их необходимо рассматривать не в отрыве, а в единстве. Важно, проводить целенаправленную работу по формированию моральных, этических, эстетических принципов и установок, которые воспитываются долго и кропотливо. В русском народном творчестве заложены высокая духовность и нравственность, которые совместно с красотой выступают гарантиями нравственно-эстетического воспитания.

В свою очередь, формирование нравственно-эстетических качеств личности младшего школьника средствами русского народного творчества, на наш взгляд, будет эффективнее, если:

- сформировано понимание важности применения средств русского народного творчества для формирования нравственно-эстетических качеств личности дошкольника;

- определен воспитательный потенциал фольклора и декоративно-прикладного творчества;

- разработана модель формирования нравственно-эстетических качеств личности дошкольника средствами народного творчества;

- созданы педагогические условия для организации нравственно-эстетического воспитания дошкольника средствами русского народного творчества.

Таким образом, несмотря на внимание многих видных специалистов (педагогов, философов образования, психологов) к идее

формирования нравственно-эстетических качеств личности ребенка средствами русского народного творчества, данная педагогическая проблема не выглядит исчерпанной. Развитие общества регулярно ставит перед педагогами новые задачи, заставляя искать в накопленном человечеством опыте новые грани, актуализируя те или иные способы воздействия на подрастающее поколение. Русская народная культура в этом смысле являет собой подлинную сокровищницу, способную снабжать профессиональное педагогическое сообщество множеством интересных идей и методов.

Список литературы:

1. Апанасенко А.В. «Немцы» и «Русь»: образ европейцев в народной религиозной культуре России XVIII – начала XX в. // Творческое наследие Н.Я. Данилевского и задачи России в XXI веке: Материалы международной научно-практической конференции – Курск, 2014. - Том. Ч. 2. – С. 42-48.
2. Егупова Н.В. Нравственно-эстетическое воспитание учащихся начальных классов сельских общеобразовательных школ на внеклассных занятиях средствами народной игрушки: диссертация ...канд. пед. наук: 13.00.02. –Орел, 2008. – 228 с.
3. Иванова Т.В. Развитие воображения в онтогенезе // Провинциальные научные записки. – 2015. № 2. – С.79-85.
4. Кирьякова А.В. Диагностика и прогнозирование ценностных ориентаций школьников // Ориентация и деятельность школьников / Под ред. Ахаян Т.К., Кирьяковой А.В. – М.: Педагогика, 1991. –56 -70с.
5. Кравченко С.А. Культурологический подход как фактор формирования духовности будущего учителя// Искусство в начальной школе: опыт, проблемы, перспективы /Материалы региональной научно-практ. конференции. –Курск: Курский гос. ун-тет, 2001. –С. 77-78.
6. Обухова Л.Ф. Возрастная психология: учебник для бакалавров/Л.Ф.Обухова. – М.:Изд-во Юрайт, 2013. – 460 с.
7. Сластенин В.А., Исаев И.Ф., Шиянов Е.И.Общая педагогика: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений/Под ред. В.А. Сластенина: В 2 ч. –М.: Гуманит, изд. центр Владос, 2002. –Ч.2. –256 с.
8. Федеральный государственный образовательный стандарт: начальное общее образование: Министерство образования и науки РФ [Электронный ресурс] – Режим доступа – URL: <http://минобрнауки.рф/documents/922> (дата обращения: 12.02.2016).

S.A. Kravchenko, Candidate of Science, Docent, Regional Open Social Institute (Kursk)
(e-mail: iris.007@mail.ru)

E.S. Apanasenok, Undergraduate, Kursk State University (Kursk)
(e-mail: berezka-87@mail.ru)

THE PROBLEM OF FORMING MORAL AND AESTHETIC QUALITIES OF YOUNG PUPILS THROUGH THE USE OF RUSSIAN FOLK ART

This article is about the value of moral and aesthetic education of the younger generation at the present stage of development of society. The authors of the article analyze the ways of using pedagogical resources of Russian folk art and summarize its theoretical foundations. In addition to that, the article describes a number of contradictions which exist in the educational system and some pedagogical conditions for solving the identified problem.

Keywords: mental health of the individual, moral and aesthetic education, folk art.

УДК 374

С.А. Кононова, канд. пед. наук, доцент, НОУ ВПО «Региональный открытый социальный институт (Курск) (e-mail: KononovaSv@yandex.ru)

ВНЕШКОЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЙ И ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

В статье дается историко-педагогический анализ предпосылок становления и особенностей развития внешкольного образования в России XIX-начала XX вв. Подчеркивается уникальность данного общественно-педагогического движения в социокультурной ситуации России этого периода.

Ключевые слова: внешкольное образование, общественно-педагогическое движение, просветительская деятельность

Государство, в соответствии со специфическими для него задачами социально-экономического, нравственного и культурного развития в конкретный исторический период, испытывает потребность в личности с определенным уровнем знаний, умений, навыков и принципами поведения. В этой связи возникает объективная необходимость в моделировании соответствующих социально-педагогических систем для формирования соответствующего совокупного социального опыта граждан государства в процессе их образования и воспитания.

Сложившаяся в России к концу XIX в. экономическая и социально-культурная ситуация требовала большого количества специалистов различных профессий, но препятствием к получению профессии становился недостаточный уровень грамотности. В этот период в большинстве своем население России являлось неграмотным. Из данных, собранных ко II съезду деятелей по техническому и профессиональному образованию (1894 г.) следовало, что «современная постановка начального образования в России не отвечает самым минимальным требованиям. ...Есть местности, где одна школа приходится на 20 тыс. жителей и число учащихся равно только 0,26% всего населения; ...а по всей России одна начальная школа приходится на 3497 жителей, в школах же обучается только 2.11% всего населения» [5, с.210].

Также, анализируя уровень грамотности в пореформенной России, мы можем говорить о достаточно большой роли церкви в этом вопросе. Церковно-приходские школы действовали почти в каждом приходе, многие священники и члены их семей участвовали в просветительской деятельности, особенно в народных чтениях на церковные темы. Однако, исследователи отмечают, что «социально-экономическая модернизация, осуществлявшаяся в Российской империи в конце XIX – начале XX в. предопределила определенную духовное раскрепощение населения и некоторое снижение его церковной активности», что сказалось и на степени просветительской активности священников [2, с. 73].

Уровень модернизации общественно-го и государственного строя, промышленности и сельского хозяйства в России конца XIX века создавал предпосылки для привлечения «новых» людей – знающих, энергичных, сведущих в вопросах управления, науки, материального производства. Повышенные требования к культурному и образовательному уровню населения порождали и наметившиеся в последние десятилетия XIX века успехи экономического роста России – железнодорожный «бум», широкое привлечение иностранных инвестиций в экономику, лидирующее положение России

на мировом рынке сельскохозяйственной продукции и интенсивный рост промышленного сектора экономики. Активное развитие капиталистических отношений, растущая специализация и профессионализация труда вызывали настоятельную необходимость в распространении прежде всего элементарной грамотности и специальных профессиональных знаний среди населения.

В условиях особой атмосферы социально-экономической, политической ремиссии предреформенных лет в России возникло и сформировалось движение интеллигенции, направленное на повышение культурного уровня народа. Общественные установки и идеалы «поколения шестидесятников» характеризовались стремлением к свободе, изменениям в социальном устройстве страны, устранению препятствий на пути к осуществлению принципов равенства, справедливости, к расширению прав общества. Особенностью нравственной атмосферы являлось существование уникального этоса, свойственного образованному обществу в 60-е годы XIX века. Русская интеллигенция того времени высоко ценила сострадание и совесть, испытывая острое чувство вины за свое привилегированное положение, считая служение народу моральным долгом каждого [4, с.290-292]. Таким образом, главной тенденцией общественного развития России в конце 50-х начале 60-х годов XIX века явилось формирование гражданского общества, которое ярко проявило себя в создании целого ряда добровольных обществ: профессиональных, филантропических, просветительских, кооперативных и пр. [4, с. 261]. Социокультурную атмосферу российского общества 60-х гг. XIX в. определяли два основных духовно-общественных движения: с одной стороны, избрание интеллигенцией, недавно осознавшей себя общественной силой, главным направлением своей социальной деятельности народное просвещение; причем, ввиду недостаточности педагогически подготовленных кадров, в этом процессе косвенно и непосредственно участвовали представители технической и медицинской интеллигенции, духовенства, местных орга-

нов власти и самоуправления, а также представители тех сословий, которые рассматривались как главный объект просветителей. Создание воскресных школ, народных библиотек, книжных складов, чтений для народа удовлетворяло как жажду деятельности, охватившую русское предреформенное общество, так и профессиональные интересы интеллигенции, способствуя ее самовыражению и осознанию корпоративного единства для служения народу. При этом, создавая воскресные школы, народные библиотеки, организовывая народные чтения и всевозможные курсы для населения, просветители рассматривали их важнейшим условием общедоступности, под которой понимались бесплатность и всесословность.

С другой стороны, остро обозначилась потребность народных масс в первоначальном образовании, которое в изменяющихся социально-экономических условиях стало все более осознаваться как средство «социального продвижения, занятия более комфортной социальной ниши» [10, с. 4]. Образованные люди из непривилегированных сословий могли продвинуться по социальной лестнице, претендуя на государственную службу; лица же, состоящие в податном сословии, при поступлении на государственную службу исключались из подушного оклада, освобождались от воинской повинности и пользовались другими льготами и правами. Представители низших сословий видели в получении образования путь не только к приобретению профессии, но и возможность выйти из рамок податного сословия и продвинуться вверх по социальной лестнице. Осознание реальной пользы образования порождало мотивированное стремление населения России к наукам и грамоте. Вместе с тем, очевидная непригодность существовавшей системы начальной школы для взрослого населения страны стимулировала просветительски настроенную интеллигенцию к поиску и внедрению иных путей популяризации знаний. Эти идеи находили свое воплощение в деятельности десятков тысяч известных и безымянных

просветителей, усилиями которых на территории России утверждалась одна из главнейших демократических ценностей – неограниченное социальной, конфессиональной, половой и иной принадлежностью право на образование. В то же время участие в процессе просветительства консервативно мыслящих граждан, часто рассматривающих внешкольное образование как средство укрепления идеологических устоев государства, придавало внешкольному образованию, действовавшему среди широких социальных слоев, определенные черты национальной идеи, сплотившей для достижения общей цели большую часть образованного общества – приверженцев различных, часто практически противоположных политических взглядов.

Логика формирования целостной личности в рамках определенной культуры обуславливается освоением личностью совокупного культурного опыта. Именно эта особенность внешкольного образования, с нашей точки зрения, определяет специфику процессов внешкольного образования как свободно, личностно самодетерминированного процесса приобщения к культуре. Именно внешкольное образование, обладающее столь важными характеристиками культурной универсальности, имеет возможность включать в себя все многообразие форм культурной преемственности, направленных на формирование и развитие целостной личности.

Совокупность представленных выше положений и идей позволяет утверждать, что внешкольное образование является мощным средством содействия личностному становлению и развитию человека. В этом состоит общая педагогическая миссия внешкольной педагогики, ее воспитательное и социально-культурное предназначение.

Подтверждает и расширяет данный подход идея М. Мамардашвили о том, что любой феномен становится культурой в той мере, «в какой в его содержании выражена и репродуцируется способность человека владеть им же достигнутым знанием универсума и источниками этого знания и

воспроизводить их во времени и пространстве, т.е. в обществе, что предполагает определенную социальную память и определенную систему кодирования. Эта система кодирования, воспроизводства и трансляции определенных умений, опыта, знаний, которым дана человеческая мера или, вернее, размерность человеческого возможного, система, имеющая знаковую природу, и есть культура...» [7, с. 49].

«Внешкольное образования – это тот альтернативный источник, который питает тенденции сохранения этой целостности процесса становления личности и воспроизводства культуры, преодоления разобщенности различных сторон человеческой деятельности постольку, поскольку оно несет в себе мощный потенциал самодетерминированной деятельности человека, его «свободного странствования» в процессе познания мира и определения собственного места в нем» [9, с. 73].

Такой подход к пониманию сущности и направленности внешкольного образования позволяет утверждать, что внешкольное образование является самостоятельным педагогическим феноменом. Однако в первой четверти XX столетия шла оживленная дискуссия о дифференциации педагогических явлений, о специфике дошкольного, школьного и внешкольного образования. Выступая на одном из пленарных заседаний Педагогического бюро по делам средней и низшей русской школы за границей в июле 1924 г., С.И. Гессен подчеркнул, что все названные институциональные формы образования имеют самостоятельное значение, хотя при этом очень тесно взаимосвязаны. Об этом он пишет так: «...дошкольное и внешкольное образование внесли много здравых идей в школьную педагогику..., но отсюда не следует, что школа может и должна быть превращена в семью или же университет» [1, л.33].

Цель внешкольного образования к началу XX в. понималась как содействие

целостному, гармоничному развитию личности, становлению духовной культуры [3, с. 6-7]. Исходя из поставленной цели, определялись задачи внешкольного образования, которые формулировались не столько как образовательные, сколько как развивающие. Задачи внешкольного образования формировались следующим образом: способствовать интеллектуальному, эстетическому, гражданско-нравственному становлению и развитию взрослого трудящегося населения [3, с. 9]. «Важно не то, чтобы население, пользующееся библиотеками, народными чтениями, школами для взрослых, как можно больше и как можно тверже запомнило из сообщаемого; нет, важно, чтобы оно поняло, чтобы расширился его умственный кругозор, развился художественный вкус, появилось стремление к дальнейшему развитию» [6, с.10-11]. Такое, научно обоснованное понимание сущности внешкольного образования, повлияло, на наш взгляд, на решения Первого общеземского съезда по народному образованию 1911 года, признавшего внешкольное образование равноценным школьному, определившего его цель как содействие поднятию культурного уровня населения. Задачами внешкольной просветительной работы, по мысли участников съезда, должны являться общее образование, воспитание и распространение прикладных знаний, при доминировании первых двух [8, с. 26-28]. Съезд обозначил условия успешной реализации задач внешкольного образования:

1. широкое участие местного населения в организации и ведении мероприятий по внешкольному образованию; пробуждение общественной инициативы;

2. обеспечение всех слоев населения соответствующими их потребностям и запросам видами внешкольного образования, связанными в одну органическую систему на условиях:

а) общедоступности каждого вида;

б) планирования внешкольных мероприятий;

в) коллегиальности в организации и управлении внешкольными учреждениями;

3. сосредоточение всего дела внешкольного образования в местных органах общественного самоуправления на условии согласования деятельности всех учреждений и отдельных лиц, работающих в этой области.

Изучение генезиса внешкольного образования дает нам основание считать, что у его истоков стояли лучшие представители передовой русской интеллигенции, которые бескорыстно отдавали этому делу свои знания и труд. Люди творческого поиска и прогрессивных идей, они обогатили практику внешкольного образования и создали ее методику.

В первые годы после Великой Октябрьской социалистической революции внешкольное образование было включено в государственную систему народного образования и организовывалось Главполитпросветом (1920 г.). Затем, в различных модификациях (клубная работа, политико-просветительная работа, культурно-просветительная работа, внешкольная воспитательная работа), внешкольное образование существовало в СССР на протяжении всей его истории. В современных условиях прямыми преемниками теории и практики внешкольного образования являются общественная социально-культурная деятельность представителей различных профессий и дополнительное образование детей.

Список литературы:

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф.5785. Оп. 2, д. 23. – Л. 33.

2. Дудина И.С. К вопросу о религиозной активности сельского населения Курского края в 1900-е – 1960-е гг. // Провинциальные научные записки. 2015. № 1. – С.72-77.

3. Звягинцев Е.А. Принципы внешкольного образования и его живые силы. – М., 1918. – 75 с.

4. Кимбэлл Э. Русское гражданское общество и политический кризис в эпоху

Великих реформ. 1859-1863//Великие реформы в России. 1856-1874: Сборник / Под ред. Л.Г. Захаровой, Б. Эклофа, Дж. Бушнелла. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1992. – 336 с.

5. Константинов Н.А., Струминский В.Я. Очерки по истории начального образования в России. – М., 1953. – 272 с.

6. Медынский Е.Н. [Внешкольное образование, его значение, организация и техника. Изд-е 5. – М., 1918. – 322 с.

7. Методологические проблемы историко-научных исследований. – М.: Наука, 1982. – 361 с.

8. Постановления Первого всеобщего земского съезда по народному образова-

нию в Москве 16-30 августа 1911 года. – М., 1912. – 35 с.

9. Семченко А.В. Внешкольное образование в педагогике российского зарубежья: Дис. д.пед.наук. – Тамбов, 2002. – 379 с.

10. Шевелёв А.Н. Общественно-педагогическое движение как фактор формирования государственной образовательной политики России 60-80-х годов XIX в.: Автореф. ... канд. пед. наук. – СПб, 1996. – 21 с.

S.A. Kononova, Candidate of Sciences, Docent, Regional Open Social Institute (Kursk) (e-mail: KononovaSv@yandex.ru)

OUT-OF-SCHOOL EDUCATION AS A SOCIAL, CULTURAL AND PEDAGOGICAL PHENOMENON OF PRE-REVOLUTIONARY RUSSIA

The article gives a historical and pedagogical analysis of preconditions of formation and features of development of out-of-school education in Russia in XIX and at the beginning of XX centuries. It emphasizes the uniqueness of the social and pedagogical associations in the social and cultural situation in Russia of this period.

Keywords: out-of-school education, public and educational associations and educational activities.

УДК 159.923.2

А. А. Жданов, ст. преподаватель, НОУ ВПО «Региональный открытый социальный институт» (Курск) (e-mail: sanych_@bk.ru)

СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ «Я-КОНЦЕПЦИЯ» И «САМОСОЗНАНИЕ»

В статье представлен анализ проблемы определения в психологии категорий «Я». Рассмотрены наиболее значимые концепции ряда авторов, определены трудности, обозначены основные направления изучения Я-концепции и самосознания.

Ключевые слова: личность, самосознание, Я-концепция, Я-образ.

Все чаще в психолого-педагогической литературе встречается термин Я-концепция, понимаемая, преимущественно, как интегральная характеристика личности человека. В настоящее время существует множество подходов к определению этого феномена. Вместе с тем, в отечественной науке используется большое количество терминов, синонимичных Я-концепции – Я образ, образ Я, самоотношение, самооценка, мирознание, идентичность и т.д. Поэтому на практике бывает сложно соотнести различные теории и определиться с понятийным аппаратом. Наиболее часто термин «Я-концепция» отождествляется с самосознанием или выступает как его конечный продукт. Цель настоящей статьи – содержательно развести два этих понятия.

Впервые термин «Я-концепция» предложил У. Джеймс в 90-х годах 19 в. Тогда как в отечественной психологии это понятие получило широкое распространение лишь в последние десятилетия. Во многом это объясняется изолированностью советской науки, а также приоритетом изучения психологических особенностей коллектива. Однако это не означает полное отсутствие разработок личностных характеристик человека в нашей стране. Напротив, в отечественной психологии создана солидная теоретическая база изучения проблем Я (Б.Г. Ананьев, Л.И. Божович, И.С. Кон, В.В. Столин, С.Р. Пантелеев, С.Л. Рубинштейн, И.И. Чеснокова). Что подразумевает наличие достаточного количества понятий, отражающих в той или иной степени внут-

ренний мир человека. И центральное место среди них занимает самосознание [1, с.8].

Следует отметить, что познание глубинных сущностных проблем человека и его субъективного мира издавна привлекают внимание исследователей в рамках философии, социологии и психологии. Однако именно философия дала толчок и до настоящего времени в определенном смысле определяет направления поиска для представителей эмпирической науки, «задает» координаты исследований проблемы Я.

В философии вопрос о самосознании традиционно относился к гносеологическим проблемам. Философ Э.В. Ильенков считает самосознание лишь атрибутом личности, приводящим ее к субъективности. М.А. Гарнцев определяет этот феномен как динамическое отношение личности к ее собственному миру, которое включает в себя в качестве одного из важнейших компонентов формирование и осознание комплекса отношений к пространству и времени, признаваемым формами существования внешнего, а с некоторыми оговорками и внутреннего мира, восприятие и осмысление человеком пространства и времени как взаимообусловленных реальностей и категорий. По мнению В.В. Ивановой, в общем виде, философское понимание проблемы самосознания определяется как единство отношения к себе и миру. На наш взгляд наиболее интересно рассмотреть психологические и социально-психологические теории самосознания. Их условно можно разделить на 2 большие группы: 1) теории, в которых самосознание

отождествляется с Я-концепцией; 2) теории, в которых Я-концепция является результатом самопознания как процесса самосознания.

Современный этап исследований Я-концепции связан с пониманием ее как результата, структурной единицы, итогового продукта процесса самосознания (У. Джеймс, Д.Н. Демидов, С.Т. Джанерьян, И.С. Кон, С.М. Петрова, В.В. Столин и др.). Однако на практике можно увидеть, что в структуре самосознания и Я-концепции порой выделяются одинаковые компоненты и при анализе эти понятия часто выступают как синонимичные.

С.Л. Рубинштейн с проблемой самосознания в изучении личности связывает исследование личности как «я», которое в качестве субъекта сознательно присваивает все, что делает человек, относит к себе все исходящие от него дела и поступки и сознательно принимает на себя ответственность за них в качестве их автора и творца.

А.Н. Леонтьев считал, что самосознание – это осознание себя в системе общественных отношений, а осознание субъектом своих парциальных характеристик он не включал в элемент самосознания. Самосознание включает в себя познание, суждение о своих знаниях, т.е. оно рефлексивное мышление. «Я» – целостное образование, включающее в себя осознание не только своего предметного «я» и его активного начала, но и заключенности в этом конкретном, частном «я» всеобщего «я» [1, с.11].

С точки зрения В.С. Мухиной, самосознание личности представляет такое в самом себе понятное единство, которое находит свое выражение в каждом из пяти следующих звеньев: 1) имя собственное и тело, объединяемые ценностным отношением к своему физическому и духовному Я; 2) притязание на признание; 3) половая идентификация; 4) психологическое время личности; 5) социальное пространство личности [3, с.18].

А.А. Налчаджян считает, что центром личности и ее самосознания является Я, выполняющее интегрирующую и регулиру-

ющую функции психики в основном на подсознательном уровне. Я обладает самосознанием или Я-концепцией. А составляют Я-концепцию – Я-образы, которые являются относительно устойчивыми представлениями индивида о себе. Познающее Я возникает раньше феноменального (Я-концепции), поскольку познающее Я создает образ самого себя для себя. А если познающее Я является центром личности и ее самосознания, то оно имеет свои ситуативные проявления в виде воспринимающих Я-образов. Я-концепция – это общая структура самосознания, состоящая из взаимосвязанных подструктур («реальное Я», «идеальное Я», «актуальное Я» и т.д.). Именно эти устойчивые образы, сменяя друг друга, обеспечивают гибкое реагирование на изменения окружающей среды [3, с.17].

И.С. Кон, В.В. Столин, И.И. Чеснова рассматривают Я-концепцию как уровневое образование.

В.В. Столин связывает развитие самосознания, а также различные аспекты Я-образа с уровнями активности человека как организма, индивида и личности. По его мнению, принятые точки зрения другого на себя, идентификация с родителями, формирование самооценки, усвоение норм, формирование половой и профессиональной идентичности характеризуют развитие самосознания индивида. Личностный смысл является единицей самосознания и оформляется в определенных значениях (когнитивный аспект), переживаниях (эмоциональный аспект) и отношениях [3, с.15].

В.В. Столин дает сложную уровневую организацию самосознания личности. Он выделяет «вертикальную» и «горизонтальную» структуру самосознания. «Вертикальная» структура самосознания имеет три уровня: организмический, индивидный и личностный. «Горизонтальная» – включает знания о себе и самоотношение, которые вместе составляют образ Я, который содержит опорную (организмический уровень), присоединяющую (индивидный уровень) и дифференцирующую (личностный уровень) составляющие [3, с.151].

И.И. Чеснокова выделяет два уровня самосознания:

- Первый уровень представляет собой сопоставление в системе «Я – Другой». То есть, определенное качество сначала воспринимается в другом человеке, а только потом переносится в процессе самовосприятия, самонаблюдения на себя.

- На втором уровне соотнесение знаний о себе происходит в рамках отношений «Я – Я» посредством самоанализа, самоосмысления. Субъект соотносит свое поведение с той мотивацией, которую он реализует, оценивая в тоже время свои мотивы с точки зрения общественных и внутренних требований. В результате этого формируется индивидуальная позиция, мировоззрение, «жизненная философия».

И.С. Кон предлагает рассматривать образ Я, как установочную систему, структуру которого он понимает как определенную систему когнитивных, эмоциональных и поведенческих признаков. Он различает три уровня образа Я:

- Нижний уровень. В него входят неосознанные переживания, представленные в них установки эмоционального отношения к себе.

- Средний уровень. Его составляют неосознанные качества, самооценка отдельных качеств, частные самооценки, которые складываются в относительно целостный образ.

- Верхний уровень. Включает в себя представления о себе, вписанные в общественную систему ценностных ориентаций, связанные с осознанием личностью своей жизнедеятельности и средств, необходимых для достижения целей [3, с.150].

Эти взгляды во многом перекликаются с идеями Р. Бернса, который выделяет когнитивную составляющую (отражает основные характеристики нашего привычного самовосприятия, самопознания), оценочную (включает самоуважение, уверенность в себе, уровень притязаний, самооценку) и поведенческую (характеризуется развитым самоконтролем, эмоциональной устойчивостью, стремлением к самопреобразованию).

Представления Бернса о Я-концепции, как об основном объекте психологического изучения самосознания, являются попыткой синтеза взглядов различных авторов на эту проблему и в основных аспектах разделяются многими исследователями.

Р. Бернс выделяет три функции Я-концепции:

1. Я-концепция обуславливает поведение субъекта в конкретной ситуации. Причем, субъект всегда стремится сохранить свою Я-концепцию в стабильном, уравновешенном состоянии, поэтому опыт, вносящий рассогласование в структуру личности, усваивается с помощью защитно-психологических механизмов.

2. Я-концепция определяет характер индивидуальной интерпретации личного опыта и действий других.

3. Я-концепция выступает источником ожиданий, т.е. определяет представления субъекта о том, что должно произойти [3, с.145].

К. Роджерс считает, что Я-концепция складывается из представлений индивида о собственных характеристиках и способностях, возможностях его взаимодействия с другими людьми и окружающим миром, ценностных ориентаций, представлений о позитивных и негативных целях. Я-концепция определяется автором, как организованный, последовательный гештальт, включающий восприятия свойств «Я», восприятия взаимоотношений «Я» с другими и ценности, связанные с этими восприятиями. Этот гештальт доступен осознанию, но не всегда осознаваем.

Я-концепция включает восприятие себя каким есть, а также каким индивид полагает он должен быть и хотел бы быть (Я-идеальное). По-мнению Роджерса, Я-идеальное отражает те характеристики, свойства, которые человек хотел бы иметь, но пока не имеет. Именно это Я он больше всего ценит, стремится к нему [3, с.146].

Дж. Стейнс определяет Я-концепцию как систему представлений, образов и оценок, относящихся к самому субъекту и формирующуюся в сознании индивида. Она

включает оценочные представления, возникающие в результате реакций индивида на самого себя, представления о том, как он выглядит в глазах других людей, на основе которых формируются представления о том, каким он хотел бы быть и как он должен себя вести [3, с.147].

Говоря о самосознании, Р. Лэнг подразумевает два момента: осознание себя самим собой и осознание себя как объекта наблюдения кого-то другого. Две эти формы осознания «я» тесно связаны между собой. Личность будет развиваться только в том случае, если оба эти аспекта самосознания будут сбалансированы. В противном случае могут возникать патологии, в том числе психические заболевания [2, с.51].

Э. Эриксон рассматривает Я, самость и Эго как связанные между собой, но разные феномены личности. Я составляет ядро сознания, самость большей частью предсознательно, Эго – бессознательно. Я может сделать самость сознательной, но ровно настолько, насколько позволит это сделать Эго. Осознать же само Эго индивид не способен, он может лишь осознать работу Эго. Эриксон разделяет понятия «Эго-идентичность» и «Я-идентичность». Первое – результат синтезирующей функции на границе Эго и социальной реальности – в том виде, как она передается ребенку в течение кризисов детства. Второе – проявляется в воззрениях субъекта, идеалах, нормах, в поведении и его роли в обществе. Идентичность, по мнению Э. Эриксона, является единственной теоретической конструкцией, применимой к постепенному становлению личности [3, с.19].

И.С. Кон отмечает, что в зависимости от приписываемого понятию «Я» онтологического, гносеологического и методологического статуса психологи по-разному определяют свои исследовательские задачи. Можно выделить несколько взаимосвязанных, но в тоже время автономных осей.

1. Предмет исследования. В качестве предмета может выступать «Я» активное, действующее или же рефлексивное, феноменальное «Я» (образы самосознания).

2. «Я» может рассматриваться как реальная «субстанция» или как условный психический «конструкт». При этом «Я» может трактоваться холистически или аналитически. Холистическая позиция предполагает рассмотрение феномена «Я» как души, некоего целостного образования, а аналитическая видит в нем особый регулятивный механизм.

3. «Я» может быть концептуализировано в структурных, а может в процессуальных терминах. В первом случае проблема формулируется в плане анализа особых психических инстанций, структурных компонентов психики (идентичность, Эго, моральное «Я») или компонентов самосознания (образы «Я»). Во втором случае речь идет о процессах и действиях, которые описываются такими понятиями, как саморегуляция, самосознание, самооценивание, самоактуализация и т.д.

4. Выделяемые структуры и процессы могут представляться как интраиндивидуальные (сосредоточенными внутри личности) или как интерсубъективные (производные от межличностного взаимодействия).

5. Гносеологический статус категорий «Я». С одной стороны, индивид постигает себя и свои свойства непосредственно путем интроспекции, с другой – опосредованно, через какие-либо объективизации. В результате возникает вопрос о возможности и способах объективного познания «Я» [2, с.16].

Разные постановки проблемы «Я» тесно связаны с теоретико-методологическими, философскими ориентациями психологов. Однако многое зависит также от того, к какой именно отрасли психологии относится исследование. Психология личности чаще описывает «Я» в структурных терминах теории сознания, а общая психология и психофизиология – в процессуальных.

На наш взгляд наиболее убедителен, осуществленный В.С. Агаповым структурный и содержательный анализ моделей Я-концепции. Он отмечает, что с одной стороны самосознание является компонентом

структуры Я-концепции, с другой – Я-концепция является итоговым продуктом сознания, самосознания и бессознательного. По его мнению, самосознание – это целостный процесс осознания человеком себя и внешнего мира, который характеризуется следующими признаками: во-первых, оно охватывает все внутреннее, проявляющееся в разнообразных и противоречивых внешних проявлениях посредством механизма обобщения и приводит их к интеграции; во-вторых, оно сознает собственное единство; в-третьих, осознает собственную идентичность; в-четвертых, осознает отличие своего Я от остального мира [1, с.14].

Таким образом, самосознание личности – это совокупность психических процессов, посредством которых личность выделяет себя из окружающего мира, выявляет собственную сущность, изменяет отношение к своему прошлому, настоящему и будущему. Самосознание позволяет человеку в процессе познания и переживания своего внутреннего мира, отражать его и определенным образом относиться к самому себе. В самосознании соотносятся мотивы и поступки, желания, влечения, стремления индивида. В результате чего его личность самоопределяется, выделяет для себя наиболее значимые потребности, открывает свою сущность, принимает или отвергает ее.

Процесс самосознания осуществляется с посредством функционирования различных образов Я. В результате этого процесса формируется стабильное представление о

самом себе – Я-концепция, благодаря которой у человека создается ощущение самоидентичности. Чаще всего, Я-концепция трактуется как стабильное, непластичное и довольно сложное по своей структуре личностное образование, обладающее механизмами самоподдержания. Я-концепция крайне избирательно интерпретирует новую информацию о себе. То, что согласуется с содержанием и структурой Я-концепции, принимается без труда, а противоречащая – модифицируется или не воспринимается благодаря защитным механизмам самоотношения [3, с.148].

Дальнейшая разработка категории «Я» в психологии, кроме уточнения концептуального аппарата науки, требует перехода от изучения осознания индивидами своих отдельных свойств и черт к изучению формирования интегративных, целостных моделей «Я».

Список литературы:

1. Агапов В.С. Я-концепция в структуре управленческой деятельности руководителя / В.С. Агапов. – М.: ГУУ, 1999. – 230 с.
2. Самосознание и защитные механизмы личности. Хрестоматия / ред.-сост. Д.Я. Райгородский. – Самара: Издательский дом «Бахрах-М», 2008. – 656 с.
3. Самосознание проблемных подростков / Н.Л. Белопольская и др. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. – 332 с.

A.A. Zhdanov, Lecture, Regional Open Social Institute (Kursk) (e-mail: sanych_@bk.ru)

THE CORRELATION BETWEEN «SELF-CONCEPT» AND «SELF-AWARENESS»

The article analyzes the problem of I-categories definition in psychology. The most significant concepts of some authors are considered, difficulties are defined, the main directions of studying of the «self-concept» and «self-awareness».

Keywords: *personality, «self-image», «self-concept», «self-awareness».*

УДК 378

А.Н. Воробьев, канд. психол. наук, доцент, НОУ ВПО «Региональный открытый социальный институт» (Курск) (e-mail: alexapperly@yandex.ru)

КУРС «ФОРМИРОВАНИЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ ОБЩЕСТВА: ЕВРОПЕЙСКИЙ ОПЫТ И РОССИЙСКАЯ ПРАКТИКА» – ШАГ К ВЗАИМНОМУ СБЛИЖЕНИЮ И РАЗВИТИЮ*

В статье представлена идеология международного проекта, направленного на углубленное знакомство с европейским опытом и его интегрирование в российскую практику, содействие инновациям в области междисциплинарного преподавания и исследований, развитие открытого и доступного образования, сетевое взаимодействие с другими учебными заведениями, государственными учреждениями, общественными организациями и бизнесом

Ключевые слова: предпринимательство, европейский опыт, культура, молодежь, обучение, интеграция.

Интернационализация образования стала важным фактором развития современного общества. Необходимость знакомства с мировым опытом в сфере становления и развития предпринимательской деятельности ощущается не только в столицах, но и в российской провинции. Мы считаем, что сегодня не достаточно просто показать механизмы создания и развития малого бизнеса, но его возможности интеграции в мировую экономику, каким бы простым и локализованным он ни казался. В этой связи коллективом из Регионального открытого социального института был разработан курс «Формирование предпринимательской культуры общества: европейский опыт и российские практики», который нашел поддержку Программы ЕС по образованию, профессиональной подготовке, молодежи и спорту ERASMUS+ (подпрограмма Jean Monnet). С осени 2015 г. он читается в Региональном открытом социальном институте, привлекая внимание студентов других вузов и техникумов. Задача данной публикации – познакомить читателей с целями данной работы, а также поделиться опытом, опираясь на промежуточные результаты.

Проект «Формирование предприни-

мательской культуры общества: европейский опыт и российские практики» был задуман в форме разработки и проведения учебного курса, который является междисциплинарным курсом, включающим психологические, экономические, правовые, социокультурные и технологические аспекты стартапа.

Его уникальность связана, прежде всего, с тем, что при его создании мы опираемся на опыт классиков теории предпринимательства и практику предпринимательства в Европе, в том числе социального. Помимо молодых ученых в осуществлении занятий участвуют молодые люди, которые сами стали предпринимателями не более 5 лет назад и успели достичь значительных успехов в своем бизнесе. Это участники и победители конкурса «Молодой предприниматель России», конкурса лучших молодежных бизнес-проектов. К созданию курса также привлечены представители общественных организаций, государственных законодательных, исполнительных и контрольно-надзорных органов. Необходимо учитывать социально-экономические реалии, в которых осуществляется предпринимательская деятельность в России.

В процессе подготовки к его осу-

*Статья подготовлена в рамках проекта «Формирование предпринимательской культуры общества: европейский опыт и российская практика» при финансовой поддержке Европейского Союза (Программа ЕС по образованию, профессиональной подготовке, молодежи и спорта ERASMUS+, направление Jean Monnet Activities, проект №565146-EPP-1-2015-1-RU-EPPJMO-MODULE)

шествлению авторами проводилась многолетняя научно-исследовательская и прикладная работа по знакомству с теоретическими основами предпринимательства, европейским опытом, выявлению основных факторов, механизмов и методических приемов по освоению предпринимательской деятельности молодежью [3,4,6,7,8]. В условиях неопределенности на рынке труда, нарастания демографических проблем, турбулентности в экономике, быстрому возникновению новых, исчезновению и обновлению известных профессий образовательные технологии также претерпевают существенные изменения. Вовлечение молодежи в предпринимательскую деятельность является еще одним из трендов последнего десятилетия в России, а также в других развивающихся странах. В этой связи становится очень важным изучение опыта развитых стран ЕС, в которых проблема создания малого бизнеса в целом уже решена и продолжает совершенствоваться.

Разрабатываемая авторами проекта психологическая концепция становления личности предпринимателя основывается на изучении и применении передового зарубежного опыта формирования личности профессионала [2,5]. Целью проекта (учебного курса) является теоретическое обоснование и практическое обучение молодежи основам предпринимательской деятельности, необходимое для успешного создания малого предприятия или социального проекта при учебном заведении, успешного управления предприятием и получения прибыли или заметного социального эффекта.

В результате освоения дисциплины слушатель (студент) должен [5]:

Знать: Понятие, виды, формы предпринимательской деятельности, основные этапы и содержание предпринимательской деятельности, структуру и последовательность разработки бизнес-плана (социального проекта), основы организации маркетинга в системе предпринимательства.

Уметь: Формулировать основные этапы создания предприятия (проекта), последовательно составлять разделы бизнес-

плана, проектировать бизнес-процессы предприятия.

Владеть: Современными технологиями стартапа (от поиска идеи до построения бизнес-модели), разработки бизнес-плана, социального проекта, методами проведения маркетингового исследования рынка и аудита маркетинговых инструментов конкретного предприятия.

Аудитория и география слушателей включает в себя ежегодно минимум 150 слушателей в г.Курске и может быть существенно расширена за счет применения дистанционных технологий. В среднем, к участию в курсе ежегодно привлекаются от до 250 слушателей дистанционного обучения.

Также ежегодно для участников обучения предполагается проведение в г.Курске не менее 10 коллективных мероприятий, включающих выступления и мастер-классы с участием известных бизнес-тренеров международного, федерального и регионального уровня, организацию круглых столов и тематических конференций, имеющих наиболее эффективное мотивирующее воздействие, совместные мероприятия участников проекта с общественными организациями предпринимателей (конкурсы бизнес-проектов, олимпиады, бизнес-ужины и т.д.).

На смену навязанной напряженной социально-экономической и политической ситуации в отношениях между Россией и Европейским союзом рано или поздно обязательно придут новые мотивы к восстановлению партнерских отношений и сотрудничеству. И зависит это не только от воли политиков и руководителей, но и от того, как будет воспринимать и активно участвовать в интересах поиска различных форм взаимодействия и социальных процессах молодежь. С 2015 года у Регионального открытого социального института (г.Курск) появилась возможность* осуществления данного проекта, направленного на изучение европейской культуры предпринимательства, а также анализа и освоения современного передового опыта обучения предпринима-

тельству в России, взаимного обмена теорией и эффективными практиками.

Сегодня перед европейским и российским обществом стоит довольно много общих проблем и вызовов, и прежде всего, демографические: старение населения, рост «серебряной экономики», низкая рождаемость, низкая занятость молодежи, значительные темпы миграции и проблемы социально-профессиональной адаптации переселенцев. На наш взгляд, для решения проблем занятости и молодежной безработицы, превышающей в отдельных странах ЕС 25%, требуется энергичный поиск эффективных подходов к развитию молодежного предпринимательства и, прежде всего, социального.

В странах ЕС на темы теории и практики предпринимательства проведено огромное количество исследований [3]. В России же в изучении теории и обучении практике предпринимательской деятельности за последние 25 лет сделаны всего лишь первые шаги. Поэтому лучшим способом передачи будущему поколению российских предпринимателей знаний и механизмов развития бизнеса является изучение передового опыта своих западных партнеров, развития эффективных путей частного-государственного партнерства и общественной поддержки малого бизнеса.

На книжных полках и в Интернет сегодня ежедневно появляется огромное количество учебных материалов, всевозможных инструкций, пособий, аудио и видеоконтента, принадлежащих западным и российским авторам, посвященных вхождению и продвижению в предпринимательской деятельности. Такое изобилие, с одной стороны, дает возможность заинтересованному читателю сделать свой выбор. С другой стороны, перед начинающим предпринимателем, безусловно, встает вопрос: с чего начинать?

При разработке курса мы исходили, во-первых, что эффективным началом формирования предпринимательской культуры общества и каждой личности является углубленное знакомство с европейским опытом и его рациональное интегрирование в российскую или персональную практику.

Во-вторых, в разработке и осуществлении проекта «Формирование предпринимательской культуры общества: европейский опыт и российские практики» принимают молодые исследователи и предприниматели, которые сами стали предпринимателями не более 3-4 лет назад, но уже успели достичь значительных успехов в своем бизнесе, став участниками и победителями конкурса «Молодой предприниматель России», конкурса лучших молодежных бизнес-проектов, доказавших это очевидными результатами в своем деле.

В-третьих, в прикладном междисциплинарном курсе нельзя обойтись без опыта предпринимателей первой волны, имеющих за плечами более 20-летний стаж в бизнесе, образовании, науке. Также к осуществлению курса привлекаются представители общественных организаций предпринимателей, государственных законодательных, исполнительных и контрольно-надзорных органов. И наконец, проект осуществляется с применением современных образовательных дистанционных технологий, что позволяет установить профессиональные и дружеские отношения между организаторами и участниками проекта с обеих сторон. Курс адресован студентам, но его открытость и доступность может принести пользу в самоопределении старшеклассников, работающей и незанятой молодежи.

Цели курса – вовлечение молодежи в предпринимательскую деятельность, формирование культуры ведения бизнеса, навыков бизнес-проектирования, увеличение количества молодежных стартапов и, прежде всего, социально-ориентированных, расширение международного и внешнеэкономического сотрудничества. Показателями результативности проекта служат неуклонно увеличивающееся количество прошедших обучение слушателей, значительный объем разработанных студентами бизнес-проектов и социальных проектов, количество реализуемых проектов, оценка качества проектов глазами участников и экспертов, установившимися в процессе реализации проекта международными связями.

Проект «Формирование предпринимательской культуры общества: европейский опыт и российские практики» может быть полезен не только для любого региона Российской Федерации, но и коллегам и молодежи из Евросоюза, поскольку он направлен на сближение теории и практики европейского и российского предпринимательства. Он также может быть интересен исследователям инноваций в области образования, поскольку представляет собой междотраслевую и междисциплинарную тему, являющуюся элементом открытого образования и позволяющее устанавливать сетевое взаимодействие с другими учреждениями. Так уже в первый год своего осуществления проект привлек интерес студентов филиалов РОСИ из Орла и Липецка, Курского государственного политехнического колледжа и КФ финансового университета при правительстве РФ, студентов курской государственной сельскохозяйственной академии и Юго-Западного университета. После начального осуществления 40-часовой программы студентами уже разработано около 30 бизнес-проектов и 10 социальных проектов. Организаторам удалось привлечь внимание к проекту у широкого круга молодых предпринимателей города Курска, некоторые из них согласились принять участие в проекте, а их выступления в роли экспертов стали его неотъемлемой частью.

Проект «Формирование предпринимательской культуры общества: европейский опыт и российская практика» включает несколько инновационных аспектов для современного состояния высшего образования в Российской Федерации. Прежде всего, в нем принимают участие преподаватели, владеющих различными теоретическими аспектами бизнес, успешным предпринимательским опытом, уверенно применяющие современные информационные технологии в процессе обучения. Междисциплинарные связи психологии, экономики, права, технологические аспекты предпринимательства обеспечивают системное представление для студентов предпринимательства как сложной, но интересной и доступной цели.

Во-вторых, реализуемая модель частно-государственного-общественного парт-

нерства опирается на теорию и практику европейского малого бизнеса и социального предпринимательства и использует современную практику российского предпринимательства. Международный опыт малого бизнеса долгие годы был недоступен для преподавания, но за последнее десятилетие издается достаточно много научно-популярной литературы, доступны европейские ТВ каналы («Евроньюс», передачи из цикла «Планета бизнеса»), бурно развиваются интернет-сообщества, которые способствуют обмену опытом. В процессе обучения используются технологии дистанционного обучения, привлекаются эксперты из государственных структур, опытные и молодые предприниматели, что позволяет выводить слушателей курса на открытие своего дела в течение 3-6 месяцев.

Проект позволяет рассчитывать на участие и привлекать международных экспертов в теории и практике предпринимательства. Расширение международного партнерства и развитие гражданского общества возможно только на основе взаимного интереса и обмена. Проект «Формирование предпринимательской культуры общества: европейский опыт и российские практики» способствует большей открытости и доступности европейской культуры и ее достижений для значительной группы молодежи, в первую очередь, в студенческих аудиториях, среди молодых преподавателей и предпринимателей.

Для молодых преподавателей и предпринимателей, ведущих отдельные разделы курса, идея развития предпринимательства является и личностно-значимым вызовом. Преподавание «предпринимательских» предметов стимулирует научную и деловую активность молодых преподавателей, аспирантов, студентов. Данный курс обязывает их доказывать подтверждение своих исследований на практике и вовлекать молодежь в реальную бизнес-среду. В данный момент в при российских учебных заведениях имеется возможность и приветствуется открытие малых инновационных научно-исследовательских и социальных предприятий, которые имеют льготные условия в отношении уплаты налогов, аренды и др. Более чем

в 65 регионах России действуют студенческие бизнес-инкубаторы, в 2015 году создана Ассоциация студенческих бизнес-инкубаторов России (www.asbir.ru). С апреля 2016 года при поддержке Министерства образования и науки РФ действует Международная программа развития молодежного предпринимательства «Время действовать» (www.времядействовать.рф). Данная программа направлена, прежде всего, на увеличение внебюджетных доходов учебных заведений через развитие студенческих бизнес-инкубаторов, центров развития молодежного предпринимательства, коммерциализации научных разработок, трансферта технологий, развитие инфраструктуры инновационных разработок, лабораторий инжиниринга, технопарков. Для повышения качества деятельности и активизации деятельности данных структур требуется подготовка сотрудников и качественно новый образовательный курс, ориентирующие студенчество на предпринимательство.

Привлечение к разработке нашего курса успешных молодых предпринимателей неожиданно выявило тенденцию: некоторым предпринимателям настолько нравится представлять свой опыт молодежи, что они принимают решение посвятить значительную часть своего времени преподаванию, самосовершенствованию, построению новых моделей своего бизнеса в партнерстве с учебным заведением. Возникают долговременные связи между предпринимателями и учебными заведениями, обеспечивающие решение ряда проблем: организации практик, обретения студентами профессиональных навыков, бизнес-инкубирования молодежных стартапов и др.

В последние годы в Российской Федерации все большее внимание уделяется развитию социально ориентированного малого бизнеса, а также «омоложению» предпринимательства. Изучая опыт развития молодежного предпринимательства в ЕС, мы также обратили внимание на существенное количество социальных стартапов [9]. В тяжелый для малого бизнеса 2013 год (когда в РФ количество предпринимателей сократилось на 13%), регистрация новых предпринимателей не остановилась, а доля моло-

дежи в бизнесе даже выросла. Эту тенденцию мы решили закрепить путем расширения опыта социального предпринимательства молодежи из европейских стран и изучением и использованием концепций профессионального развития.

В процессе разработки проекта «Формирование предпринимательской культуры общества: европейский опыт и российские практики» авторами за 4 года уже было издано более 10 учебных пособий по предпринимательству для студентов, записано около 30 учебных видеофильмов с тренингами и лекциями известных бизнес-тренеров и экспертов, в том числе и отдельных уроков и презентаций от авторов курса [1,5]. Формируется учебный видефонд с интервью и выступлениями успешных европейских предпринимателей, координаторов интеграционных процессов в ЕС, представителей федеральных и региональных российских государственных и общественных организаций по контролю, надзору и поддержке предпринимательства, материалы научно-практических конференций и форумов, посвященных актуальным проблемам малого бизнеса.

Процесс обучения строится на принципах чередования еженедельных очных занятий и дистанционных вебинаров, к видеозаписи всех проведенных трансляций имеется свободный доступ. Рабочие и методические материалы, презентации, инфокарты, шаблоны для написания и многочисленные европейские и отечественные примеры бизнес-проектов и социальных проектов, электронные учебники, тесты, справочники и списки рекомендованной литературы, видеозаписи и ссылки на полезные Интернет-ресурсы, информация обо всех происходящих важнейших международных, европейских, федеральных и региональных мероприятиях, изменениях в национальной государственной политике и законодательстве, связанные с предпринимательской деятельностью, находятся в специальной группе в созданной под проект социальной группе участников и организаторов <http://vk.com/ERASMUS+KURSK> и оперативно обновляются. Студенты получают необходимую информационную и методическую поддерж-

ку, индивидуальные консультации от экспертов практически онлайн.

Таким образом, первый год реализации проекта «Формирование предпринимательской культуры общества: европейский опыт и российские практики» был направлен на изучение и сближение теории и практики европейского и российского предпринимательства. На следующем этапе мы планируем совместить учебные задачи с практикой открытого образования и прямых форм международного взаимодействия с европейскими студенческими структурами и другими учреждениями, ориентированными на предпринимательство, наладить сетевой взаимообмен российских и европейских практик.

Список литературы:

1. «Предприниматель 14+» [Текст]: учебник по основам предпринимательской деятельности для молодежи старше 14 лет / [кол.авт.: С. Баженова и др.]: КРОО поддержки молодежного предпринимательства «Гражданин предприниматель». – Курск: Курская гор. тип., 2015. – 205 с.
2. Рис Э. Бизнес с нуля. Метод Lean Startup для быстрого тестирования идей и выбора бизнес-модели. – М: Альпина Паблишер, 2013 – 256 с.
3. Современные классики теории предпринимательства. Лауреаты Международной премии за вклад в исследования предпринимательства и малого бизнеса

(1996-2010) [Текст] /пер. с англ. под науч.ред.А.Ю.Чепуренко. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. – 526 с.

4. Шалимов И.В., Телегина О.В. Глобализация экономики и ее влияние на Россию [Текст] / Шалимов И.В., Телегина О.В. // Научный альманах Центрального Черноземья. 2014. №3. – С. 96-97.

5. Формирование предпринимательской культуры общества: европейский опыт и российская практика: Учебно-методические материалы по курсу (с инфокартами) / авт.-сост.: А.Н. Воробьев, М.А.Воробьева, О.В.Остимук. – Курск: РОСИ, 2015. – 92 с.

6. Цепов А.Ю. Система автоматизированной оценки риска инвестирования малого инновационного предприятия. Informative and communicative space and person: Materials of the IV international scientific conference. – Ппара, 2014. – С.134 – 137.

7. Becattini G. The Industrial District and Development//The Elgar Companion to Alfred Marshall, Cheltenham: Edward Elgar, 2006. – P.664-671.

8. Cooper A.C., Folta T.B. Entrepreneurship and High-Technology Clusters// The Blackwell Handbook of Entrepreneurship/Oxford, UK Blackwell Publishers, 2000.

9. Young people and entrepreneurship YOUTH IN ACTION PROGRAMME (European good practice projects), Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2013.

A.N.Vorobyev, Candidate of Sciences, Docent, Regional Open Social Institute (Kursk) (e-mail:alexapperly@yandex.ru)

TRAINING COURSE «DEVELOPMENT OF ENTREPRENEURIAL CULTURE OF THE SOCIETY: EUROPEAN EXPERIENCE AND RUSSIAN PRACTICES» AS A STEP TOWARDS MUTUAL COOPERATION AND DEVELOPMENT

The article presents a close look at the European experience and the ways of its integration into the Russian reality. The article shows how the use of European experience helps to promote innovations in interdisciplinary teaching and research, to develop an open and widely available educational system and to build network cooperation with other educational institutions, state agencies, public organizations and business companies.

Key words: entrepreneurship, European experience, culture, youth, education, integration.

ИСТОРИЯ

УДК 930.22

В.Н. Петров, канд. ист. наук доцент, НОУ ВПО «Региональный открытый социальный институт» (Курск) (e-mail: petrovs.family.46@gmail.com)

СОЮЗ ОБРЕЧЕННЫХ: ИЗ ИСТОРИИ ПЕЧАТИ ВРАНГЕЛЕВСКОГО КРЫМА

Работа посвящена истории печатных органов Крыма в эпоху диктатуры генерала Врангеля. Анализируя особенности функционирования крымских газет в условиях противостояния полуострова большевикам, автор приходит к выводу о провале попыток власти обеспечить единую идейную стратегию в периодической печати.

Ключевые слова: отечественная история, Гражданская война, Крым, периодическая печать

Анализ мемуарных источников, принадлежащих перу общественных и государственных деятелей врангелевского Крыма, дает возможность получить дополнительные данные о состоянии печати и ее роли в жизни последнего оплота «белого движения» на юге России в 1920 г. Определенный интерес представляет сравнительный анализ, сопоставление точек зрения представителей различных общественно-политических взглядов по вопросам организации деятельности печати, ее классификации, цензуры и содержания публикаций.

21 марта 1920 г. генерал Врангель вступил в исполнение обязанностей правителя и главнокомандующего вооруженными силами России. В ряде выступлений перед представителями печати, со слов А.А. Валентинова, он «обещал в вопросах, касающихся внутреннего устройства Крыма и России, руководствоваться демократическими принципами и широко раскрыть двери общественности» [1, с. 337]. Эту же мысль генерал Врангель подчеркнул 11 апреля в беседе с корреспондентом газеты «Вечернее время», излагая программу своей предстоящей деятельности: «При разрешении вопросов внутренней жизни я намерен обращаться к помощи общественности» [1, с. 344].

В области управления делами печати это выразилось прежде всего в попытке

отойти от принципов тотального контроля за ее деятельностью, характерных для времен деятельности «Освага», и опереться на нее в проведении внутренней и внешней политики. Как замечает А.А. Оболенский, генерал Врангель считал, что с общественностью «...до поры до времени нужно было ладить. ...подчеркивать единение с ней нужно было по политическим соображениям дабы не шокировать представителей "великих демократий"» [2, с. 380]. «Осваг» был ликвидирован.

Но, по мнению наблюдавших взаимоотношения власти и печати, они были довольно сложными и противоречивыми. «Врангель и Кривошеин очень дорожили поддержкой общественного мнения, а в частности и печати. Однако выходило так, что не печать служила поддержкой правительству, а правительство являлось поддержкой печати.

Правда, «Осваг», на содержание которого правительство Деникина растрачивало огромные средства, был ликвидирован, но многие из деятелей этого недоброй славы учреждения прибыли в Крым и, конечно, атаковали правительство, добиваясь казенного иждивения и субсидий.

И вот, хотя «Осваг», как учреждение, и не был восстановлен, но дух его ожил в

многочисленных получивших казенную субсидию газетах» [2, с. 384].

Аналогичной оценки в отношении попытки изменить управление деятельностью печати придерживается и А.А. Валентинов: «Был упразднен знаменитый «Осваг», составивший целую эпоху в период политики Особого совещания, но вместо одного «Освага» расплодилось чуть ли не дюжина маленьких «осважнют», представлявших в подавляющем большинстве случаев скверную карикатуру своего родоначальника.

Началась какая-то лихорадка с подачей на имя главнокомандующего докладных записок проектов и (конечно!) смет, доказывавших необходимость учреждения новых органов осведомления, пропаганды и т.п.

...почти весь отважный персонал («Освага» – В.П.) перекочевал в «новые» учреждения и органы осведомления. Вся эта публика наперегонки торопилась использовать искреннее расположение нового главнокомандующего к печати...» [1, с. 337].

Общее руководство делом печати и информации первоначально, до формирования гражданских органов управления, было поручено Политическому отделу Генерального штаба [4, с. 265]. В период с апреля по конец июня в деле постановки "новых начал" управления делами печати и произошли те изменения, описанные выше, которые свелись к замене одного ведомства, «Освага», массой новых ему подобных органов и местных политических отделений.

Разуверившись, вероятно, в эффективности новой структуры управления печатью и пропагандой, генерал Врангель 26 июня 1920 г. отдает приказ, который гласил: «...правительственная политика не нуждается в особых мерах искусственного влияния на общественное мнение и настроение народной массы, редко достигающих своей цели. Пусть судят о власти по ее действиям.

В виду сего нахожу излишним существование специальных военных и гражданских организаций политической пропаганды и осведомления, все же дела о печати нахожу своевременным сосредоточить в ведении

начальника гражданского управления» [1, с. 338; 4, с. 266].

Дальнейший текст этого приказа именно в силу его радикализма и военной точности перечня ликвидируемых звеньев управления позволяет судить о существовавшей до его появления структуре звеньев управления делами печати. Общее руководство делом информации и пропаганды осуществлял Отдел (Часть) печати, созданный в рамках Политического отдела Генерального штаба. Ему подчинялись политические отделения при штабах корпусов и военнцензурное отделение. В состав органов, обеспечивавших деятельность прессы, входили телеграфное агентство «Юрта» и издательство «Военного Голоса». К ним также относился «целый ряд вскармливаемых правительством информационных органов: «Пресс Бюро», «Редагот», «Инфот», «Осогот», «Политотдел» [1, с. 337; 4, с. 274].

Вновь создаваемая система управления имела следующую структуру:

Отдел печати передавался в ведение начальника Гражданского Управления, телеграфное агенство «Юрта» – управления иностранных дел, издательство оставалось в ведении генерального штаба. Центральное управление политической части и политические отделения при штабах корпусов упразднялись. Помимо этого структура была дополнена еще приказом по Гражданскому Управлению: на местах создавались представительства «Юрта», подчиненные Гражданскому управлению, при Отделе Печати создавалось Культурно-Просветительное Отделение со службой Связи при нем [4, с. 266-267].

Таким образом, дела печати были переданы гражданской власти, во главе которой был поставлен А. Кривошеев. Непосредственно работой вновь организованного Отдела печати руководил Г. Немирович-Данченко, позже – его заместитель Г. Вернадский [1, с. 345; 4, с. 267; 5, с. 388].

Кем же были призваны руководить эти органы? Состояние с постановкой газетного дела в Крыму по несколько эмоциональному замечанию В. Оболенского выгля-

дело так: «Газеты росли как грибы. Сколько их было в Крыму, – не знаю точно, но во всяком случае, около двадцати, если не больше. Газет шесть или семь в Севастополе, четыре в Симферополе, две в Евпатории, а там еще в Ялте, Феодосии, Керчи ...» [2, с. 384]. Скорее всего замечание о значительном росте числа газет при Врангеле можно считать некоторой натяжкой. Как замечает Н. Росс: «В городах Крыма выходило около 20 газет различных политических оттенков. Часть их существовала еще до революции, другие были созданы после 1917 года, но до времени правления Врангеля, последние, наконец, уже при нем» [4, с. 279].

С точки зрения общественно-политической принадлежности и отношения к власти большинство газет Крыма, как считает тот же В. Оболенский, были «определенно правового, явно монархического уклона». «Вся эта печать имела рептильный характер». Часть газет, такие как субсидировавшиеся кооперативами «Южные Ведомости» (Симферополь), социалистический «Ялтинский Курьер», «Юг России» (Севастополь), либерально-демократические «Известия Крестьянского Союза» (Симферополь), держались независимой позиции [2, с. 384].

При проведении классификации газет можно также сослаться на данные, приведенные Н. Россом, который считает, что их можно «разделить на 3 «либеральные», 4 «умеренные», 3 явно монархические, 4 крайне монархические, 3 профессиональные (2 – крестьянские, 1 – профсоюзная) и 3 официальные» [4, с. 281]. Большая, чем у Оболенского, дробность этой классификации, на наш взгляд, объясняется двумя обстоятельствами. Она вызвана различиями субъективных оценок, высказываемых авторами различных источников, которыми послужили воспоминания реальных участников событий. Характерным в этом отношении является замечание А. Валентинова о газете «Великая Россия», о которой В. Оболенский говорит, как о «...старавшейся быть умеренной» [2, с. 385]: «Сплошным олицетворением лести и прислужничества была

бесспорно чебышевско-шувальгинская «Великая Россия», пользовавшаяся особым благоволением ген. Врангеля и сыгравшая, как и при ген. Деникине, фатальную роль своим специфическим оптимизмом до последней минуты» [1, с. 349]. С другой стороны, – и при этой дробной классификации явственно видно, что в большинстве своем, суммарно 14 из 20, газеты носили явно проправительственный характер. К тому же и деятельность остальных в условиях военной диктатуры вряд ли могла носить сколько-нибудь открыто выраженный оппозиционный характер. Подобные попытки резко пресекались властью, о чем пойдет речь ниже.

К такому же выводу, предприняв попытку классифицировать газеты по-иному, чем Оболенский основанию, фактически приходит и А.А. Валентинов. «Переходя к вопросу об общем положении печати, как к фактору, наиболее ярко характеризующему всякую внутреннюю политику, должно заметить, что оно было в Крыму далеко не равноправным.

Существовавшие органы печати могут быть разделены на три категории:

1) военный официоз, каким считался «Военный Голос» и отчасти прекрасная казачья газета «Сполох» в Мелитополе,

2) независимая печать («Крымск. Вестник» и «Юг России» и в течение короткого промежутка времени несколько других газет),

3) казеннокоштная печать (вся остальная)» [1, с. 347].

В противоположность лояльно настроенных в отношении Врангеля представителей левоцентристских взглядов, мнения которых приводились выше, правые, к которым можно отнести монархически настроенного Н.В. Савича, оценивали общественно-политическую ориентацию крымских газет прямо противоположно. «Большим подспорьем, – пишет в своих воспоминаниях Н. Савич, – для агитации против власти Врангеля была существовавшая у нас свобода печати. В Крыму пышно расцвело газетное дело, количество периодических изданий было очень велико, притом пре-

имущественно левого направления. Социалистические газеты просто работали на большевиков, конечно, под сурдинку, как-то умеют делать социалистические писатели.» Не жалуется Н.В. Савич и кадетскую прессу, которая для него также недостаточно правая. «Что касается кадетской прессы, то, несмотря на то, что отдельные представители этой партии поддерживали, насколько могли, власть, большинство их было нам враждебно» [5, с. 387-388].

Правительственные органы имели существенные рычаги влияния на деятельность печати. Среди этих рычагов важнейшими являлись: финансовая поддержка прессы, цензура и возможность применения административных мер в отношении газет и их персонала.

Субсидии от правительства получали подавляющая часть газет. «Насколько знаю, совершенно без казенной субсидии, в форме денежных дотаций или льготного получения бумаги, обходились только две – «Южные Ведомости» в Симферополе, субсидировавшиеся кооперативами, и закрытый вскоре социалистический «Ялтинский Курьер» [2, с. 384].

Проведенные Н. Россом исследования также свидетельствуют, что «Лишь четыре газеты были лишены субсидий от правительства, но все в материальном отношении зависели от власти, так как она держала под своим контролем распределение покупаемой за границей бумаги» [4, с. 279].

Основной поддержкой со стороны правительства пользовалась, по мнению А.А. Валентинова, правая печать: «...казеннокоштная печать находилась на положении кота на масленице. К ее услугам были все виды легальных и нелегальных субсидий. ...субсидии эти сводились главным образом к следующему:

- 1) к выдаче бесплатной бумаги,
- 2) к гарантированию обязательными подписчиками,
- 3) к реквизиции типографий или машин,
- 4) к снабжению деньгами».

Стремясь получить дотации, редакторы обращались не только к правительству, но и стремились заручиться поддержкой отдельных представителей власти, особенно генералитета. «Были газеты «кутеповские», «слащевские» и т.д.» [1, с. 349].

Аналогичную мысль высказывает и В. Оболенский. «Конечно, преобладание правых газет среди субсидировавшихся правительством не было простой случайностью, ибо если еще можно допустить, что "правые руки могли творить левую (практическую) политику", то правая голова не могла говорить левые слова» [2, с. 385].

В противоположность мнениям, приведенным выше, Н. Савич считает, что поддержка «дружественной правительству печати» была явно недостаточна. Он винит в этом прежде всего руководителя Отдела печати Немеровича-Данченко. «В его распоряжение были переданы большие средства воздействия на прессу. Он мог распоряжаться раздачей бумаги, что являлось сильным оружием, так как достать ее было трудно. ...Поддержка дружественной правительству печати не отличалась последовательностью и планомерностью, напротив, иногда ею пользовались органы, нам враждебные, и в то же время газеты дружественные не могли получить помощи, так что иногда нужно было прямое вмешательство высших властей, чтобы заставить отдел печати выдать бумагу газете правого или монархического направления» [5, с. 388].

Таким образом, политикой правительства в отношении прессы были недовольны как умеренно левые, так и правые.

Официальная точка зрения о соотношении свободы слова и цензуры была высказана генералом Врангелем в беседе с представителями севастопольских газет в марте 1920 года. «Уважая чужие мнения, я не намерен стеснять печать, независимо от ее направления, конечно, при условии, если это направление не будет дружественно нашим врагам». Но в условиях войны, когда «орудием борьбы являются не только пушки и ружья, но и идеи», он высказался за военную и общую цензуру. По мнению начальника

Отдела печати Г.В. Немировича-Данченко, генерал Врангель относился к делам печати «немного слишком по-военному». Руководитель Отдела Печати считал, что цензоры «должны были не допускать на страницах газет разглашения военной тайны, проповеди кощунства, порнографии и классовой борьбы. В остальном же Крымская печать могла иметь полную свободу обмена мнениями по всем, волновавшим общество вопросам...» В противоположность этому мнению заменивший Данченко на посту руководителя Отдела печати Г. Вернадский настаивал на том, что «совершенно не представляется возможным отказаться от аппарата военной цензуры, которая при этом должна находиться в расширенном виде, включая и политическую» [Цит. по 4, с. 276-277]. Такова точка зрения официальных должностных лиц.

Представители умеренно левых считали, что деятельность цензоров была настоящим бедствием для работы прессы.

«Нерв общественной и политической жизни в Крыму – печать – был парализован. Система, которая практиковалась в отношении печати, развращала, деморализовывала ее. Она заключалась в том, что правящие круги путем цензуры, путем всякого рода административных воздействий, репрессий, совещаний стремились вогнать печать в такое русло, чтобы при абсолютном отсутствии элементарной свободы слова она все же имела вид независимой печати. ...был установлен непреложный порядок, при котором всякая газетная строка проходила цензуру, произвол которой не знал границ» [3, с. 439-440].

А.А. Валентинов указывает, что для печати, не пользовавшейся поддержкой правительства, «был предоставлен один лишь удел – бесконечная борьба с глупой, злобной цензурой» [1, с. 348]. Об этом же свидетельствует и В. Оболенский: «Эти газеты (независимые – В.П.) страдали от цензуры, выходили с белыми столбцами...» [2, с. 384].

Попытки ряда органов печати принять критический анализ деятельности администрации наталкивались на окрик

властей и вели к ужесточению режима цензуры. Характерен в этом отношении приказ генерала Врангеля, изданный 27 сентября 1920 года. «За последние дни в ряде органов печати появляются статьи, изобличающие агентов власти в преступных действиях, неисполнении моих приказов и т.д. При этом большею частью пишущие указывают, что долг чести русских людей помогать в моем трудном деле, вырывая язвы взяточничества, произвола и т.д.». После констатации данного факта предлагалось передавать имевшиеся сведения подобного характера специально созданной для этого комиссии. И делался вывод: «Огульную же критику в печати, а равно и тенденциозный подбор отдельных проступков того или другого агента власти объясняю не стремлением мне помочь, а желанием дискредитировать власть в глазах населения, и за такие статьи буду взыскивать как с цензоров, пропустивших их, так и с редакторов газет» [Цит. 3, с. 441; 4, с. 279]. «Неудивительно, – замечает Г. Раковский, – что печать не столько отражала жизнь, сколько извращала ее» [3, с. 440].

Но недовольство деятельностью цензоров высказывают и правые. «Существовавшая у нас цензура пользы не приносила», – замечает Н.В. Савич. Для монархиста Савича даже кадетская печать является левой. «Она всю деятельность строила на обличении и разоблачении ошибок отдельных слуг власти, думая, что этим приносит пользу общему делу... Систематически и изо дня в день выискивались большие и малые грешки чинов служилого аппарата, их отмечали, преувеличивали и обобщали. Все время оттенялись лишь слабые места, лишь ошибки, только промахи... Конечно, кадетская печать не стояла на стороне большевиков... Но невольно в статьях сотрудников проскальзывала предубежденность и враждебность к инакомыслящим, особенно к правым и национально настроенным элементам» [5, с. 388]. Солидарность высказанных мыслей с содержанием и тональностью приведенного выше приказа генерала Врангеля не требует комментариев.

Стремление Врангеля декларировать опору на демократию и уйти от явно монархической риторики приводило к тому, что цензура «редактировала» не только умеренно левые издания, но и правые. Так, из интервью министра земледелия сенатора Глинки цензура вычеркнула текст, в котором проводилась мысль, что земельная реформа лишь тогда будет иметь успех, когда будет санкционирована «всеобъемлющей царской властью» [1, с. 345].

Усердие цензоров не знало границ. Дело доходило до того, что, по рассказу Врангеля «... цензура вычеркнула однажды его официальную речь, как «слишком революционную». Та же цензура, по его словам, забраковала заметку, лично составленную Кривошеиным, ссылаясь на то, что она «подрывает существующий государственный порядок» [3, с. 441].

Наиболее острая реакция власти на публикации в газетах, вплоть до закрытия некоторых из них, возникала в связи с «недостаточно четкой» деятельностью цензоров, которые пропускали нежелательные материалы. В отношении правых изданий такие эксцессы были связаны в основном в связи с имевшими место откровенной проповедью монархических взглядов и антисемитскими настроениями. По этому поводу Н. Росс высказывает суждение, что «... власти, пожалуй, доставляла больше забот пресса правого направления...» [4, с. 278]. Но, в этом вопросе, существует и другое мнение. «Бывало, что какая-нибудь правая рептилия говорила больше, чем полагалось, и тогда Врангель ее сдерживал. Но такие случаи были редки» [2, с. 385].

В отношении умеренно левой – прежде всего, с критикой деятельности властей и попытками показать реальное положение дел на фронте. Приводившийся выше приказ генерала Врангеля от 27 сентября 1920 года наглядно иллюстрирует это положение.

Таким образом, можно констатировать, что пресса Крыма, насчитывавшая около 20 газет, представляла собой довольно пестрый спектр сил, противопоставлявших себя большевикам, и в связи с этим имела

различную социально-политическую окраску. Объединяющими факторами деятельности прессы, несмотря на неприкрытую неприязнь органов, представлявших интересы различных политических направлений, друг к другу, были неприятие советской власти и поддержка последнего оплота против большевизма – генерала Врангеля.

Власть в свою очередь, заинтересованная в этой поддержке и создании мнения, прежде всего на Западе, о ее сотрудничестве с общественностью, уделяла делам прессы достаточно много внимания. Об этом свидетельствуют ее попытки более рационально и в соответствии с понятиями власти о задачах момента организовать управление и координацию деятельности прессы. Это вылилось в две реорганизации структуры управления деятельностью печати.

Сосредоточение в руках государственной власти политических, военных и экономических рычагов управления в условиях осадного положения Крыма приводило, с одной стороны, к возможности существования только лояльных к власти органов печати, с другой, – при декларируемой свободе слова, наличию жестких цензурных требований к публикациям. Поэтому, при единстве целей, власть и пресса, в зависимости от ее политической ориентации, по-разному понимали задачи и средства деятельности последней по их достижению. Это в свою очередь вело к неудовольствию сторон друг другом. Диктатура и «свободная» пресса могли сосуществовать только как союз обреченных.

Список литературы:

1. Валентинов А.А. Крымская эпопея // Революция и гражданская война в описаниях белогвардейцев / Сост. Алексеев А.Г. – М.: Отечество, 1991. – С. 335-366.
2. Оболенский В. Крым при Врангеле. – Там же. – С. 367-398.
3. Раковский Г. Конец белых. – Там же. – С. 399-448.
4. Росс Н. Врангель в Крыму. – Frankfurt/Main: Посев, 1982. – 362 с.
5. Савич Н.В. Воспоминания. – СПб.: Logos; Дюссельдорф: Голубой всадник, 1993. – 492 с.

V.N. Petrov, Candidate of Science, Docent, Regional Open Social Institute (Kursk) (e-mail: petrovs.family.46@gmail.com)

THE DOOMED UNION: FROM THE HISTORY OF PRINTING OF WRANGEL CRIMEA

The work is devoted to the history of print media of Crimea in the epoch of the dictatorship of General Wrangel. Analyzing the peculiarities of functioning of Crimean newspapers in the conditions of confrontation of the peninsula to the Bolsheviks, the author comes to the conclusion about the failure of the authorities to provide a single ideological strategy in the periodical press.

Keywords: national history, Civil war, Crimea, periodicals

УДК 94(57)+314.46

Е.И. Красильникова, канд. ист. наук, доцент, ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный технический университет» (Новосибирск) (e-mail: katrina97@yandex.ru)

КОММЕМОРАТИВНЫЙ АСПЕКТ ОКТЯБРЬСКИХ ТОРЖЕСТВ В СИБИРИ (1920–1945 гг.): ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ*

На протяжении всего советского периода отечественной истории Октябрьские торжества являлись главным политическим праздником страны, выполняя важные идеологические функции. Статья раскрывает замысел исследовательского проекта, нацеленного на комплексное изучение коммеморативной составляющей этого праздника в период между Гражданской войной и окончанием Великой Отечественной войны (на примерах Сибири). Автор объясняет актуальность темы, формулирует цель и задачи, характеризует степень изученности темы, объясняет методологические основания исследования, определяет его основные источники.

Ключевые слова: Октябрьские торжества, политический праздник, коммеморация, политика памяти, Сибирь.

2017 г. будет ознаменован 100-летием Октябрьской революции. Приближающаяся памятная дата уже сейчас заметно актуализирует общественные и научные дискуссии о значении и последствиях этой революции (по ряду оценок, переворота) для России, стран постсоветского пространства и мира в целом. Восприятие революционных событий социумом всегда во многом зависело от государственной политики памяти, выражавшейся в открытой пропаганде и индокринации – латентной манипуляции общественным сознанием. Одним из важнейших каналов трансляции государственной политики памяти являлись торжества коммеморативного типа, то есть направленные на увековечивание памяти. Среди массовых торжеств, имевших выраженную коммеморативную составляющую, важнейшее место занимали годовщины Октябрьской революции, находившиеся под строгим контролем государства, которое стремилось максимально эффективно использовать коллективную память о революции в идеологических целях. Торжества воспитывали в гражданах особое ценностное восприятие прошлого, которое экстраполировалось властью и обществом на другие практики, как официальные, так и неформальные,

повседневные.

Не только оценки «Октября», обусловленные динамикой политики памяти, но и формы их трансляции в ходе праздничных торжеств представляют собой интересную исследовательскую проблему. Современные массовые торжества коммеморативного типа базируются на продолжительно существующей традиции, сложившейся еще в имперский период и адаптированной к новым политическим условиям в советское время. Долгие годы государство использовало стандартные приемы формирования посредством праздничных коммемораций социальной идентичности граждан, укрепления политической солидарности и повышения степени консолидации общества. Обращение к истории «Великого Октября» – главному политическому празднику советского периода – актуально в контексте критичного осмысления природы современных российских праздничных коммемораций: их риторики и идеологической направленности, а также их восприятия различными социально-политическими группами в регионах страны, где социально-политическая жизнь населения всегда имела свои нюансы.

Актуальность изучения, поставленной нами проблемы, определяется также

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект №16-11-54002)

общими контекстами развития гуманитаристики. С начала XX в. специалисты в области философии истории говорят о формировании новой парадигмы истории: от изучения «общества» исследователи все чаще переходят к изучению «памяти». Одновременно активно развивается эртология (наука о праздниках). В последние годы проблемы праздничной культуры, привлекавшие ранее почти исключительно внимание этнографов, антропологов и культурологов, все чаще становятся объектом исследования политологов и историков, занимающихся социально-политической проблематикой. Государственные праздники, как имперского периода отечественной истории, так и советского, анализируются на предмет их идеологического значения и роли в формировании политической культуры общества и тенденций развития коллективной памяти разных поколений россиян о национальном прошлом. Указанное направление научных исследований в настоящее время представлено рядом обобщающих научных трудов, принадлежащих как отечественным, так и зарубежным авторам. Однако на региональных материалах разработка вопросов исторической эртологии советского периода лишь начинается. Данное исследование могло бы стать значимым этапом в этом процессе.

Тема праздничных коммемораций в западносибирских городах на этапе между Гражданской войной и окончанием Великой Отечественной войны специально не изучалась. Однако историография вопроса формирования праздничной советской культуры обширна и многоаспектна.

Во-первых, целесообразно выделить основополагающие работы, посвященные специфике советской политической системы и политической культуры, углубляющие понимание политического значения праздничных коммемораций. Концептуальное осмысление исторических процессов в СССР, характерных для 1920–1930-х гг., до сих пор выстраивается преимущественно вокруг понятия «тоталитаризм», введенном в научный оборот в 1930-х гг. и активно раз-

рабатывавшемся в 1950–1960-х гг. «Культурный поворот» в англоязычной историографии способствовал деидеологизации и усложнению представлений западных историков о сталинизме. Современная наука постепенно отказывается видеть в нем лишь репрессивную сторону и насилие над массами. Подчеркивается ориентир тоталитарного государства на массовое сознание и массовые запросы, популизм, способность улавливать и использовать общественные настроения (Ш. Фицпатрик [20, с. 18] и др.).

В изучаемый нами период власть усердно работала над целенаправленным формированием определенной версии исторической памяти общества. Проблемам политики памяти и исторической политики 1920–1930-х гг. посвящена работа Н. Е. Копосова [8]. Государственная историческая политика, которая реализуется, главным образом, посредством разных форм пропаганды, неоднократно становилась предметом изучения американских и британских историков: П. Кенеза [31], М. Е. Леное [33], Дж. Брукса [28]. Советская пропаганда и политика памяти в значительной степени ориентировались на цели социальной мобилизации, которая исследовалась как отечественными (С. А. Красильников [10] и др.), так и зарубежными (Д. Пристландом [35], М. Леное [33]) авторами.

Общим вопросам формирования советской политической культуры посвящены работы А. В. Голубева [4], В. А. Щегорцова [25] и др. Сталинизм, как культурное явление охарактеризован, в частности, в работах С. Коткина [32]. В контексте нашего исследования важно назвать авторов, разрабатывающих проблематику «эстетизации политики» (Б. И. Колоницкий [7], В. В. Глебкин [3]). Проблемы советской политической символики и визуальные репрезентации политического активно изучаются преимущественно зарубежными исследователями (В. Боннелл [27], К. Корни [29], К. Петроне [34], С. Хэттери [30] и др.).

Во-вторых, необходимо остановиться на исследованиях, посвященных теме государственного праздника в России и в СССР.

Еще в дореволюционный период праздники имперской России (церковные и протонародные) стали предметом изучения зачинателей отечественной эртологи: И. М. Снегирева [19], И. М. Сахарова [17] и др. Знакомство с этими работами дает возможность составить представление о характере изменений, происходивших в сфере государственных торжеств в советское время. Значительное развитие изучения темы светских праздников, политических торжеств и дворцовых церемониалов в дореволюционной России отражает современная историография (работы О. Г. Агеевой [1], С. А. Лимановой [11], А. Ф. Некрыловой [13] и др.). Все эти исследования позволяют судить о предыстории советских праздников и праздничных коммемораций, организаторы которых, так или иначе использовали дореволюционный опыт.

Отдельный интерес представляют исследования, подготовленные на материалах Западной Сибири (работы Ю.М. Гончарова [5], С. А. Шилина [24] и др.). Историками нашего региона описаны разнообразные примеры массовых празднований памятных дат политического и культурного значения в дореволюционной Сибири, а также предприняты попытки обобщения эмпирического материала, однако коммеморативной стороне торжеств особенного внимания не уделено.

Государственные праздники 1920–1930-х гг. XX в., устраивавшиеся в советской России, были описаны некоторыми исследователями уже в 1960–1980-х гг. Безусловно, все эти авторы не могли игнорировать узких идеологических рамок, которые не оставляли возможности для критичного взгляда на праздничную культуру межвоенных десятилетий. Советский праздничный календарь, специфика массовых торжеств и их идеологическое значение в последние годы активно изучаются как российскими, так и зарубежными учеными. В России эта тематика исследуется преимущественно на региональных материалах (М. К. Деканова [6], И. Н. Котылева [9], С. Н. Шаповалов [23] и др.). Однако стоит отметить, что в области современной российской эртологии имеются существенные достижения, к числу которых, несомненно, стоит отнести работы С. Ю.

Малышевой, выполненные на материалах Татарстана [12]. Светлана Юрьевна не только детально описывает изменения в праздничном календаре и разъясняет принципы организации торжеств, но также выявляет рецепцию советской праздничности и интерпретирует символику и историческую мифологию революционных праздников 1920-х гг. Не менее интересны работы томского политолога А. И. Щербинина, рассматривающего государственные праздники советского периода как средство политической индокринации [26].

Необходимо также упомянуть книгу Г. А. Бордюгова «Октябрь. Сталин. Победа. Культ юбилеев в пространстве памяти» [2]. В этом исследовании внимание автора сконцентрировано на советской политике памяти, отраженной в характере проведения торжеств. Большое внимание уделено Октябрьским торжествам, на примере которых демонстрируются попытки власти управлять коллективной памятью населения страны. Однако акцент делается только на юбилейных датах. В.В. Глебкин отдельно исследует митинги и демонстрации, видя в них семантическое ядро советских праздников. Этот автор обращает внимание на происхождение советских ритуалов и их связь с дореволюционными традициями [3].

Историки и публицисты неоднократно описывали Октябрьские торжества 1941 г., признавая их исключительное идеологическое значение. В частности, О. В. Хлевнюком охарактеризована руководящая роль И. В. Сталина в организации праздника в осажденной Москве, описаны торжественные мероприятия и проанализированы речи вождя, положенные в основу обширной пропагандистской кампании, направленной на подъем патриотических чувств [22]. Однако то, как праздновали день 7 ноября в Сибири военных лет до сих пор остается неизученным.

Немалый вклад в разработку тематики, связанной с массовыми праздниками внесли зарубежные авторы. Предметом исследования немецкого историка М. Ральфа стало идеологическое и культурное значение советских праздников для общества [15]. Он попытался показать контекстуальную и

эстетическую взаимосвязь торжеств 1920–1930-х гг. (в том числе проходивших в Новосибирске) с российскими праздниками имперского периода, послевоенного времени, с торжествами тоталитарных Германии и Италии. Англоязычным историком К. Корни предпринята попытка концептуального осмысления сакрализации Октябрьской революции в официальном дискурсе, форм и способов формирования в коллективной памяти народа определенной версии военно-революционных событий. В числе каналов трансляции советской версии памяти о революции представлены, в частности и государственные праздники. Исследование Корни наиболее тесно соприкасается с предметом нашего собственного исследования [29]. Глубокий анализ идеологического значения двадцатилетнего юбилея Октябрьской революции предложен в книге американского историка К. Петроне. На примере юбилея автор демонстрирует приемы «коррекции» исторической памяти о революции и ее подчинения общим идеологическим контекстам сталинской политики периода «большого террора» [35, р. 149–174]. Будучи в целом новаторскими, работы зарубежных исследователей обращены преимущественно к юбилейным датам и строятся по большей части на материалах Москвы и Ленинграда, слабо отражая региональную специфику. До сих пор практически не исследовались Октябрьские торжества в годы Великой Отечественной войны (за исключением праздника, состоявшегося в 1941 г.), в том числе в сравнении с довоенным периодом.

Цель нашего исследования – раскрыть динамику коммемораций, связанных с массовыми празднованиями годовщин Октябрьской революции в городах Сибири в условиях становления и развития советской политической системы и связанных с ней контекстов социально-экономической, культурной и повседневной жизни в СССР на этапе между концом 1919 и серединой 1945 г. Для этого предстоит решить ряд взаимосвязанных задач. Во-первых: определить общие контуры предыстории праздничных коммеморативных практик, типичных для жителей этих городов к моменту восстановления советской власти (до конца 1919 г.).

Во-вторых, установить политические, социально-экономические, а также культурные условия и факторы изменений в коммеморативной сфере культуры городов Сибири в указанный период. В-третьих, выявить содержание советской политики памяти, выраженное в ритуальных особенностях массовых торжеств, в использовавшейся символике, лозунговой базе, зрелищах и печатной продукции. В-четвертых, раскрыть специфику сохранения тенденций традиционного развития сферы массовых празднований годовщин Октябрьской революции. В-пятых, выявить и охарактеризовать советские нововведения (новации) в праздничных коммеморациях. В-шестых, определить ключевые особенности рецепции жителями городов Западной Сибири изменений, происходивших в коммеморативной сфере культуры в период с конца 1919 до середины 1941 г.

Общей методологической опорой реализации данного исследования являются контексты так называемого «культурного поворота», в настоящее время задающего один из векторов развития историографии политической истории. «Культурный поворот» отразил стремление гуманитариев к познанию «культурного измерения» исторических, социальных и политических реалий.

Базовой методологической опорой исследования послужат работы, подготовленные в рамках направления, известного в зарубежной литературе как «*memorystudies*» («*memoryresearch*»). Понятийный аппарат «*memorystudies*» обширен и неоднозначен в определениях. Поэтому необходимо объяснить значение и контекст использования основных понятий, применяемых автором диссертации: «социальная память», «историческая память», «коммеморация», «политика памяти».

Еще в 1920-х гг. один из родоначальников «*memorystudies*» М. Хальбвакс определил социальную память как сильно расширенный вариант автобиографической памяти, которая дополнена памятью других членов социальной группы о наиболее значимых для нее событиях. Социальная память – это фактор формирования и поддержания идентичности группы, которая постоянно переосмысляет и «реорганизует» прошлое. Со

временем и личная, и коллективная память обогащается историческим прошлым, так формируется именно историческая память – гибрид, прежде всего, книжной истории и живой социальной памяти [21, с. 30].

Историческая память общества выражается в коммеморациях – сознательных социальных актах передачи нравственно, эстетически, мировоззренчески или технологически значимой информации (или актуализации ее) путем увековечения определенных лиц и событий, т. е. введения образов прошлого в пласт современной культуры [18, с. 1]. В рамках данного проекта наше внимание сконцентрировано на коммеморативных практиках, предполагающих целенаправленную, часто стереотипную и ритуализованную деятельность, необходимую для сохранения и трансляции коллективной памяти.

Мы исходим из того, что степень государственного контроля над коммеморативной сферой культуры проявляется в политике памяти, т. е. в способах и самих процессах идеологизации прошлого, создания с помощью памяти о нем необходимых власти социальных представлений и национальных символов [16, с. 41]. В изучаемый период ее авторами выступали политические лидеры (вожди), Коммунистическая партия, местные советские и партийные органы власти, СМИ, Комиссия по истории Октябрьской революции и РКП (Истпарт) и ее местные бюро, активисты из числа музейщиков, историков и др. Диапазон методов политики памяти был широким.

Из всего многообразия подходов «memorystudies» мы избрали в качестве опоры своего исследования динамически-коммуникативный подход (М. Шадсони др.), исходящий из того, что память конструируется не только «сверху», правящими элитами, но и «снизу». Учен также процессно-реляционный подход Дж. Олика, предполагающий понимание коммеморации как сложного процесса, зависящего от средств передачи памяти, нарративных и дискурсивных контекстов [14]. В рамках исследования планируется использование и междисциплинарного подхода. Будучи историческим, наше исследование в то же время учитывает контексты культурологии и культурной антропологии. В числе мобилизо-

ванных нами общенаучных и конкретно-исторических методов исследования – анализ и синтез, сравнительно-исторический и историко-генетический методы.

Логика исследования будет выстроена в опоре на разработанный нами алгоритм изучения истории коммемораций. Его первый элемент – это краткое описание исходного состояния коммеморации в досоветский период. Второй элемент – характеристика условий и факторов динамики коммемораций в межвоенный период. Третий элемент предполагает определение содержания государственной политики памяти, влиявшей на динамику коммемораций, а также способов и особенностей реализации на практике этой политики. Четвертый элемент – выявление черт преемственности в развитии коммемораций с традицией, сложившейся в культуре дореволюционной России. Пятый элемент – характеристика черт новационного, нетрадиционного для культуры дореволюционной России, развития коммемораций. Изменения в коммеморативной сфере порождали в обществе разные оценки, поэтому шестой элемент алгоритма предполагает определение особенностей рецепции коммемораций социальной средой.

Основными источниками исследования послужат неопубликованные документы, хранящиеся в архивах Москвы и Сибири (Российский государственный архив социально-политической истории, Государственный Архив Алтайского края, Государственный архив Иркутской области, Государственный архив Красноярского края, Государственный архив Новосибирской области, Государственный архив Томской области, Исторический архив Омской области, Центр документации новейшей истории Томской области). Среди всего многообразия архивных источников, необходимых для изучения Октябрьских коммемораций, особенно интересны директивные документы фонда Центрального Комитета КПСС (отдел агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) РГАСПИ (Фонд №17, опись №60), где отложились планы проведения праздничных политических торжеств в СССР. Эти документы позволяют судить о направленности государственной

политики памяти и ее конкретном содержании в разные годы. Важными источниками исследования стали также нормативные документы местных органов власти регионального и городского значения: документы Сибревкома, президиума Западно-Сибирского крайисполкома, постановления горсоветов и горисполкомов и т. п., хранящиеся в архивах Сибири. Эти документы отражают решения местных органов власти, связанных с региональной спецификой проведения политических торжеств. За организацию и проведение государственных праздников и траурных мероприятий на местах также отвечало Сибирское бюро ЦК РКП(б), губернские, окружные, уездные и городские комитеты партии, деятельность которых нашла отражение в соответствующей документации, представленной планами мероприятий, различными постановлениями и циркулярами. Информативны и различные делопроизводственные документы местных партийных органов, касающиеся планирования мероприятий в рамках проведения праздничных и траурных кампаний, отчетов о проведении торжеств, расшифровок стенограмм торжественных заседаний, критики имеющегося опыта. Среди подобных материалов отложились и источники, позволяющие судить о рецепции массовых коммемораций местным населением. Восприятие годовщин «Великого Октября» отражают и мемуарные источники, в частности записанные новосибирским отделением правозащитного общества «Мемориал». Отдельного внимания заслуживают прежде засекреченные документы фондов головных партийных организаций, содержащие сводки и докладные записки о политических настроениях жителей Западной Сибири, в том числе в дни политических торжеств.

Важным источником изучения праздничных коммемораций являются также и региональные газетные публикации, посвященные подготовке к Октябрьским торжествам и их проведению. Газеты фиксируют, меняющуюся с годами лозунговую базу основного политического праздника страны, наиболее значительные

тезисы пропаганды, отражают динамику форм торжеств. Эти источник и не дают возможности реконструировать реальную картину политического праздника, но репрезентируют образ желаемого, призванного стать основой мифологических представлений советского человека об Октябре.

Планируется, что в итоге исследования автору проекта удастся собрать и обобщить сведения о динамике Октябрьских торжеств в рамках длительного хронологического периода: определить и сопоставить специфику коммеморативной составляющей наиболее значительного советского праздника на этапе становления советской государственности, в условиях преодоления системного кризиса военно-революционного периода, на этапе формирования и утверждения сталинского тоталитарного режима, в годы Великой Отечественной войны. Появится возможность объяснить динамику коммемораций с точки зрения изменений политики памяти, обусловленных контекстами и задачами политического и социально-экономического развития страны. Будут установлены черты преемственности с дореволюционной традицией праздничных коммемораций, а также выявлены признаки советских новаций в этой сфере. Наконец, проделанная работа позволит выявить тенденции рецепции праздничных коммемораций сибиряками.

Список литературы:

1. Агеева, О. Г. Светские ежегодные праздники русского двора от Петра до Екатерины Великой / О. Г. Агеева // Отечественная история. 2006. №2. – С. 11-26.
2. Бордюгов, Г. А. Октябрь. Сталин. Победа : культ юбилеев в пространстве памяти / Г. А. Бордюгов. – М. : АИРО-XXI, 2010. – 256 с.
3. Глебкин, В. В. Ритуал в советской культуре / В. В. Глебкин. – М. : Янус-К, 1998. – 167 с.
4. Голубев, А. В. Тоталитаризм как феномен истории XX в. / А. В. Голубев // Власть и общество в СССР: политика репрессий (20–40-е гг.) / Рос. акад. наук, Ин-т

рос. истории ; [редкол. : В. П. Дмитренко и др.]. – М. : [б. и.], 1997. – С. 7-33.

5. Гончаров, Ю. М. Городские праздники в Западной Сибири в середине XIX – начале XX в. / Ю. М. Гончаров // Вестн. / ТомГПУ. 2004. № 4. – С. 9-15.

6. Деканова, М. К. Трансформация российской праздничной культуры в конце XIX – первой трети XX в.: центр и провинция : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / М. К. Деканова. – Самара, 2009. – 19 с.

7. Колоницкий, Б. И. Символы власти и борьба за власть : к изучению политической культуры российской революции 1917 г. / Б. И. Колоницкий. – СПб. : Д. Буланин, 2011. – 347 с.

8. Копосов, Е. Н. Память строгого режима: история и политика в России / Е. Н. Копосов. – М. : НЛЮ, 2011. – 320 с.

9. Котылева, И. Н. Праздничная культура Европейского Северо-Востока России в 1918 г. – начале 1930-х гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / И. Н. Котылева. – Сыктывкар, 2005. – 27 с.

10. Красильников, С. А. Социальная мобилизация как системная характеристика сталинского режима: природа, формы, функции // История сталинизма: итоги и проблемы изучения : материалы Междунар. науч. конф. / под ред. Й. Баберовски. – М. : РОСПЭН, 2011. – С. 150-159.

11. Лиманова, С. А. Официальные церемонии в городском пространстве Петербурга и Москвы в царствование Николая II: автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / С. А. Лиманова. – М., 2013. – 30 с.

12. Малышева, С. Ю. Советская праздничная культура в провинции: пространство, символы, мифы (1917–1927) / С. Ю. Малышева. – Казань: Рутен, 2005. – 400 с.

13. Некрылова, А. Ф. Русские народные городские праздники, увеселения и зрелища конца XVIII – начала XX в. / А. Ф. Некрылова. – Л. : Искусство, 1984. – 89 с.

14. Олик Дж. Фигурации памяти: процессно-реляционная методология, иллюстрируемая на примере Германии // Социологическое обозрение. 2012. № 1. – С. 40-73.

15. Рольф, М. Советские массовые праздники / М. Рольф ; пер. с нем. В. Т. Алтухова. – М. : РОССПЭН, 2009. – 440 с.

16. Савельева, И. М. Социальные представления о прошлом: типы и механизмы формирования / И. М. Савельева, А. В. Полетаев. – М. : ГУ ВШЭ, 2004. – 56 с.

17. Сахаров, И. П. Сказания русского народа о семейной жизни своих предков / И. П. Сахаров. – СПб.: Гунненбергова тип., 1837. – 591 с.

18. Святославский, А. В. Среда обитания как среда памяти: к истории отечественной мемориальной культуры: автореф. дис. ... д-ра культурологии: 24.00.01 / А. В. Святославский. – М., 2012. – 53 с.

19. Снегирёв, И. М. Русские простонародные праздники и суеверные обряды [Электронный ресурс] / И. М. Снегирёв. – М. : Университет. тип., 1837–1839. – Вып. 1–4. – Режим доступа: <http://www.rodnovery.ru/knizhnaya-polka/200-russkie-prostonarodnye-prazdniki-i-suevernye-obryady> (дата обращения: 01.10.2015).

20. Фицпатрик, Ш. Срывайте маски!: идентичность и самозванство в России XX в. / Ш. Фицпатрик ; пер. с англ. – М.: Фонд «Президент. центр Б. Н. Ельцина», 2011. – 373 с.

21. Хальбвакс, М. Социальные рамки памяти / М. Хальбвакс ; пер. с фр. и вступ. ст. С. Н. Зенкина. – М.: Нов. изд-во, 2007. – 348 с.

22. Хлевнюк, О. В. Сталин. Жизнь одного вождя: биография / О. В. Хлевнюк. – М. : Изд-во АСТ: CORPUS, 2016. – 464 с.

23. Шаповалов, С. Н. Историческая трансформация российских (советских) государственных праздников в 1917–1991 гг. (на материалах Краснодарского края и Ростовской области): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / С. Н. Шаповалов. – Краснодар, 2011. – 27 с.

24. Шилин, С. А. Общественные праздники в барнауле (конец XIX – начало XX в.) / С. А. Шилин. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2008. – 54 с.

25. Щегорцов, В. А. Эволюция политической культуры советского общества: автореф. дис. ... д-ра филос. наук: 23.00.03 / В. А. Щегорцов. – М., 1991. – 54 с.

26. Щербинин, А. И. Тоталитарная индокринация: у истоков системы : политические праздники и игры / А. И. Щербинин // Полис. 1998. № 5. – С. 79-96.

27. Bonnell, V. E. Iconography of Power : Soviet Political Posters under Lenin and Stalin / V. E. Bonnell. – Berkley ; Los Angeles ; L. : University of California press, 1997. – 385 p.

28. Brooks, J. Thank You, Comrade Stalin! : Soviet Public Culture from Revolution to Cold War / J. Brooks. – Princeton : Princeton university press, 2000. – 344 p.

29. Corney, F. C. Telling October: Memory and the Making of the Bolshevik Revolution / F. C. Corney. – Ithaca, N. Y: Cornell University press, 2004. – 266 p.

30. Chatterjee, C. Celebrating Women: Gender, Festival Culture, and Bolshevik Ideology, 1910-1939 / C. Chatterjee. – Pittsburgh, PA: University of Pittsburg press, 2002. – 240 p.

31. Kenez, P. The Birth of the Propaganda State: Soviet Methods of Mass Mobilization, 1917-1929 / P. Kenez. – Cambridge; N. Y.: Cambridge University Press, 1985. – 308 p.

32. Kotkin, S. Magnetic Mountain: Stalinism as Civilization / S. Kotkin. – Berkeley: University of California Press. –1995. – 639 p.

33. Lenoe, M. E. The Kirov murder and Soviet history / M. E. Lenoe. – New Haven, Conn.; L. : Yale University Press, 2011. – 833 p.

34. Petrone, K. Life Has Become More Joyous, Comrade : Celebrations in the Time of Stalin / K. Petrone. – Bloomington : Indiana University Press, 2000. – 266 p.

35. Priestland, D. Stalinism and the Politics of Mobilization : Ideas, Power and Terror in Inter-War Russia / D. Priestland. – Oxford; N. Y. : Oxford University Press, 2007. – 487 p.

E.I. Krasilnikova, Candidate of Sciences, Docent, Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk) (e-mail: katrina97@yandex.ru)

COMMEMORATIVE ASPECT OF THE OCTOBER CELEBRATIONS IN SIBERIA (1920–1945): THE FORMULATION OF THE PROBLEM

Throughout the Soviet period of Russian history the October celebrations were the main political holiday of the country, carrying out important ideological function. The article reveals the purpose of the research project, aimed at a comprehensive study of the holiday's commemorative component in the period between the Civil War and the end of World War II (in examples of Siberia). The author explains the relevance of the topic, formulates the goal and objectives, represents the degree of knowledge of this theme, explains the methodological research base, indicates its main sources.

Keywords: the October celebrations, political celebration, commemoration, memory politics, Siberia.

УДК 94(47+57)<18/19>

А.В. Апанасенко, д-р. ист. наук, профессор, НОУ ВПО «Региональный открытый социальный институт» (Курск) (e-mail:apanasenok@yandex.ru)

ТРАДИЦИОНАЛИСТСКИЕ СТРАТЕГИИ «ОЗДОРОВЛЕНИЯ» РОССИИ НАЧАЛА XX ВЕКА КАК ПРЕДМЕТ ДЛЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Статья посвящена перспективам изучения истории традиционалистских стратегий социально-культурного строительства в России. Автор обращает внимание на важность осмысления и частичного использования конструктивных идей, появившихся в старообрядческих и идейно близких к ним кругах в условиях социально-культурного кризиса начала XX века. Рассматриваются задачи, методология, а также перспективы использования результатов такого рода исследовательского проекта.

Ключевые слова: история России, социально-культурное строительство, модернизация, самобытность, традиционализм, старообрядчество.

Современная Россия находится в непростой социально-культурной ситуации, связанной с незавершенностью формирования базовых парадигм в самоопределении и самопрезентации. На протяжении постсоветского периода наша страна стремилась оказаться встроенной в «западную цивилизацию», перенимая финансовые, правовые, социальные, образовательные и прочие стандарты. Двадцать пять лет, прошедшие с момента исчезновения СССР, показали, что конструктивное сотрудничество с ведущими западными державами – благо, а вот копирование их идеологием и практик в большинстве случаев бесперспективно. Во-первых, использование готовых западных рецептов часто идет вразрез с отечественными традициями и ментальностью, во-вторых, жизнь самой западной цивилизации (сопряженная с усиливающимися демографическими, миграционными, гендерными и социально-психологическими проблемами) отнюдь не выглядит безоблачной.

Российскому обществу вновь требуется четкое понимание того, каким оно хочет видеть себя в будущем: какие именно ценности должны в конечном итоге стать для нас основополагающими, чем будет укрепляться гражданское согласие, какими методами призван обеспечиваться рост социального,

экономического и физического благополучия нации.

Ответить на эти вопросы отнюдь не просто: Россия столкнулась с серьезными историческими вызовами. Объективные социально-экономические трудности усугубляются сегодня неочевидностью долгосрочных ориентиров национального развития, кризисом идентичности и социальной ответственности. Распространение «универсальной» массовой культуры постепенно разъедает отечественное своеобразие. Размывается этническая, культурная, религиозная самобытность российского общества, все больший удельный вес в нем приобретает тип человеческой личности, лишенной прочных национальных корней. Слишком быстрая трансформация ценностей и норм поведения, характерные для 1990-х – начала 2000-х гг. обострили проблему «отцов и детей» и всерьез поставили вопрос о сохранении преемственности традиционной культуры [3]. Незавершенность процесса формирования нового духовно-нравственного поля затрудняет борьбу с такими социальными пороками как пьянство, курение, пренебрежение семейными ценностями, бродяжничество и т.д. Наметившийся в последнее время всплеск национального самосознания и национальной солидарности будет иметь

долгосрочные положительные перспективы лишь в том случае, если найдет опору в продуманных, национально ориентированных концепциях развития общества как на макро-, так и на микроуровнях.

Идея выработки таких стратегий, конечно, не нова. Споры по поводу возможностей самобытного решения социальных проблем стали перманентной составляющей интеллектуальной истории России уже в XIX в., а в начале XX в. стали все чаще переходить из социально-философской плоскости в практическое русло. Именно в это время традиционалистами, в значительной части представлявшими старообрядческую среду, был поставлен вопрос о необходимости комплексного «оздоровления» России. Это «оздоровление» мыслилось как выстраивание стратегий развития, ориентированных на отечественные социокультурные традиции.

В советский период в силу предопределенности вектора общественного строительства и идейной монополии КПСС дискуссии относительно сохранения самобытно-национального строительства временно потеряли актуальность, однако в постсоветской России вновь обрели реальную почву. После очередного витка вестенизации 1990-х – начала 2000-х гг. стало очевидно, что общество нуждается в конструктивном диалоге на предмет ограничения своей социально-культурной зависимости от Запада и выработке плодотворных стратегий развития.

История как наука в данном случае выступает тем набором инструментария, который позволяет с помощью изучения прошлого аккумулировать имеющийся ценный опыт. Резкое нарастание социальных проблем, усугубляемое разрушением традиционной ментальности и быта, не раз имели место в отечественной истории. Наиболее показательным в этом отношении начало XX в., эпоха интенсивной интеграции в европейское экономическое и социально-культурное пространство, быстрого разложения традиционных жизненных устоев широких масс, роста социальной напряженности и усугубления социальных пороков. Именно в этих

условиях в недрах консервативной части российского общества активизировалось обсуждение идей гармонизации общественно-культурной жизни посредством возвращения на самобытный путь развития. Значительная часть этих идей (в ряде случаев подкрепленных практической деятельностью) принадлежит представителям старообрядческого мира, которые в 1905 г. обрели полноценные гражданские и религиозные права и начали процесс активной интеграции в общественную жизнь. Будучи традиционалистами по определению, представители староверия видели свою общественную миссию в создании здорового национального социально-культурного пространства, в разумной мере освобожденного от иностранных заимствований. Ряд их плодотворных предложений (связанных с гармонизацией отношений между работодателями и наемными рабочими, укреплением семейных устоев в обществе, антиалкогольными и антитабачными мерами, усилением национальной составляющей в образовании и музейном деле, корпоративным строительством и т.д.) не был масштабно растиражирован до 1917 г. в силу инерции противопоставления старообрядцев «господствующей» Русской Православной церкви, а в советское время был забыт. Между тем, часть «рецептов оздоровления» России, озвученных старообрядческими и идейно близкими к ним общественными деятелями, публицистами, предпринимателями в начале XX в., вероятно, может быть адаптирована к современным реалиям.

Анализ общественной мысли и общественной деятельности представителей старообрядчества в 1905-1917 гг. актуален и с сугубо научной точки зрения. Имеющиеся исследования истории российского общества в предреволюционный период отталкиваются от представления о наличии трех основных идейных лагерей – либералов, радикалов и «официальных» консерваторов-монархистов, каждый из которых располагал набором политических и социально-культурных установок. Наличие особого традиционалистского дискурса (не офици-

ально-правительственного, но созвучного настроениям как многочисленных старообрядческих сообществ, так и, в определенной мере, миллионов консервативно ориентированных подданных Российской империи) не всегда учитывается историками. Его изучение, наряду с исследованием проистекавших из этого дискурса общественных действий, серьезно обогатит социальную и культурную историю России, создаст более адекватное представление об общественных реалиях начала XX в.

Как ни странно, вклад отечественных традиционалистов начала XX в. в конструирование программ «оздоровления России» до сих пор почти не изучен. История традиционалистских сообществ нередко привлекает внимание исследователей, однако изучается преимущественно в других плоскостях. Так, религиозный традиционализм активно изучается как культурный феномен (И.В. Поздеева, Н.Н. Покровский, Е.М. Юхименко, Н.Д. Зольникова, Е.Е. Дутчак, Е.Б. Смилянская, Р. Моррис, Р. Робсон и др.), старообрядчество исследуется как субъект экономической истории (В.В. Керов, А.А. Соболевская, Д.И. Расков), объект вероисповедной политики в Российской империи (О.П. Ершова, Р.В. Кауркин, А.В. Морохин и др.), предмет историко-этнографического анализа (Е.С. Данилко, О.М. Фишман, А.Б. Островский, И.Ю. Трушкова и др.). В 1990-е – 2000-е гг. было проведено довольно много исследований истории традиционалистских сообществ (опять же чаще всего представленных староверами) на уровне отдельных регионов России, в том числе и на уровне подготовки кандидатских и докторских диссертаций. В то же время, многие исследователи склонны изучать старообрядчество как некий «замкнутый», самодостаточный мир с устоявшимся идейным и бытовым укладом, не учитывая фактора влияния на него со стороны окружающего мира (исключение традиционно делается при анализе влияния вероисповедной политики государства на условия жизни старообрядцев), а также обратного влияния. Проектам «консервативного переустройства» России конца XIX - начала

XX в. посвящена монография А.В. Репникова, однако здесь идет речь скорее об «официальном», «монархическом» консерватизме, чем почвенном традиционализме [9]. Как следствие, влияние традиционалистов старообрядческого толка и духовно близких к ним россиян на общественную жизнь предреволюционного периода до сих пор изучено недостаточно. В работах, посвященных истории староверия в том или ином регионе, можно встретить немало упоминаний о его успешной институализации в «золотой век», (т.е. после 1905 г.) и стремлении играть значимую роль на социальной арене, однако предметом самостоятельных исследований эта тема, как правило, не становится.

Необходимо отметить, что ряд серьезных работ, не ориентированных специально на анализ общественной миссии традиционалистов в начале XX в., тем не менее создает благоприятные предпосылки для этого. Так, весьма ценны публикации И.В. Поздеевой, анализирующей преемственность между старообрядческой культурой эпохи модерна и культурой допетровской Руси [7,8]. В.В. Керову принадлежат объемные и глубокие по содержанию труды по истории старообрядческого предпринимательства с XVIII по начало XX в. [1]. Анализируя философию хозяйствования верующих-традиционалистов, этот исследователь вскрывает ряд особенностей их мировоззрения, важных для понимания общественной позиции верующих-традиционалистов.

К настоящему моменту накоплен определенный пласт исследований по истории старообрядчества и в западной историографии, некоторые из них косвенно касаются предмета предполагаемого проекта. Так, в 1921 г. в Гарвардском университете была издана книга о «русских раскольниках» Ф. Конибера, который увидел в старообрядцах православных фундаменталистов, противников европеизации и модернизации русского общества [11]. Г. Мичелз, издавший свою монографию в 1999 г. (также в США), представил староверие как протест самобытного начала русских против подавления своеобразия страны. Р. Моррис предложил

рассматривать саму старообрядческую общину в качестве мини-модели российской демократии [6, 12]. Конкретно вопрос об общественной миссии староверия в начале XX в. был поставлен Р. Робсоном, который на основании анализа старообрядческой прессы в одной из глав своей книги «Старообрядцы в новой России» (1995 г.) выдвинул положение о том, что староверы, рефлексируя на рост социальных пороков, попытались стать «совестью нации» в последнее десятилетие существования Российской империи [13].

Таким образом, отечественная и зарубежная историография к настоящему времени накопила ряд интересных трудов, способствующих пониманию социальной миссии традиционалистов в России позднего имперского периода. В то же время до сих пор отсутствуют масштабные исследования общественной мысли и деятельности староверов и идейно близких к ним социально-культурных категорий в 1905-1917 гг., а вопрос о предложенных представителями староверия стратегиях «оздоровления» России как таковой практически не ставился, если не считать трудов самих старообрядцев начала XX в. [2, 4, 5, 10]. Малоизученными остаются идеи и мероприятия старообрядцев по борьбе с социальными пороками (пьянством, курением, пренебрежением семейными устоями) и гармонизации общественных отношений (корпоративное строительство, формирование «национальной идеи»); не изучались специально их практические предложения по «национализации» российской культуры.

Все вышесказанное приводит к мысли, что формирование традиционалистских стратегий «оздоровления России» в начале XX в. может и должно стать самостоятельным предметом для масштабного исторического исследования. В частности, интерес вызывают следующие аспекты проблемы:

- особенности осмысления консервативной частью общества (в данном случае старообрядчеством) негативных последствий механического копирования западных социально-культурных норм;

- специфика стратегий эффективного национально-ориентированного строительства, предложенных традиционалистами в условиях социально-культурного и политического кризиса российского общества начала XX в.;

- возможность использования опыта «почвенного» социально-культурного строительства, накопленного в начале XX в., в современных условиях.

Каждый из вышеперечисленных пунктов предполагает серьезную исследовательскую работу. Ее результаты станут как вкладом в историческую науку, так ценным материалом для практиков. Говоря о сугубо научной составляющей, можно констатировать, что описанное исследование станет одним из первых опытов комплексного изучения общественной миссии старообрядчества в 1905-1917 г. Его новизна заключается в самой постановке проблемы: идеи и деятельность верующих-традиционалистов окажутся проанализированы в контексте социально-культурной, а не религиозной истории России, а само староверие будет рассмотрено как консервативный общественный полюс модернизирующейся России. Проведение такого рода исследований предполагает введение в научный оборот значительного массива источников по социальной истории начала XX в. ранее не использовавшихся учеными. Для практиков было бы очень полезно создание на основе этих источников обширной базы данных оригинальных «рецептов оздоровления» России.

Важным условием успешности изучения стратегий «оздоровления России» начала XX в. должна быть комплексность исследовательской работы. Принцип комплексности может быть реализован, во-первых, посредством использования разнородных источников как старообрядческого, так и нестарообрядческого происхождения (публицистики, полемической литературы, материалов собраний и съездов, мемуаров, переписки между общественными деятелями, предпринимателями, духовными лицами), позволяющих посмотреть на проблему с точки зрения разных общественных групп.

В-вторых, традиционалистские стратегии должны анализироваться в контексте развития общественной мысли начала XX в., сопоставляться с «рецептами оздоровления» России, предлагавшимися другими социальными (религиозными) сообществами в данный период. В-третьих, целесообразно уделять внимание как масштабным общественным проектам представителей столичного старообрядчества, так и социальным практикам традиционалистов на мезо- и микро-уровнях, представленным в российской провинции.

Говоря о теоретико-методологических основаниях описанного исследования, нужно отметить ценность концепций, оформившихся в среде ведущих исследователей российского староверия в последние два десятилетия. Так, хорошей теоретической опорой для понимания сущности традиционалистского взгляда на российскую действительность могли бы стать работы И.В. Поздеевой, Н.Н. Покровского, В.В. Керова, видящих в старообрядчестве продолжение и модификацию русской позднесредневековой культуры, а самих староверов рассматривающих в качестве носителей традиционалистского мировоззрения. Принципиально важными для исследования истории самобытных концепций социально-культурного строительства являются положения теории модернизации, сформулированные в ходе изучения отечественной социокультурной динамики такими специалистами как Б.Н. Миронов, Е.Т. Артемов, В.В. Алексеев, О.Л. Лейбович, В.А. Красильщиков. В этом смысле первостепенное значение имеет тезис о «догоняющем» характере российской модернизации, с конца XVII в. являвшейся, по существу, европеизацией (вестернизацией). Модернизация данного типа предопределяет проблему внесения в собственный культурный мир важнейших элементов культуры других стран и народов, а потому неизбежно порождает протест в среде патриархального общества. Старообрядчество может рассматриваться как консервативный полюс этой оппозиции, носитель «традиционалистской» альтернативы социального развития. Конечно, в исследовательской работе должны быть также учтены достижения классической

западной социологии религии и социологии культуры в интерпретациях М. Вебера и М. Трельча, заложивших основы современного научного взгляда на процессы трансформации традиций в условиях наступающего модерна.

Что же конкретно можно делать, изучая историю появления традиционалистских стратегий «оздоровления России»?

Во-первых, четко охарактеризовать круг социальных проблем, вызывавших наибольшую озабоченность в традиционалистски ориентированной среде в 1905-1917 гг.;

во-вторых, выявить социально-культурные принципы, которые представителями старообрядчества предлагалось положить в основу «оздоровления» российского общества;

в-третьих, получить комплекс сведений об идеях, высказанных представителями старообрядчества (общественными деятелями, предпринимателями, священнослужителями) о приоритетных направлениях развития российского общества в период с начала первой русской революции 1905 г. до событий октября 1917 г.;

в-четвертых, выявить социально-культурную и религиозную обусловленность стратегий развития российского общества, предлагавшихся староверами в начале XX в.;

в-пятых, зафиксировать наиболее успешные социальные практики староверов по решению актуальных общественных проблем, доказавшие эффективность в 1905 – 1917 гг.;

в-шестых, определить степень распространения и глубину воздействия традиционалистских (старообрядческих) идей и практик на российское общество в рассматриваемый период;

в-седьмых, выработать научно-практические рекомендации по использованию старообрядческого опыта национально-культурного проектирования на современном этапе развития России;

в-восьмых, создать электронную базу данных с условным названием «Рецепты оздоровления России»: социальные идеи и практики представителей русского старообрядчества в 1905 – 1917 гг.».

Ожидаемые результаты могут существенно углубить знания в области социальной и культурной истории России начала XX в., поскольку они призваны дать адекватное представление о влиятельном социально-культурном дискурсе, представленном российскими традиционалистами в условиях масштабного общественного кризиса. Описанное исследование стало бы вкладом в историю гражданского общества России, а также отечественную интеллектуальную историю, обогатив названные отрасли знания сведениями об оригинальных проектах самобытного-национального строительства. Материалы исследования пополнят эмпирический и теоретический багаж традициологии, развивающейся преимущественно на материалах Западной и Центральной Европы.

Как было отмечено выше, проведение исследования истории создания стратегий «оздоровления России» обладает и очевидной практической значимостью с точки зрения прикладного использования результатов в образовательном процессе и общественном строительстве. Материалы исследования смогут использоваться в ходе создания лекционных курсов по отечественной истории, социальной истории России, а также в процессе преподавания отдельных факультативных курсов по интеллектуальной истории России, истории русского старообрядчества и общественной истории XX в. Результаты такого исследования будут востребованы и при написании учебных и учебно-методических пособий по соответствующим предметам.

Дополнительные возможности для использования в образовательном процессе результатов исследования даст создание в ходе реализации проекта электронной базы данных, условно названной мною «Рецепты оздоровления России»: социальные идеи и практики представителей русского старообрядчества в 1905 – 1917 гг.». Ее использование окажется целесообразно на мультимедийных лекционных и практических занятиях по предметам исторического цикла. Она же стала бы хорошим «пособием» для государственных структур и общественных

организаций, призванных бороться со злободневными социальными проблемами и занимающимися вопросами социально-культурного строительства.

Список литературы:

1. Керов В.В. «Се человек и дело его...»: Конфессионально-этические факторы старообрядческого предпринимательства в России. – М.: Экон-Информ, 2004. – 658 с.
2. Кириллов И.А. Правда старой веры. – М., 1916. – 248 с.
3. Кравченко С.А. Фактор религии в условиях этнокультурной самоидентификации современной молодежи // *Провинциальные научные записки. 2015, №2.* – С.74-78.
4. Мельников Ф.Е. Краткая история Древлеправославной (старообрядческой) церкви. – Барнаул, изд-во БГПУ, 1999. – 568 с.
5. Михаил, епископ (Семёнов). Избранные произведения. – СПб., 1998. – 272 с.
6. Моррис Р. Община староверов в Северной Америке как одна из моделей для развития демократии в России // *Skupiska stooobrzadowcow.* – Warszawa, 1994. – С. 23-31.
7. Поздеева И.В. Личность и община в истории русского старообрядчества // *Старообрядчество: история, культура, современность.* – М.: Музей истории и культуры старообрядчества, 1997. – С. 20-25.
8. Поздеева И.В. Комплексные исследования современной традиционной культуры русского старообрядчества. Результаты и перспективы // *Мир старообрядчества. Вып. 4. Живые традиции: Результаты и перспективы комплексных исследований.* – М.: «Российская политическая энциклопедия», 1998. – С. 22-27.
9. Репников А.В. Консервативные концепции переустройства России. – М.: Изд-во Academia, 2007. – 519 с.
10. Рябушинский В.П. Старообрядчество и русское религиозное чувство. – М.: «Русский дом», 1994. – 239 с.
11. Conybeare, F.S. Russian Dissenters. – Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1921. – 267 p.
12. Morris R. Old Russian Ways. – New York, 1991. – 332 p.
13. Robson R. Old Believers in modern Russia. – De Kalb, 1995. – 304 p.

A.V. Apanasenok, Doctor of Sciences, Regional Open Social Institute (Kursk)
(e-mail: apanasenok@yandex.ru)

THE TRADITIONALIST STRATEGIES OF "RUSSIAN RECOVERY" OF THE EARLY XX CENTURY AS A SUBJECT FOR HISTORICAL RESEARCH: PROBLEM DEFINITION

The work is devoted to the prospects of studying of the history of traditionalist strategies of Russian socio-cultural construction. The author draws attention to the importance of understanding and partial use of constructive ideas that have appeared in Old Belief communities and ideologically close to them circles in terms of socio-cultural crisis in beginning of the XX century. Problems, methodology and prospects of results using of such research project are analyzed. .

Keywords: history of Russia, social-cultural construction, modernization, identity, traditionalism, Old Belief

УДК 94(47).084

А.В. Крыжан, канд. ист. наук, доцент, НОУ ВПО «Региональный открытый социальный институт» (Курск) (e-mail: kryjhan@mail.ru)

ЧП РАЙОННОГО МАСШТАБА (К СОЦИАЛЬНОМУ ПОРТРЕТУ МЕСТНЫХ СОВЕТСКИХ ЧИНОВНИКОВ 1930-Х ГОДОВ)

В статье анализируется событие, которое автор рассматривает его в качестве иллюстрации руководящих амбиций местных представителей Советской власти, действовавших в большей степени в соответствии с собственными представлениями о большевистской идее, а не с законом. Автор приходит к выводу, что в середине 1930-х местное чиновничество, стремилось к произволу и самовластию.

Ключевые слова: местные Советы, самовластие местных чиновников, политическая демагогия, идеологический подход, властные амбиции

В последние десятилетия как российская, так и зарубежная историческая наука уделяет большое внимание исследованию местной советской власти и её роли в государственном строительстве послереволюционный период. По мнению ряда исследователей, в 1920 – начале 1930-х годов местные Советы играли своеобразную политическую роль. Н. Верт охарактеризовал её следующим образом: «после объявления Москвой очередной “кампании” – зачастую с неясными целями – местные чиновники “интерпретировали” указания по своему усмотрению, подчиняясь им или нет, выказывали “рвение” или пытались “саботировать” инициативу» [4, с. 148]. Местная советская власть «была достаточно патриархальна и традиционна, а по способам управления неэффективна и хаотична» [6, с. 96].

В данной статье характеризуются события, произошедшие в 1935 г. в небольшом поселке Курской области, которые могут служить иллюстрацией того, как амбиции местных представителей Советской власти, действовавших в большей степени в соответствии с собственными представлениями о большевистской идее, а не с законом, порождали непредсказуемое воздействие на повседневную жизнь людей. Причем, в данном случае подобное воздействие явно не соответствовало интересам нового государства.

После революции к власти получили доступ люди, отнюдь не соответствующие образу «пламенного революционера». Иллюстрацией этого может служить отрывок из выступления одного из деятелей Курского губкома РКП(б) на 2-й губернской партийной конференции в октябре 1918 г.: «в исполкомах сидят уголовные преступники, за которыми числится не один случай подлога и растраты денежных сумм. В Новом Осколе исполком торгует водкой, которую он успел продать на 4 млн. рублей. Комиссары пьянствуют вместе с членами комитета партии и, вдобавок, спаивают красноармейцев» [2, д. 3, л. 38].

Тем не менее, в переходный период перед властью, независимо от её качества и эффективности, возникает масса сложнейших задач: стабилизировать экономическую ситуацию, создать новый государственный аппарат, и, наконец, самое сложное – консолидировать вокруг себя общество. По мере того, как Советское государство стало создавать и развивать свою законодательную базу, проявилась «детская болезнь» местной бюрократии – чрезмерная «революционность». «Выдвинув лозунг утверждения “социалистической законности”, Советская власть в начале 1920-х гг. все еще сохраняла импульс “революционности”, причем он был тем сильнее, чем ниже уровень власти, поскольку революционная

целесообразность “удобнее” законности» [5, с. 38]. Например, в апреле 1918 г. на основании постановления Курского губернского исполнительного комитета за одну неделю с банковских счетов граждан и учреждений без их ведома было списано 1 270 тысяч рублей для «защиты фронта губернии в наиболее острый период гражданской войны от вторжения немецко-гайдамакских банд и на борьбу с контрреволюционными выступлениями, имевшими место в Курске в средних числах апреля» [3, д. 402, л. 17]. При этом, работники Курского губисполкома не только были уверены в безусловной полноте своей власти, но и искренне считали, что действуют во благо революции и были весьма удивлены тем, что Управляющий делами Совнаркома В. Бонч-Бруевич, а затем и следственный отдел Наркомата юстиции РСФСР потребовали вернуть незаконно списанные деньги и наказать виновных в произошедшем. Обращает на себя внимание то, что местные чиновники не замедлили признать, что знали о незаконности своих действий, более того, в Наркомате финансов РСФСР из жалоб от частных лиц было известно о списании 445 тысяч руб., о том, что было списано больше миллиона в следственный отдел Наркомюста честно сообщил председатель Курского губернского отдела юстиции. В своем письме он вступился за губернского комиссара финансов, санкционировавшего списание денег, которого Бонч-Бруевич требовал снять с должности и отдать под суд, характеризуя местного финансиста как идейного молодого коммуниста, полагая, что было бы странно, если бы он не признавал «своего, самого чистого, святого» [3, д. 402, л. 9].

Тем не менее, в разгар гражданской войны центральная власть допускала использование принципа революционной целесообразности в ущерб законности, негативно реагируя лишь на вопиющий произвол на местах. Но уже со второй половины 1920-х годов большевистское руководство взяло курс на укрепление

социалистической законности и всячески стремилось ввести деятельность местных чиновников в законное русло, поскольку это позволило бы наладить эффективный механизм контроля. Однако губернские, а еще более, уездные власти не спешили следовать устанавливаемым правовым нормам, предпочитая прикрываться революционной демагогией и идеологически-правильными оценками.

В начале и середине 1930-х местная власть сохранила тенденцию к злоупотреблениям и произволу, однако характер их изменился. На смену идейным молодым коммунистам, гордившимся своей способностью защищать идеалы революции любой ценой, пришли люди, которые стремились не защищать, а пользоваться. Эту ситуацию емко охарактеризовал А. Н. Сахаров: «малокультурные, обездоленные люди поняли, что они могут не только встать вровень с имущими, с вчерашним «барином», но и подняться выше него в социальной иерархии» [8, с. 41]. Они продолжали традицию властного произвола, но прибегали к нему не для защиты святых идеалов, а для осознания собственной значимости. Новая бюрократия никогда не признала бы сознательного нарушения правил, она нашла беспроблемное средство всегда поступать правильно – превентивное использование классовой революционной демагогии, в результате чего самым заурядным ситуациям придавался политический характер.

В феврале 1935 г. в одной из районных газет Курской области была опубликована заметка «Повысить классовую бдительность в школах» [7]. Поводом для появления заметки стало событие, произошедшее в ходе одного из обычных уроков в педагогическом техникуме небольшого поселка Ливны. Поскольку событие имело место в 1935 г., когда процесс формирования областных административно-территориальных единиц не был завершен, здесь требуется географическое уточнение. В 1934 г. после ликвидации Центрально-Черноземной области

была образована Курская область, объединившая территории бывших Курской и Орловской губерний. Поэтому, вплоть до образования в 1937 г. Орловской области, районы, входящие сейчас в её состав, в том числе и Ливенский, входили в Курскую область.

На одном из уроков химии преподаватель ливенского педагогического техникума Черемин, объясняя тему «Спирты», упомянул о воздействии этилового спирта на организм человека. Один из студентов по фамилии Клоков, известный в техникуме своим непредсказуемым поведением и хулиганскими поступками, задал Черемину провокационный вопрос: пьёт ли он сам? Растерявшийся преподаватель ответил, что не пьёт, тогда Клоков заявил: «А товарищ Сталин пьёт, и весь ЦК пьёт!». Черемин доложил о произошедшем на уроке инциденте директору техникума Калашникову, по приказу которого Клоков был исключен из числа студентов за хулиганский поступок. С позиций сегодняшнего дня, действия директора выглядят достаточно радикальными, но в середине 1930-х такое наказание вполне соответствовало духу времени.

Казалось, инцидент был исчерпан, однако об этой истории из посторонних источников стало известно в Ливенском райкоме партии. Была создана партийная комиссия, результаты работы которой можно признать образцом революционного рвения: снят с работы со строгим выговором директор Калашников, уволен преподаватель химии Черемин, отчислены из техникума секретарь комитета комсомола, председатель студенческого профкома и ещё двое студентов, общавшихся с Клоковым. Кроме того, выговор по комсомольской линии был объявлен обществуведущему техникума Якобсону, а комитет комсомола и профком техникума были распущены.

Однако на этом дело не закончилось. Выходка Клокова была превращена в районную сенсацию. Помимо упомянутой публикации в газете, была выпущена

специальная радиопередача, посвященная низкому уровню воспитательной работы в техникуме. Помимо этого представители райкома комсомола отправились по колхозам для проведения бесед с молодыми колхозниками о партийной политике. В ходе проводимых мероприятий история с Клоковым приводилась в качестве иллюстрации вопиюще неправильного поведения, а педагогический коллектив техникума огульно обвинялся в антиправительственной деятельности. В результате производимых в районе «воспитательных» действий, оставшиеся в штате преподаватели техникума в страхе стали сами увольняться с работы. Заведующий районным отделом образования Шибаев, обвиненный райкомом в слабости руководства, отложил созыв семинаров районного актива и все другие дела, переключившись полностью на дело Клокова.

Местные чиновники и партийные функционеры решили не ограничиваться только техникумом, и в орбиту их руководящего угара стали вовлекаться и другие учебные заведения. По распоряжению райкома партии в школах учителя проводили беседы с учащимися, причем даже в 1–2-х классах, где «с трудом находили понятные детям слова и, в то же время, боялись вызвать со стороны 8–9-летних детей какие-либо “щекотливые” вопросы».

В результате из школы № 2 была исключена 15-летняя учащаяся Лебедева, которая во время обсуждения заявила, что лучше бы Клокова не исключать, а перевоспитать [1, д. 289. л. 43–44].

Вся эта вакханалия была прекращена только после вмешательства областной комиссии, включавшей работников областной прокуратуры, которая по итогам проверки предложила «организационные выводы привести в соответствие со степенью виновности соответствующих лиц». После этого директор Калашников и преподаватель Черемин были восстановлены на работе, а отчисленные студенты – в число учащихся техникума. Что касается пресловутого Клокова, то он был исклю-

чен без права поступления в иные учебные заведения в течение пяти лет.

В этой истории мы видим немало людей, которые пострадали от молоха власти совершенно непредвиденно ни для себя, ни для окружающих. Начиная урок, преподаватель Черемин никак не думал, что его дидактические методы, к слову вполне рациональные и отнюдь не новаторские, станут причиной громкого скандала, раздутого на весь район. Директор, исключая Клокова из техникума, вряд ли предполагал, что его действия будут восприняты как классовая незрелость и будут стоить ему работы. Исключенные из техникума однокурсники Клокова вовсе не проявляли социального протеста и не организовывали заговоров – они просто общались с соучеником. Однако наиболее одиозный пример – школьница Лебедева (не будем забывать о её возможных родителях), которая не только не имела никакого отношения ни к Клокову, ни к педтехникуму, но даже внесла вполне «пролетарское» предложение перевоспитать заблудшего студента.

Зададимся вопросом: почему на самом деле инцидент, являвшийся курьезом, был раздут почти до контрреволюционного злодейства? Общие рассуждения о духе времени и всеобщем страхе представляются здесь легковесными – директор педагогического техникума даже в небольшом районном городке, наверняка, был человеком образованным и читал газеты, дух времени заставил бы его изначально действовать более жестко и не ограничиваться тихим исключением Клокова. Да и после вмешательства областной прокуратуры все действующие лица были восстановлены на своих местах. Кроме того, товарищ Сталин действительно пил вино, что никогда не скрывалось, а употребление алкоголя, и даже откровенное пьянство, не считалось в советской повседневности антисоветским поведением.

На наш взгляд, причина кроется в том, что выходка студента Клокова оказалась тем удобным событием, которое позволяло местным бюрократам проде-

монстрировать правильность и быстроту реакции, способность к идеологически правильным решениям и готовность самостоятельно, без указки сверху предотвратить любые посягательства насвятая святых – партийное руководство. Результатом всей чрезмерной активности, по сути дела, было только одно – от нее пострадали люди, которые ни в чем не были виноваты. Никаких конструктивных действий местными властями предпринято не было. Выполнение политики партии было чистойшей демагогией, этой политике местные бюрократы больше навредили, поскольку суть её декларируемого отношения к людям, особенно молодым, в самых общих чертах выразила школьница Лебедева – молодого человека надо было перевоспитывать и приобщать к новой жизни. В этом смысле единственное конструктивное действие совершил директор техникума, который применил наказание к студенту, нарушившему во время учебного занятия скорее не дисциплину, а этику советского студента и гражданина Страны Советов. Все остальные мероприятия выглядят тем, чем они и были бессмысленным нагнетанием ситуации. Зачем местные чиновники прибегали к нему? Ответ на этот вопрос можно найти у Н. Верта: «в аппарат нарождающегося государства влилась масса плебейских элементов, которые компенсировали слабость политического образования и профессиональной квалификации активностью, представлявшей собой смесь преданности делу большевистского государства и «традиционного» поведения мелких бюрократов старого режима» [4, с. 151].

Подобная псевдореволюционность местной власти оказывала негативное воздействие на реализацию большевиками целей государственного строительства, поскольку повседневная жизнь людей складывается в большей степени под влиянием местной, а не центральной власти, поэтому именно взаимодействие граждан с местными чиновниками формирует их политические настроения и отношение к государству в целом.

Список литературы:

1. Государственный архив общественно-политической истории Курской области (ГАОПИКО). Ф. П–1. Оп. 1.
2. Государственный архив общественно-политической истории Курской области (ГАОПИКО). Ф. П–65. Оп. 1.
3. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А–353. Оп. 2.
4. Верт Н. Террор и беспорядок. Сталинизм как система. – М., 2010. – 447 с.
5. Крыжан А.В. Обыватель и советская юстиция: из опыта использования политической демагогии в повседневном общении с властью (Курская губерния, 1920-е гг.) // Новый исторический вестник. 2012. № 4(34). – С. 38-47.
6. Лившин А. Я. Настроения и политические эмоции в Советской России. – М., 2010. – 344 с.
7. Повысить классовую бдительность в школах // Знамя Ленина. 1935. 10 февраля.
8. Сахаров А.Н. 1930: год «коренного перелома» и начала Большого террора // Вопросы истории. 2008. № 9. – С. 40-69.

A. V. Kryzhan, Candidate of Sciences, Docent, Regional Open Social Institute (Kursk) (e-mail: kryjhan@mail.ru)

EXTRAORDINARY INCIDENT OF REGIONAL SCALE (TO A SOCIAL PORTRAIT OF LOCAL SOVIET OFFICIALS OF THE 1930TH YEARS)

In article is analyzed the event which the author considers it as an illustration of the leading ambitions of the local representatives of the Soviet government, acting more according to their own notions of Bolshevik idea, but not with the law. The author comes to a conclusion that in the mid-thirties local officials hid behind pseudo-revolutionism the aspiration to tyranny and autocracy.

Keywords: local Councils, autocracy of local officials, political demagogy, ideological approach, imperial ambitions.

УДК 94(470)

А.Н. Верижников, сотрудник, Академия Федеральной службы охраны Российской Федерации (Орел) (e-mail: wan.off@mail.ru)

ЧАСТИ ОСОБОГО НАЗНАЧЕНИЯ ОРЛОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В БОРЬБЕ С БАНДИТИЗМОМ И АНТИСОВЕТСКИМИ ВЫСТУПЛЕНИЯМИ

В статье обобщается опыт борьбы ЧОН Орловской губернии с бандитскими выступлениями и антисоветской деятельностью за период 1918-1923 гг.

Ключевые слова: Орловская губерния, военно-партийные отряды, части особого назначения (ЧОН), коммунар, бандитизм.

Части особого назначения (ЧОН) – военно-партийные отряды, создававшиеся при заводских партийных ячейках комитетов коммунистической партии для оказания помощи органам советской власти в несении караульной службы у особо важных объектов, обеспечении общественного порядка, поимке уклонявшихся от прохождения военной службы, но все же главными задачами в их деятельности были подавление антисоветских выступлений и борьба с бандитизмом.

В августе 1918 г. вспыхнуло антибольшевистское восстание в г. Ливны, вызванное политикой «военного коммунизма». Восстание распространилось на весь уезд, по некоторым данным, в нем принимало участие около 12 тыс. крестьян [11, с. 50-54]. Восстанию был присвоен ярлык «кулацкого мятежа», хотя социальная база его была гораздо разнообразнее. В нем приняли участие и бедные крестьяне, и мещане, и солдаты, и горожане.

С помощью интернациональных карательных соединений – латышских стрелков, и только посредством больших жертв со стороны восставших, выступление удалось подавить. В усмирении взбунтовавшихся принимали участие и большевистские дружины.

И это было не единичное выступление. В Орловской губернии крестьянство «бурлило» в различных местах. В марте 1919 г. вспыхнуло новое крестьянское волнение в д. Верхняя Боевка, где проживали

настоящие «кулаки», применявшие наемный труд и владевшие многими наделами земли. Восстание было связано с реквизицией хлеба у зажиточных крестьян. На его подавление пришлось мобилизовать крупные силы: воинскую команду из г. Кромы, большевистские дружины из с. Кирово, с. Сосково, с. Мыцкого. Выступление, грозившее разрастись в обширное антисоветское восстание, было подавлено. Пятерых зачинщиков расстреляли [4, с. 56-57].

Коммунистические отряды постоянно находились на военном положении. По официальным сведениям, в течение 1918-1919 гг. в губернии было подавлено более 27 «кулацко-эсеровских» мятежей [1, с. 40].

Отзвуком крупнейшего крестьянского восстания, происходившего в Тамбовской губернии под руководством А.С. Антонова, стало Глодневское восстание в Дмитровском уезде Орловской губернии, вспыхнувшее в феврале 1921 г. на почве недовольства крестьян продовольственной политикой большевиков и охватившее несколько волостей. На подавление восстания были брошены части Красной армии и 49-я особого назначения Дмитровская рота в количестве 85 человек. Под руководством бывшего подпрапорщика Фарафонова Глодневское восстание приняло серьезный размах. Его базой стали зажиточные крестьяне, середняки, представители духовенства. Однако их сторону приняли и бедняки, что предопределило размах движения. У восставших не было политических целей, лозунги со сторо-

ны их руководителей звучали следующим образом: «Долой взяточников-коммунистов, да здравствует власть народа во главе с товарищем Лениным». В целом же, восстание продлилось две недели, серьезные жертвы были как со стороны большевиков, так и со стороны повстанцев. В конце концов, оно было подавлено по прибытию красноармейских частей [8, оп. 1, д. 58, л. 3].

На территории Елецкого уезда 13 сентября 1921 г. появилась пришедшая из Курской губернии конная банда численностью около 70 человек, вооруженная винтовками и пашками. Несмотря на то, что части находились в стадии реорганизации, они активно противодействовали бандитам. Наскоро были сколочены отряды (один в 15 пеших бойцов, второй в составе 55 коммунаров на двух грузовиках и 13 всадников), их вооружили винтовками с небольшим количеством патронов и пулеметом и выслали для преследования банды. Банда прошла в Севский уезд Брянской губернии безнаказанно лишь потому, что ЧОН не были достаточно мобильны, тем более что прямых столкновений бандиты избегали.

Конец 1921 г. отмечен выявлением на территории губернии отдельных бандитов, которые были или схвачены, или убиты в перестрелках. В Болховском уезде 14 декабря 1921 г. было поймано 4 бандита. Через несколько дней в том же уезде в районе Калиновских дворов (в 12 верстах юго-западнее г. Болхова) группа бандитов в количестве 4 человек напала на крестьян, которые везли продовольственный налог [6, оп. 1, д. 70, л. 1-1 об.]. По следам банды был выслан отряд из 15 коммунаров, который 30 декабря 1921 г. настиг преступников в 13 верстах западнее г. Болхова, около деревни Шемякино. Три бандита были схвачены.

День спустя, 31 декабря, была разгромлена занимавшаяся грабежами на территории Красниковской волости Болховского уезда банда Гудилина в составе 6 человек, вооруженных карабинами, наганами и гранатами [6, оп. 1, д. 80, л. 1 об-2].

В то же время в Малоархангельском уезде командиром взвода 3 особого назначе-

ния Малоархангельской роты Юрасовым с двумя коммунарами были пойманы бандиты Колпаков и Зуев (Зуевской) [2, оп. 1, д. 161, л. 17 об -18]. У них были отобраны револьверы, наган, кольт и одна винтовка. Также в декабре 1921 г. были ликвидированы несколько бандитов в Предтечевской волости Елецкого уезда [2, оп. 1, д. 161, л. 72 -72 об.].

Для борьбы с бандитизмом на территории Дмитровского уезда руководством частей особого назначения был разработан отчетливый план. Назначался резерв, находящийся в постоянной боевой готовности: 1-й взвод, состоящий из 77 бойцов, которые принадлежали к 1-му разряду подготовки и проживали в г. Дмитровске и прилегающих волостях. Штаб взвода и сборный пункт также находились в центре уезда – в г. Дмитровске [2, оп. 1, д. 161, л. 12]. Подобные планы были разработаны и для обороны других городов и уездов.

На протяжении всего 1922 г. на территории Орловской губернии были широко распространены случаи бандитизма и терроризма, в борьбе с которыми активно участвовали части особого назначения. Так, ночью 14 августа 1922 г. в окрестностях г. Малоархангельска вооруженная банда в масках произвела нападение на дом гражданина Преданцева, при сопротивлении хозяин был убит, его мать получила ранение. Прикрывавшая город часть из 19 коммунаров была собрана в течение 15 минут. По городу была произведена облава, однако убийц найти не удалось [7, оп. 7, д. 36, л. 15].

В районе Гуторовской волости в 60 верстах юго-восточнее г. Кромы 24 ноября 1922 г. появилась банда в количестве 4 человек под руководством некоего Макарова, вооруженная винтовками и револьверами и занимавшаяся грабежом среди местного населения. Для поимки бандитов был выслан отряд, вооруженный винтовками и бомбами, в количестве 20 человек под командой командиров взводов 50-й роты особого назначения А.И. Борисова и С.А. Михалева, которым было придано 11 конных милиционеров.

Банда в количестве 6 человек, загромированных сажеей, вооруженных винтовка-

ми, обрезами и револьверами, 3 декабря произвела налет на хутор Луганцев Дмитровского уезда, обыскала дома, отбирала одежду, обувь и т. д. Высланным от 49-й особого назначения Дмитровской роты отрядом в числе 4-х человек под командой командира взвода Т.П. Акимочкина 5 бандитов были пойманы; у них изъяли винтовку, обрез, два револьвера.

Тремя коммунарами д. Густая Малоархангельского уезда 4 декабря была произведена облава на воров отца и сына Самойловых. Последние, оказав сопротивление, бежали.

Сообщники банды Маслова 19 декабря прибыли в д. Мокрое. В деревню от 15-го особого назначения Малоархангельского батальона был направлен отряд из 22 человек под командованием командира батальона И.И. Толпежникова. Чоновцы совместно с милицией задержали и передали в уголовный розыск 11 человек. 29 декабря отрядом, высланным от 50-й особого назначения Кромской роты, были пойманы два бандита. Одним из них оказался Д. Пикало, уроженец Ливенского уезда, бежавший годом ранее из Орловского концлагеря [7, оп. 7, д. 174, л. 22].

Кроме того, чоновцы задействовались при подавлении восстаний и выступлений, периодически вспыхивавших среди крестьян. Так, 7 января 1922 г. в ряде сел Островской волости Ливенского уезда на почве сбора продналога вспыхнуло восстание среди крестьян, для ликвидации которого был направлен командир Ливенской роты с отрядом из 30 коммунаров с двумя пулеметами. Восстание было подавлено без сопротивления, а два его зачинщика за контрреволюционную пропаганду были арестованы и переданы суду Революционного трибунала.

На ссыпном пункте при станции Русский Брод Ливенского уезда 22 октября 1922 г. из-за долгой стоянки взбунтовались налогоплательщики, для сдерживания которых приехал командир 47-й особого назначения Ливенской роты Ф.И. Внуков с отрядом в 30 человек. После проведенной беседы взбунтовавшиеся были усмирены.

Вместе с тем, неправомерные попытки чоновцев и других представителей власти «переусердствовать» в сборе продналога наталкивались на ожесточенное сопротивление крестьян, доведенных до отчаяния, вынужденных в целом ряде случаев братья за оружие. Например, 14 ноября 1922 г. в районе г. Ельца при сборе продналога был убит коммунар 1-го взвода 49-й особого назначения Елецкой роты Ф. Соломенцев [8, оп. 1, д. 28, л. 142]. Возмущенные крестьяне были и в других уездах. Из доклада командиру 3 роты 1 отдельного батальона следует: «... проезжая по району волости, мы в числе трех лиц: волмилиционера, налогинспектора и секретаря волкома по выполнению задания масла, личного налога были встречены гражданами Холх, которые остановили нашу подводу вооруженные косами и кричали бей руби им головы, от каковых мы уезжали и каковые нас преследовали целую версту» [2, оп. 1, д. 76, л. 26].

Среди рабочих Елецкого управления коммунального хозяйства 19 ноября 1922 г. вспыхнула забастовка, вызванная недовольством на почве неуплаты жалованья за октябрь месяц. На подавление забастовки привлекли 48-ю особого назначения Елецкую роту [7, оп. 7, д. 36, л. 281].

В ночь на 24 декабря 1922 г. по согласованию с органами ГПУ на железнодорожной станции Орел «Москва – Курск» была произведена облава по поимке воров, неоднократно производивших хищение грузов. В операции участвовали 10 коммунаров под командой командира взвода. К сожалению, существенных результатов эта операция не дала, в полной мере выявить степень воровства грузов на железной дороге не удалось [10, оп. 2, д. 47, л. 79].

Кроме того, во второй половине 1922 г. 14-й особого назначения Орловский батальон, 1-й особого назначения Орловский кавалерийский эскадрон и 46-я особого назначения Мценская рота принимали активное участие в поимке дезертиров. 11 августа 1922 г. 28 коммунаров 14-го особого назначения Орловского батальона и 25 коммунаров от 1-го особого назначения Орлов-

ский кавалерийский эскадрона под командой кадрового командира взвода участвовали в облаве на дезертиров, организованной губернским военкомом. В результате было задержано 40 подозрительных личностей, которые были отправлены в губернский розыск.

Всего за период с 26 августа 1922 г. по 1 января 1923 г. было поймано 499 человек (дезертиры и «преступный элемент»); в этих мероприятиях участвовали 245 человек кадрового состава и коммунаров частей особого назначения [2, оп. 1, д. 174, л. 22].

Вместе с тем, наряду с активным участием в борьбе по уничтожению бандитизма на Орловщине в деятельности частей особого назначения существовали и перегибы и неоднозначные мероприятия. Так, в период изъятия ценностей из церквей г. Орла распоряжением штаба ЧОН губернии часть сотрудников частей особого назначения губернии переводились на военное положение. Например, в марте 1922 г. на военное положение было переведено: в г. Орле – 140 чел., в г. Ельце – 18 чел., в г. Малоархангельске – 12 чел., в г. Мценске – 15 чел., в г. Ливнах – 9 чел., в г. Болхове – 14 чел. [2, оп. 1, д. 161, л. 18-18 об.]. Официально изъятие ценностей продолжалось до 1 июля 1922 г. Всего в Орловской губернии только с 1 мая по 1 июля 1922 г. было изъято 688 пудов 15 фунтов 9 золотника 61 доля серебра, 7 фунтов 10 золотников 66 долей золота и 15 пудов 32 фунта 75 золотников меди и большое количество камней [5, с. 246-263].

Части особого назначения губернии активно участвовали и в вооруженной реквизиции хлеба у безоружных людей. Для чего в уезды высылались как отдельные лица из числа кадрового состава, так и отряды коммунаров. Так, 5 октября 1922 г. от 15-го особого назначения Малоархангельского батальона с целью сбора продовольственного налога был выслан отряд в количестве 30 человек в Каменскую, Нетрубежскую, Красниковскую, Рудниковскую, Александровскую и Куракинскую волости. 15 ноября в с. Петровское, в 50 верстах восточнее г. Малоархангельска, для проведения продналоговой

кампании был выслан отряд, вооруженный винтовками, под командой коммунара Евсеева. Всего в указанных мероприятиях участвовало 10 человек из числа кадрового состава и 65 коммунаров. Было собрано продналога 250 тыс. пудов [2, оп. 1, д. 176, л. 18-18 об.].

Начало 1923 г. на территории Орловской губернии было отмечено вспышкой бандитизма, подогреваемого тяжелыми условиями жизни крестьян и жесткой продовольственной политикой большевиков.

В январе – феврале 1923 г. в Богородицкой волости Мценского уезда действовала банда Одинокова, объединявшая мелкоуголовный элемент Орловской, Курской и Калужской губерний. Сам Одинокоев погиб в стычке с соучастниками 28 января, но преступления его подельников, насчитывавших в своем составе 70 человек, продолжались вплоть до весны 1923 г. Мценский уголовный розыск арестовал 46 крестьян окрестных деревень, подозреваемых в соучастии бандитизму. В задержании указанного числа крестьян принимала участие разведка 46-го особого назначения Мценского батальона. Окончательную ликвидацию банды Одинокоева взял на себя Мценский угрозыск [10, оп. 1, д. 14, л. 8].

Вместе с тем, в губернии происходили не только убийства с целью грабежа, но и возникало идейное противостояние, в которое вовлекались ЧОН, состоявшие в значительной мере из коммунистов и являвшиеся не просто военизированными частями, а особым военно-идеологическим механизмом новой власти. В январе – феврале 1923 г. в Чудиновской волости Малоархангельского уезда эсеровская организация, возглавляемая неким Шатохиным, пыталась сагитировать народные массы на беспорядки против власти большевиков, но потерпела неудачу. Тем не менее, этот инцидент попал в официальные оперативные сводки [3, оп. 1, д. 68, л. 3,5].

Несмотря на то, что противодействие уголовной преступности не входило в круг непосредственных обязанностей частей особого назначения, однако было вынужден-

ной необходимостью, вследствие отсутствия на территории губернии, за исключением г. Орла, войсковых частей и незначительности сил ГПУ и милиции. Поэтому коммунистические отряды Орловской губернии тщательно следили за политической обстановкой, и даже принимали активное участие в борьбе с экономическими преступлениями (взяточничеством, должностными злоупотреблениями и т. п.), что неоднократно отмечалось в оперативных сводках.

Для скорейшего подавления антисоветских выступлений, а также для борьбы с бандитизмом советской власти необходимо было иметь силы с соответствующей идейно-нравственной и военной подготовкой. Части особого назначения по своему предназначению соответствовали сложившейся напряженной социально-политической обстановке и сыграли существенную роль в удержании и укреплении власти большевиков.

Список литературы:

1. Воробьева В.Я., Емельянов И.Н., Кострица А.Ф. Орловский край в период иностранной интервенции и гражданской войны // Край наш Орловский. – Тула: Приокское кн. изд-во. 1976. – С. 35-42.
2. Государственный архив Орловской области. Ф. Р-1152 – Штаб частей особого назначения Орловской губернии.
3. Государственный архив Орловской области. Ф. Р-1674 – 215-я Малоархангельская рота ЧОН.

4. Кутепов Е.А. Район в период гражданской войны и нэпа // История Сосковского края. – Орел, 2006. – С. 56-70.

5. Перельгин А.И. Православная Церковь Орловской губернии в смутные годы // Истории русской провинции: историко-просветительский журнал. № 48. «Страницы истории гражданской войны на Орловщине». – Орел, 2009. – С. 246-263.

6. Российский государственный военный архив. Ф. 58 – Штаб ЧОН РСФСР и СССР.

7. Российский государственный военный архив. Ф. 25883 – Управление Московского военного округа.

8. Российский государственный военный архив. Ф. 39163 – 218-я Болховская рота ЧОН Орловской губернии.

9. Российский государственный военный архив. Ф. 39164 – 49-я рота ЧОН Орловской губернии.

10. Российский государственный военный архив. Ф. 39170 – 1-й батальон ЧОН Орловской губернии.

11. Якубсон О.Л. Антибольшевистское восстание в Ливнах в августе 1918 года // Истории русской провинции: Историко-просветительский журнал. № 51. Страницы истории гражданской войны на Орловщине. – Орел, 2010. – С. 50-54.

A.N. Verizhnikov, worker, Academy of the Federal Protection Service Russian Federation (Orel) (e-mail: wan.off@mail.ru)

SPECIAL FORCES OF THE OREL PROVINCE IN THE FIGHT AGAINST BANDITISM AND ANTI-SOVIET SPEECHES

The article generalizes the experience of fighting CHON Orel province with criminal statements and anti-Soviet activities during the period 1918-1923.

Key words: Orel province, military and party groups, part of the special-purpose (CHON), kommunar, banditry.

УДК 93/99:37 (470.323)

Е.И. Емельянова, канд. истор. наук, доцент, ФГБОУ ВО «Курская государственная сельскохозяйственная академия имени И.И. Иванова» (Курск) (e-mail: elenakursk@yandex.ru)

ПОДГОТОВКА КАДРОВ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА В ПЕРИОД СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА (1985–2000 ГГ.): К ИСТОРИОГРАФИИ ВОПРОСА

В статье проведен анализ работ ученых различных отраслей знаний по проблеме подготовки кадров сельскохозяйственного производства в сложный исторический период нашей страны: 1985–2000 гг. с региональными особенностями Курской области и выделением периодов исследований.

Ключевые слова: подготовка кадров, государство, сельское хозяйство, аграрное образование, исследования.

Проблеме подготовки кадров сельскохозяйственного производства в период социально-политической трансформации нашего государства в эпоху «перестройки» и в условиях становления новой России посвящено значительное количество работ в основном в области экономики, социологии, статистики. Историки же рассматривали это явление как составную часть аграрной политики государства (СССР – РФ). Мы предлагаем изучить ее с позиций государственной образовательной политики, комплексно рассмотрев сквозные особенности подготовки кадров для АПК Курской области в учебных заведениях аграрного профиля различных уровней: в сельских общеобразовательных школах, профессионально-технических училищах, техникумах (колледжах), вузе.

В истории изучения данной проблемы можно выделить два основных периода, каждый из которых характеризуется появлением новых подходов в изучении агрообразования. Первый период приходится на 1985–1991 гг., когда стали появляться публикации, направленные на пересмотр прежних идеологических установок, содержащие критический анализ развития образовательной сферы и роли партийно-государственных органов в ее руководстве. Отказ от устоявшихся представлений и стереотипов шел сложно и противоречиво. Во второй половине 1980-х годов на фоне

экономических, социокультурных, политических трансформаций, связанных с политической «перестройки», в исторической и обществоведческой науке начались процессы переосмысления накопленного исторического опыта в области образования.

Ученые-экономисты в своих работах рассматривали подготовку кадров через «кадреализацию» аграрной политики под руководством КПСС как выполнение постановлений пленумов, решений съездов [1]. Рачковский Б.В., Соскин С.Н., Староверов В.И., Сыроватко В.Г., Шишкина Е.А. не исследовали в своих работах отдельно звенья системы подготовки кадров для АПК от массовых профессий до руководящих работников, не изучая систему в целом ни по стране, ни в регионах [71].

Исследования вопросов государственного регулирования агрообразованием конца 1980-х гг. в связи с проведением политики демократизации, гласности и плюрализма выходят за рамки жесткой идеологии. Центральной проблемой научных дискуссий того периода стало обсуждение осуществления реформ профессиональной школы 1987 года. Относительно направлений, содержания, темпов, методов модернизации высказывались различные мнения [54, 58, 75].

Анализ работ свидетельствует, что на исследования первого периода заметное влияние оказывало время их написания,

когда все преподносилось только с одной – положительной стороны, а что касается недостатков, то они умело сглаживались или их старались не замечать. Публикации этого периода выполнены преимущественно в духе идей обновления социализма, придания общественной системе адекватного существующим реалиям облика, где подобающее место должно было занять образование. Причем его совершенствование рассматривалось как необходимое условие преобразования общества.

Проблемы культурно-технического уровня работников сельского хозяйства, закрепления кадров на селе, профориентации молодежи многие исследователи изучали уже не только как основы развития сельского хозяйства определенного региона, но и в контексте социально-экономического и культурного развития села, хотя крестьянин в основном рассматривался с позиций все еще только труженика сельского хозяйства [11, 65].

В этот же период в научной литературе началось обсуждение необходимости и целесообразности введения непрерывного образования [26, 64]. Существенным недостатком этих работ является то, что в них проблемы высшей школы не рассматриваются через взаимосвязь обучения и научно-исследовательской работы с трудовой, профессиональной деятельностью. Если же об этом и говорится, то лишь в постановочном плане. Все исследования изменений в обществе, в народном образовании, в сельском хозяйстве оценивались исходя из роли партии в этих процессах, что еще раз подтверждает противоречия первого периода нашего исследования между проводимыми экономическими преобразованиями рыночной направленности и попытками сохранения коммунистической идеологии [15, 48, 56].

В целом для научных публикаций конца 1980-х-начала 1990-х гг. была характерна позитивная оценка подхода к деятельности партийно-государственных органов по руководству образованием. Их авторы в основном констатировали факты, а критика недостатков осуществлялась в рамках дозво-

ленного. Ведь для объективного анализа необходимы были поиск и введение в научный оборот архивных материалов, выработка новых концепций на основе изучения отечественного и зарубежного опыта. Требовалась и перестройка мышления самих историков. Безусловно, за короткий период в условиях нарастающего системного кризиса общества осуществить такую работу было очень сложно. Вместе с тем данный период стал важной вехой в отечественной исторической науке. Именно тогда были выявлены неизученные проблемы истории агрообразования, начали формироваться различные направления в исследовании государственной образовательной политики, закладывались основы новых подходов к модернизации образовательной сферы.

После распада СССР начался новый этап изучения истории государственной политики по подготовке кадров для АПК. Смена в России государственно-политического строя, процессы либерализации в экономической, социальной, духовной областях жизни общества кардинальным образом изменили ситуацию в образовательной сфере. Поиск новой парадигмы образования потребовал от ученых иных подходов к анализу исторического опыта. На протяжении 1990-х-начала 2000-х годов в исторической науке утвердился плюрализм концептуальных положений, оценок фактов, событий, шла кристаллизация направлений и школ, сформировались различные методологические подходы к исследованию проблем образовательной политики. В этот период в историографии исследуемой проблемы можно выделить два направления: первое – объективное изучение и анализ отечественной системы образования [9, 28], второе – так называемое либерально-демократическое направление, сторонники которого выступали за введение в России западных моделей образовательных систем [29, 43]. В исследованиях обобщающего характера первого направления содержался научный анализ места и роли российской системы образования, предлагались концептуальные подходы к определению стратегии и тактики ее разви-

тия. В них были даны оценки государственной образовательной политики последних десятилетий, рекомендации по совершенствованию ее форм и методов, предложения по решению назревших проблем образования и его дальнейшей модернизации [19, 23, 29].

Особый интерес вызывают работы В.И. Жукова, в которых раскрываются основные процессы, связанные с зарождением и развитием отечественного образования. Освещаются место и роль высшей школы в социальной политике государства, анализируются базовые проблемы, такие как: высшая школа и власть; образование, общество и социальный прогресс; ведущие модели решения образовательных задач. Особое внимание уделяется отечественному опыту накопления и использования национального интеллектуального потенциала, оценке современного состояния отечественного образования, накопившимся проблемам и возможным вариантам их решения [34].

Интерес в теоретическом и практическом отношении представляют публикации по философским, социологическим, социально-экономическим аспектам профессионального образования [25, 32, 74]. Они содержат эмпирический материал и выводы, имеющие значение для современного развития профессиональной школы в соответствии с потребностями личности и общества.

Критическое отношение к советской системе образования проявляется в конце 1980-х годов. При этом конструктивный анализ отечественного опыта, характерный для работ периода «перестройки» [44, 55, 59,], в начале 90-х годов сменился массированным натиском работ либерально-демократического толка.

Теоретическим, методологическим и практическим вопросам кадрового обеспечения сельского хозяйства периода рыночных отношений посвящены многочисленные исследования крупнейших отечественных экономистов, в том числе аграрников, исследующих эту проблему только с точки зрения формирования трудовых ресурсов АПК [12, 31]. Исследованию проблем аграрной науки посвящены работы А. Никонова, Г. Романен-

ко и др. Однако их недостаток в том, что они не рассматривают ее в комплексе с образовательным процессом в учебных заведениях аграрного профиля [2, 52, 62]. Изменению роли государства в становлении и регулировании рыночной экономики в АПК посвящены работы экономистов Абалкина Л., Буздалова И., Фрумкина В., Шмелева Г. Но в трудах, указанных авторов, уделяется недостаточно внимания изменениям в образовательной сфере в новых экономических условиях [1, 17].

Работы, посвященные истории агрообразования Курской области, затрагивают в основном исторические аспекты отдельных учебных заведений сельскохозяйственного профиля: техникумов, академии [7, 50, 67] – и не дают полного представления о системе агрообразования области. Изучение этих работ позволило проследить генезис и региональные традиции подготовки кадров сельского хозяйства. Проблемы системы образования в целом волновали ученых различных направлений [27, 10, 53].

Изучение истории российского общества, становление постсоветской государственности, политического и социально-экономического реформирования, особенностей общественного развития 90-х гг. XX века в отечественной научной литературе только начинается. Специальных научных исследований на сегодняшний день недостаточно. Имеющаяся научная литература в основном ставит своей целью не столько исторический анализ эпохи, сколько определение текущих приоритетов и задач развития российского общества [66].

Реформы 1990-х гг. придали кадровым проблемам АПК принципиально новый характер, поэтому многие теоретические и практические вопросы их решения оказались недостаточно разработанными в предыдущие годы. В связи с этим появляется много работ, посвященных кадровой политике в АПК [13, 30] и государственной политике в области агрообразования, как составляющем звене реформ сельского хозяйства [22, 37,]. Стремительно нарастало количество защищенных диссертаций по проблемам образования, в

том числе и высшей школы [24, 45]. Взаимодействию образования с другими сферами жизни общества, проблемам регионального образования были посвящены научные конференции и статьи [51, 63].

Внимание исследователей привлек и международный опыт развития образования [6, 16, 20]. К концу XX столетия образовательные системы стали предметом масштабных социологических, политологических и историко-философских исследований. В их числе, безусловно, выделяются исследования О.В. Долженко, Ф.Г. Зиятдиновой и других [32, 36].

Прошел ряд конференций, посвященных проблемам высшего образования, системы образования России [21]. Так же на конференциях были сделаны попытки проанализировать историю и состояние подготовки кадров высшей квалификации, проблемы высшего профессионального образования, в том числе и аграрного профиля [5]. Интерес представляют работы ученых КГСХА по проблемам регионального образования [39, 40].

Активно обсуждаются изменения в системе высшего российского образования на страницах журнала «Высшее образование в России» [46, 57] и «Российская Федерация сегодня» [41, 65] и др. Проблемы среднего специального образования рассматриваются в статьях журналов «Профессионально-техническое образование», «Среднее специальное образование», «Специалист» [69] и др.

Собственно вопросы истории агрообразования в 1980-е – 1990-е гг., в том числе на региональном уровне, нашли отражение в сборниках статей курских ученых-историков [70, 72]. Появились диссертационные исследования, рассматривающие формирование и использование кадрового потенциала АПК Курской области, сделанные учеными-экономистами Курской ГСХА [47, 49]. Определенный интерес имеют исследования, посвященные опыту, поиску задач и путей реализации реформы профессиональной школы 1990-х гг. [8, 14].

Исследования курских ученых-экономистов дали возможность определить основные направления повышения качества подготовки квалифицированной рабочей силы сельского хозяйства, государственную политику занятости, влияние миграционных процессов на рынок труда, пути совершенствования формирования трудовых ресурсов и их использования с учетом научно-технического потенциала АПК Курской области [33].

По мере вхождения России в международное образовательное и экономическое пространство тема подготовки квалифицированных кадров в нашей стране входит в сферу интересов иностранных специалистов в области теории и методики образования, экспертов Всемирного банка, ЮНЕСКО и других международных структур [4]. Развивается обмен международным опытом в сфере модернизации профессионального образования, что оказывает определенное воздействие на российскую образовательную политику и проблематику научных исследований [73].

Анализ научных публикаций 1990-х – начала 2000-х гг. по проблеме государственной политики в области подготовки кадров для АПК в 1985-2000 гг. показывает, что в работах обобщающего характера по истории средней профессиональной, высшей школы, дополнительного образования, сельских общеобразовательных школ Курской области нашли отражение лишь ее отдельные аспекты. Такое положение объясняется рядом обстоятельств объективного и субъективного характера. Прежде всего, смена государственно-политического строя в России, стремительные перемены в социально-экономических отношениях и духовной жизни создали совершенно новую ситуацию в образовательной сфере. С другой стороны, в самой исторической науке образовался своеобразный вакуум: старые подходы в объяснении фактов, событий, явлений прошлого оказались неэффективными, а новые еще только формировались. Причем для разработки последних, преодоления идеологических догм, стереотипов и штампов

необходимо было определенное время. Данные процессы продолжают идти сложно, противоречиво. Это позволяет сделать следующие обобщающие выводы. Во-первых, тема остается слабо разработанной в исторической науке. По нашему мнению, обращение к опыту подготовки специалистов аграрного профиля в 1980-е – 1990-е гг. может способствовать решению целей и задач современной модернизации профессионального образования. Во-вторых, опубликованные научные труды по отдельным аспектам рассматриваемой проблемы только подтверждают необходимость ее комплексного исследования. Требуется глубокий и объективный анализ тенденций и специфики развития профшколы аграрного профиля в 1980-1990 годах. Необходимо изучить теоретические основы и факторы формирования государственной политики, конкретные направления деятельности органов исполнительной власти в данной сфере. Следует обобщить достигнутые результаты и выявить противоречия в учебно-воспитательном процессе, организационных, материально-финансовых условиях для подготовки специалистов. Исследование данных задач представляет несомненный научный и практический интерес с точки зрения использования традиций и апробированного опыта в современной модернизации подготовки кадров АПК.

Список литературы

1. Абалкин Л. Роль государства в становлении и регулировании рыночной экономики // Вопросы экономики. 1997. № 6. – С. 23-29.
2. Аграрная наука России на пороге XXI века (состояние и проблемы). – М., 1999. – 320 с.
3. Аграрная политика КПСС: материалы секций XXVIII съезда КПСС. – М., 1990. – 127 с.
4. Адамс Арвин В., Мидлтон Дж., Зайдерман А. Доклад Всемирного банка о политике в области профессионального образования // Перспективы. Вопросы обра-

зования: Ежеквартальный журнал ЮНЕСКО. 1993. № 2. – С. 7-24.

5. Актуальные проблемы высшего профессионального образования: материалы науч.-метод. конф. – Кострома: Изд-во КГСХА, 2005. – 198 с.

6. Алферов Ю.С. Управление образованием в США // Педагогика. 1994. № 1.

7. Амоскин, А.С. Из истории внешкольного агрообразования Курских крестьян (1920-1928 гг.) // Становление и развитие сельскохозяйственного образования и аграрной науки в Курском крае : тез. докл. обл. науч. конф. (Курск, 4 дек. 1998 г.). – Курск: Изд-во КГСХА, 1998. – С. 71-74.

8. Батышев С.Я. Реформа профессиональной школы: Опыт, поиск, задачи, пути реализации. – М., 1987. – 340 с.

9. Батюкова З.И. Интеграция России в мировое общеобразовательное пространство // Педагогика. 1996. № 3.

10. Белозерцев Е.П., Горячев В.С. Доктрина образования в России // Образование и национальная безопасность России : материалы парламентских слушаний. – М., 1996. – 124 с.

11. Белоусов Н.И. Пути эффективного использования научно-технического и кадрового потенциала АПК Курской области // Становление и развитие сельскохозяйственного образования и аграрной науки в Курском крае : тезисы докл. обл. науч. конф. (Курск, 4 дек. 1998г.). – Курск : Изд-во КГСХА, 1998. – С. 11.

12. Беседина В., Паронян А. Реформирование аграрного сектора и занятость // Человек и труд. 1997. № 12. – С. 21-25.

13. Беседина В.Н. Трудовые ресурсы аграрного сектора и пути совершенствования их формирования и использования: на примере Курской области : автореф. дис. ... канд. экон. наук. – Курск, 1998. – 19 с.

14. Богачев И. Противостояние: О проблемах профессионально-технического образования Российской Федерации // Учительская газета. 1992. 21 янв. – С. 9.

15. Болотов Н.В. Партийно-государственная политики в области образования и ее реализация в сельской школе

Центрального Черноземья (80-е – начало 90-х годов) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1994. – 18 с.

16. Боярчук Ю. Высокообразованное общество: опыт Японии // Мир образования. 1997. № 3.

17. Буздалов И., Фрумкин В. Государственное регулирование аграрного сектора в условиях рыночных преобразований // Вопросы экономики. 1993. №9. – С. 36-42; и др

18. Бутягин А.С, Салтыков Ю.А. Университетское образование в СССР. – М., 1957.

19. Валицкая А.П. Образование в России: стратегия выбора. – СПб., 1998. – 201 с.

20. Вознесенская Е.Д. Реформы образования и жизненные стандарты: французский опыт // Педагогика. 1994. № 4; и др.

21. Воспитание и образование в школе и вузе: история и современность: тез. докл. и сообщ. науч.-метод. конф. – Курск: Изд-во КГПУ, 1997. – 38 с.

22. Высшее аграрное образование в России: состояние, проблемы, перспективы : тр. науч.-практ. конф. (Москва, 5-6 июня 1996 г.). – М., 1997. – 325 с.

23. Газман О.С. Новые ценности образования: содержание гуманистического образования. – М., 1998. – 147 с. и др.

24. Гайсин Ф.А. Проблемы реформирования образования в условиях обновления духовной жизни общества: автореф. дис. ... д-ра. социол. наук. – Уфа, 1996. – 34 с.

25. Гершунский Б.С. Философия образования для XXI века. – М., 1997. – 245 с.

26. Горохов В.Д., Коханова Л.А. Основы непрерывного образования в СССР. – М., 1987. – С. 190-192.

27. Гребнев Л. С. Общество, учебные заведения, академические свободы (образование в России: грань тысячелетий) // Мир России. 2001. № 4. – С. 162-178.

28. Гуманистические идеи, социально-педагогические эксперименты, бюрократические извращения в развитии отечественной школы. –СПб., 1993. – 120 с. и др.

29. Днепров Э.Д. Российское образование: программа стабилизации и развития // Советская педагогика. 1991. № 9.

30. Долгушкин Н.К. О кадровой ситуации в АПК России // Экономика сельского хозяйства России. 1999. № 10. – С.35-42.

31. Долгушкин Н.К. Формирование кадрового потенциала сельского хозяйства (Вопросы теории и практики). – М., 2001. – 304 с.

32. Долженко О.В. Очерки по философии образования. – М., 1995. –156 с.

33. Ефимов А.Г. Влияние миграционных процессов на формирование рынка труда в аграрном секторе региона: (на материалах Курской области) : автореф. дис. ... канд. экон. наук. – Курск, 2000. – 18 с.

34. Жуков В.И. Российские преобразования: социология, экономика, политика. – М., 2003. – 656 с.

35. Зиновьев СИ. Учебный процесс в советской высшей школе. –М, 1975.

36. Зиятдинова Ф.Г. Социальные проблемы образования. – М., 1999.

37. Иванова В.В. Проблемы подготовки экономистов для работы в банковско-кредитной сфере в условиях интегрированной экономики // Качество образования в контексте Болонского процесса: тез. докл. междунар. науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 25 март. 2004 г.). – СПб, 2004. – С. 77-79.

38. Ильина З.Д. Государственная политика и сохранение культурного наследия России и Курского края // Ученые записки РОСИ. Вып. 11: Проблемы социально-гуманитарных дисциплин. – С. 139-155.

39. Ильина З.Д. История Курского края в контексте культурно-политических изменений // Курский край в истории Отечества : материалы науч.-практ. конф. (Курск, 14 мая 2004.). В 2 ч. Ч. 1. – Курск, 2004. – С. 6-14.

40. Ильина З.Д. Культура и власть: трансформация духовных ценностей горожан российской провинции (1976-1991 гг.). – Курск, 1999. –209 с.

41. Кара-Мурза С. Еще одна страшная утопия реформаторов // Российская Федерация сегодня. 2003. № 3. – С.11-15.
42. Квеско Р.Б. Методологические основания образования. – Томск, 1997. – 156 с.
43. Кинелев В.Г. Объективная необходимость. История, проблемы и перспективы реформирования высшего образования в России. – М., 1995. – 231 с.
44. Колбаев С. Слушать науку // Народное образование. 1988. № 10. – С.101.
45. Кузнецов Н.И. Формирование региональной политики в сфере образования и науке: социологические подходы: дис. ... канд. социол. наук. – Саратов, 1998. – 18 с.
46. Майбуров И. Финансирование высшего образования: «национальные особенности» // Высшее образование в России. 2004. № 10. – С.31-38.
47. Малахов А.В. Пути повышения эффективности использования трудового потенциала сельскохозяйственных предприятий (на материалах Курской области) : дис. ... канд. экон. наук. – Курск, 2004. – 134 с.
48. Манаенков А.И. Партийная организация и культура села. – М., 1984. – 126 с.
49. Мезенова, О.Е. Совершенствование системы работы с кадрами управления (на примере сельхозпредприятий Курской области) : дис. ... канд. экон. наук. – Курск, 2000. – 174 с.
50. Муха В.Д. Становление высшего сельскохозяйственного образования в Курском крае // Становление и развитие сельскохозяйственного образования и аграрной науки в Курском крае: тез. докл. обл. науч. конф. (Курск, 4 дек. 1998 г.). – Курск: Изд-во КГСХА, 1998. – С. 7-11.
51. Никандров Н.Д. Проблемы взаимосвязи образования, экономики, социальной политики и культуры в современной России // Социально-политический журнал. 1997. № 2. – С.15-23.
52. Никонов А. Спираль многовековой драмы: аграрная наука и политика России (XVII-XX вв.). – М., 1995. – 304 с.
53. Новиков А.М. Профессиональное образование в России: Перспективы развития. – М., 1997. – 253 с.
54. Образование в современном мире: состояние и тенденции развития / под ред. М.И. Кондакова. – М., 1986. – 248 с.
55. Оглоблина Г.И. Нововведения в управлении образованием // Педагогика. 1993. № 6. – С.7-8.
56. Партийное руководство народным образованием в условиях социалистического строительства: сб. науч. тр. Свердловск: КПИ, 1985. – 135 с.
57. Пахомов В. Дополнительное профессиональное образование в вузе // Высшее образование в России. 2004. №8. – С. 57-66.
58. Перспективы развития системы непрерывного образования / под ред. Б.С. Гершунского. – М., 1990. – 224 с.
59. Подобед В., Казарцев С. Региональные аспекты управления // Советская педагогика. 1988. № 11. С.13-15; Судьба российского образования судьба России. – СПб., 1995. – 234 с.
60. Профориентационная работа: поиски, решения // Среднее специальное образование. 1988. № 9. – С. 29-31.
61. Рачковский Б.В. Совершенствование системы подготовки кадров массовых профессий для сельского хозяйства. – Кишинев, 1986. – 132 с.
62. Романенко Г. Сельскохозяйственная наука России в XXI веке // Аграрная наука. 1999. №3. – С. 26-31.
63. Русинов Ф., Журавлев А., Кулапов М. Эволюция образовательных систем в цивилизационном аспекте // Высшее образование в России. 1997. № 1. – С. 56-63.
64. Руткевич М.Н., Рубина Л.Я. Общественные потребности, система образования, молодежь. – М., 1988. – 245 с.
65. Смолин О. Правительство против образования? // Российская Федерация сегодня. 2003. № 6. – С.23-26.
66. Согрин В.В. Политическая история современной России 1985-2001: от Горбачева до Путина. – М., 2001. – 272 с.
67. Сойников А.А. Государственная политика по развитию средней специальной гуманитарной школы в РСФСР (1958-1991 годы) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – М., 2005. – 39 с.

68. Состояние и развитие высшего и среднего профессионального образования: анализ, оценка. – М., 1999. – 168 с.

69. Специалисты для новых направлений научно-технического прогресса: обзор выступлений на Всесоюзном совещании-семинаре по проблемам совершенствования подготовки специалистов со средним специальным образованием (Краснодар, окт. 1987 г.) // Среднее специальное образование. 1988. №2. – С. 34-38.

70. Становление и развитие сельскохозяйственного образования и аграрной науки в Курском крае : тез. докл. обл. науч. конф. (Курск, 4 дек. 1998 г.). – Курск : Изд-во КГСХА, 1998. – 189 с.

71. Сыроватко В.Г., Шишкина Е.А. Подготовка и повышение квалификации

механизаторских кадров сельского хозяйства. – М., 1986. – 231 с.

72. Уральские Бирюковские чтения : сб. науч. ст. Вып. 1., ч. 2 : Актуальные проблемы краеведения. – Челябинск, 2003. – 260 с.

73. Хейфец П.С. Мировой опыт профессионального образования и возможности его использования в России. – СПб., 1996.

74. Шадриков В.Д. Философия образования и образовательной политики. – М., 1993. – 245с.

75. Ягодин Г.А. 70 лет Великого Октября и революционные задачи наших дней // Среднее специальное образование. 1987. № 11. – С.2-6.

E.I. Emelianova, Candidate of Sciences, Docent, Kursk State Agricultural Academy (Kursk) (e-mail: elenakursk@yandex.ru)

TRAINING OF SPECIALISTS OF AGRICULTURAL PRODUCTION IN THE PERIOD OF SOCIO-POLITICAL TRANSFORMATION OF SOCIETY (1985 – 2000): TOWARDS THE HISTORIOGRAPHY OF THE QUESTION

The article gives the analysis of works of scientists of various branches of knowledge on the problem of training of specialists of agricultural production in the most difficult period of our country: 1985-2000 with the local peculiarity of the Kursk region and the allocation of the periods of studies.

Keywords: training, government, agriculture, agricultural education, research.

УДК 378.1

М.А. Денисова, канд. истор. наук, доцент, НОУ ВПО «Региональный открытый социальный институт» (Курск) (e-mail: mashadenisova@yandex.ru)

ВЛИЯНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ НА ПОВСЕДНЕВНУЮ ЖИЗНЬ ГОРОЖАН В 1920-е ГОДЫ (НА ПРИМЕРЕ Г. КУРСКА)

В данной статье рассматривается влияние образования на повседневную жизнь горожан. Важное значение при анализе повседневной жизни населения имеет изучение уровня образования человека, поскольку этот фактор оказывает значительное влияние на остальные элементы культуры личности: на её ценностные ориентиры, установки, представления. По мере повышения школьной подготовки происходило не только увеличение объема знаний, но и изменения в нормах, привычках, вкусах, регулирующих повседневное поведение человека.

Ключевые слова: просвещение, ликвидация неграмотности, учитель, повседневная жизнь.

Государство придавало образованию населения существенное значение. Школа в понимании большевистского руководства была не просто местом получения знаний, но и средством воспитания нового человека, наделенного социалистическим сознанием. Образование должно было стать инструментом объявленной в стране «культурной революции», одной из ключевых задач которой являлось освоение народом накопленного советской властью политического опыта, необходимого для строительства социализма. В свою очередь это предполагало наличие у населения определенного культурного минимума.

После революции в соответствии с декретом от 2 февраля 1918 года, принятым Советом Народных Комиссаров РСФСР, «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» запрещалось преподавание религиозных дисциплин детям до 18 лет. В советской школе религиозному мировоззрению противопоставлялась система знаний, основанная на марксистском материалистическом учении.

Основные принципы советской школы были заложены в положении ВЦИК «О единой трудовой школе», опубликованном 16 октября 1918 года. В соответствии с этим документом школа становилась доступной для всех детей рабочих и крестьян. Вместо разнообразных типов школ, которые функ-

ционировали в дореволюционной России, создавалась единая трудовая школа, которая делилась на две ступени: I – для детей от 8 до 13 лет с пятилетним сроком обучения и II – для детей от 13 до 17 лет с четырехлетним сроком обучения [8, с. 212].

На территории города Курска действовали школы первой и второй ступени. Система средних школ только начинала развиваться. В 1920-е гг. их число было невелико (32 школы, 1 131 учитель и 13 167 учащихся) [9, с. 16].

Школа I ступени – это начальная школа, т.е. она давала твердые навыки грамотности и элементарные сведения в области научных знаний (с первого по четвертый класс – от 8 до 12 лет), а школа II ступени (с пятого по седьмой, иногда и по девятый классы – от 12 до 15 лет) должна была давать элементы общего образования и готовить к поступлению в народный университет [4, л. 15]. По данным 1924 г. в г. Курске школы I ступени посещало 50,7% и школы II ступени – 2,6% детей до 16 лет [7, с. 12].

Значительный рост числа обучаемых снижал возможности индивидуального подхода к учащимся, а средний бал уже прочно утвердился в качестве критерия оценки деятельности преподавателя. Учителям, чтобы повысить успеваемость, приходилось завышать оценки, проходить мимо

ошибок, подсказывать ученикам ответы, предупреждать их о вызове к доске и прибегать к другим ухищрениям.

В г. Курске не хватало людей, способных обучать население. I губернский съезд по ликвидации неграмотности, проходивший в феврале 1921 года, вынужден был обратиться к советским органам с ходатайством освободить работников, участвующих в ликвидации неграмотности, от воинской и трудовой повинности, оказать им необходимую, в том числе и материальную помощь на местах, ввести в городе «чтецкую» повинность, в соответствии с которой к обучению привлечь все население. Преподавали в школах работники просвещения, врачи, служащие. И не только они – почти все, кто обладал элементарными знаниями. С высшим образованием в городе насчитывалось 11 % учителей, со средним – 62 %, с низшим – 17 %.

Для проведения кампании по ликвидации неграмотности 1922 года было обучено 1754 курсанта и 54 инструктора. Кроме того были изданы буквари в количестве 50 000 экземпляров, которые разослали на места. С 1921 года в г. Курске начинает издаваться журнал «Народное просвещение». В 1923 году губграмчека разослала по уездам составленные ею сценарии «агитсуда над безграмотными» и агитационных пьес из брошюры Вержбитского «Света, света», которую губграмчека переиздал в количестве 10 тыс. экземпляров [7, с. 12].

В 1920-е годы учителям приходилось работать в две смены в дневной школе, а вечером – в группах ликвидации неграмотности взрослых. Учителя были перегружены донельзя, в среднем на каждого учителя приходилось 100 – 120 и даже до 150 учащихся, что влияло на качество образования. Социальное обеспечение педагогов существенно отставало от реальных материальных потребностей.

В 1925 – 1926 годах у учителей школ I ступени заработная плата составляла 28 рублей, в 1926 – 1927 годах – 37 рублей, у учителей II ступени соответственно – 35 и 55 рублей [6, с. 216]. Материальное положение

работника просвещения было скудным: месячный заработок школьного работника выражался в 4 – 5 пудов хлеба [9, с. 78].

В 1925 году 28 учителям была назначена полная учительская пенсия за выслугу лет в размере 20 руб. Ещё 40 учителям, которые продолжали служить, но имели право на учительскую пенсию, назначалась половинная пенсия в 10 руб. Ряд учителей не смогли получить профессиональные надбавки к пенсии из-за недостатка советского стажа (не менее 5 лет работы) [5, л. 125].

Характерной чертой 1920-х годов стало разрастание советского бюрократического аппарата, в том числе по управлению народным образованием. К началу 1922 года в Губнаробразе было 7 управлений. Управления имели свои подотделы, подотделы – отделения, отделения секции и т.п. Отдельные секретариаты, канцелярии были не только при каждом Управлении, но и в подотделах и отделах. Это порождало ситуацию, когда в Губнаробразе постоянно и безнадежно толпились посетители, переходя из одного управления в другое, из одного подотдела или отделения в другое. К тому же подбор служащих был случайным, опытных работников не хватало [8, с. 41]. Бюрократизм и волокита не позволяли оперативно решать вопросы управления образованием.

Несмотря на острую нужду в средствах, школьных зданиях, нехватку учителей, охват детей школьным образованием постоянно возрастал. Так обеспеченность детей 8 – 11-летнего возраста школьными местами при 4-летнем образовании выражалась в 1924 – 1925 г. в 55,8%, в 1925 – 1926 г. в 60%, в 1926 – 1927 г. в 64%. Общий же процент охвата всех детей школьного возраста достиг в 1926 – 1927 г. 53,3%. В результате общих усилий школьная сеть региона в 1928 году в основном была восстановлена и насчитывала 8 480 школ I ступени, в которых обучалось 787 600 детей или 62,9 % от общего количества детей школьного возраста [1, л. 6].

Наряду с обучением детей Советская власть ставила перед собой задачу обучить элементарной грамотности десятки миллио-

нов безграмотных взрослых. 26 декабря 1919 года выходит декрет «О ликвидации безграмотности среди населения РСФСР», в соответствии с которым все граждане от 8 до 50 лет были обязаны обучиться грамоте. 19 июля 1920 года Наркомпрос создает Всероссийскую чрезвычайную комиссию по ликвидации безграмотности (ВЧК ликбез). 10 октября 1920 года была организована Курская губернская чрезвычайная комиссия по ликвидации неграмотности.

К весне 1921 года в регионе оформилась сеть ликбеза. К маю 1921 году в губернии работало 2111 школ по ликвидации неграмотности [2, с. 77], но охват ими безграмотного взрослого населения был незначительным – от 0,3 % до 2,2 % [1, л. 2].

Но уже к концу первой половины 1921 года грамоте было обучено более 67 тыс. человек [2, с. 77]. Причем взрослых и их детей привлекли в школу в порядке трудовой повинности. За посещение школьных занятий некоторые профсоюзы премировали взрослых учащихся керосином, мануфактурой и т.п. [7, с. 12].

Ситуация с проблемой ликвидации неграмотности среди представителей взрослой части населения складывалась менее удачно. Уровень грамотности среди них так и не достиг стопроцентной отметки. Существовали значительные ее колебания внутри различных возрастных и половых групп. Качество получаемых знаний большинства населения не было высоким, что нередко провоцировало появление «рецидивов неграмотности». В свою очередь это объяснялось тем, что ликвидация неграмотности в основном носила характер чрезвычайщины, в то время как для получения стабильных знаний необходимо систематическое обучение. Между тем большая часть населения, причислявшаяся к разряду грамотных, не имела абсолютно никакого образования. Особенно негативно это отражалось на действиях руководящих работников, поскольку их ошибки приходилось исправлять всему народу.

В связи с развитием промышленно-

ванных кадров руководством страны ставилась задача расширения системы профессионально-технического образования. В городе действовала профессионально-техническая школа – Курская механическая. В целях ликвидации технической неграмотности населения для всех рабочих в возрасте от 18 до 40 лет была установлена учебная профессионально-техническая повинность. Для организации обучения разворачивалась сеть профессионально-технических курсов.

В ряде мест города периодически работали кратковременные курсы строительных десятников, пожарных, торфяников и др. Кадры для сельского хозяйства готовились на 311 сельскохозяйственных курсах. Для общеобразовательной подготовки подростков-рабочих в г. Курске существовали две школы. Из других профессиональных учебных заведений имелись 3 профессионально-технические школы, 2 учебно-показательные, 8 мастерских. Вышеуказанные учебные заведения испытывали недостаток в материалах (железе, стали, угле), перешли на самообслуживание, выполняли заказы по изготовлению сельскохозяйственного инвентаря, технических инструментов [8, с. 38].

Подготовка квалифицированных кадров осуществлялась через систему среднего специального образования. В городе работали педагогические курсы, губернская совпартшкола, экономический техникум и музыкальная школа, профессионально-техническая школа, землеустроительный и сельскохозяйственный техникумы. В них работало 456 преподавателей, в том числе 286 с высшим образованием, 120 со средним и 50 с низшим. Основной контингент учащихся состоял из рабочих и крестьян.

В 1924 году работало 6 педагогических техникумов. Ведущим среди них был Курский педагогический техникум. Он располагал высококвалифицированными преподавателями, производственной базой (земельным участком в 27 десятин с усадьбой, садом и постройками), хорошей опытно-педагогической основой, состоящей из школы-девятилетки, детсада, метеорологической

станции, библиотеки из 18 тыс. томов и т.д. Педтехникум имел хорошо оборудованные кабинеты по физике, химии, зоологии, географии, геологии, рисованию и лепке.

Среднее медицинское образование было представлено четырьмя школами в г. Курске – фельдшерской, акушерской, сестер и лекомов. Подготовка экономистов также осуществлялась техникумом с 4 годичным курсом, дающим среднее коммерческое образование, учреждение находилось в г. Курске [8, с. 38].

В 1922 году в г. Курске функционировали музыкальная школа, литературная студия и художественная школа. Кроме того, в 1922 году в г. Курске функционировали педагогические курсы рабочих-подростков, курсы строительных десятников, одна партийно-советская школа [8, с. 38].

В результате получилось большое количество просветительских учреждений, совсем не обеспеченных и не оборудованных ни хозяйственным инвентарем, ни учебными пособиями, ни письменными принадлежностями. Такие просветительские учреждения едва влачили свое существование.

В городе до революции высших учебных заведений не было. Но уже в 1918 году газета «Курская беднота» опубликовала сообщение об открытии в Курске педагогического института с тремя отделениями: физико-математическим, биолого-географическим и литературно-художественным с четырехлетним бесплатным курсом обучения. Студентам предполагалось выплачивать стипендию в размере 2 400 рублей в год. Занятия начинались с 6 декабря 1918 года и продолжались до июня 1919 года. После оставления белогвардейскими войсками территории города педагогический институт, переименованный в институт народного образования, возобновил свою работу 1 августа 1920 года.

Институт открывался в составе 4 отделений: 1) отделение для подготовки учителей по дошкольному воспитанию; 2) отделение для подготовки учителей I-ой ступени единой трудовой школы; 3) отделение для подготовки учителей II-ой ступени; 4) отде-

ление для подготовки учителей по внешкольному образованию [4, л. 98]. С июля 1922 года он стал называться «Курский практический институт народного образования». В связи с трудностями материального порядка в 1923 году на короткое время институт был закрыт, а затем преобразован в педагогический техникум. Выпускники данного учебного заведения пополняли ряды учителей, задействованных в сфере ликвидации неграмотности.

В 1922 году местные власти сделали попытку организовать Курский сельскохозяйственный практический институт. Был объявлен прием, набраны студенты [2, с. 77]. Однако попытки советской власти организовать сельскохозяйственный институт закончились не удачно, из-за недостатка денежных средств, отсутствия квалифицированных кадров преподавателей в результате институт был закрыт в том же году.

Несмотря на стремление государства ликвидировать неграмотность и предпринимавшиеся в этом направлении меры, темпы явно не соответствовали намеченным планам. В реальных условиях 1920-х годов ликвидация неграмотности страдала заниженными требованиями, как к самому понятию «грамотность», так и к понятию «грамотный человек». Выступая на Всесоюзном совещании по обучению взрослых Н.К. Крупская говорила: «У нас в той спешке, какая была в связи с проведением культпоходов, снизилось само понятие грамотности и малограмотности. Часто бывает так: позанимаются люди парочку недель, выучатся немного писать и читать, и считалось, что человек стал грамотным. Гнались лишь за количеством обученных» [3, с.19].

К грамотным часто причислялись умеющие читать, независимо от того, умеют ли они писать. Вследствие этого, полученные знания не успевали стать устойчивыми и привычными. Процесс оказался гораздо сложнее и многограннее, чем виделось вначале: в ликбез легко втягивались те, кто сам хотел учиться. В основном это была рабочая молодежь, члены профсоюзов. Сказывались также и просчеты в планировании ликбезов.

Значительный процент оставшихся за стенами школ детей и подростков непрерывно пополняли ряды неграмотных и малограмотных. Качество полученных знаний большинства населения не было высоким. Эти проблемы государство попыталось учесть на новом этапе ликвидации неграмотности в конце 1920-х – 1930-х гг.

Список литературы:

1. Государственный архив Российской Федерации, ф. Р – 2306 «Наркомат – Министерство просвещения РСФСР», оп. 1, д. 5, 110.
2. Кабанов П.И. Культурные преобразования в Курской области (1917 – 1967). – Воронеж: Центр. - Чернозем. кн. изд-во, 1968. – 231 с.
3. Крупская Н.К. Педагогические сочинения: в 10-ти томах. – М.: Изд-во Акад. пед. наук, 1960. Т. 9. – 839 с.
4. Курская правда. Орган Губисполкома и Губкома РКП(б). – Курск, 1920.
5. Курская правда. Орган Губисполкома и Губкома РКП(б). – Курск, 1925.
6. Курский край: годы социалистической модернизации (1921 – июнь 1941 г.). Научно-популярная серия в 20 томах. – Курск: ООО «Учитель», 2001. Т. 10. – 400 с.
7. Народное образование в Курской области за 50 лет / Под ред. Г.М. Богданов, Н.К. Луганский, А.К. Шеенко. – Курск, 1967. – 230 с.
8. Отчет по совету труда и обороны за период 01.10.1921 – 01. 04. 1922 годы. – Курск: Губполитпросвета, 1922. – 43 с.
9. Первое десятилетие социалистического строительства. Сборник статей по вопросам Советского, хозяйственного и кооперативного строительства в Курской губернии. – Курск: Губполитпросвет, 1927. – 116 с.
10. Проблемы хозяйственного развития Курского края (Контрольные цифры пятилетнего плана 1927/1928 – 1931/1932). – Курск: Изд-во Курского Губплана, 1928. – 360 с.

M.A. Denisova, Candidate of Sciences, Docent, Regional Open Social Institute (Kursk) (e-mail: mashadenisova@yandex.ru)

INFLUENCE OF EDUCATION ON A DAILY LIFE OF THE TOWNSPEOPLE IN 1920 TH YEARS (ON AN EXAMPLE OF KURSK).

In this article influence of education on a daily life of the townspeople is considered. The great value at the analysis of a daily life of the population has studying an educational level of the person as this factor renders significant influence on other elements of culture of the person: on its valuable reference points, installations, representations. In process of increase of school preparation occurs not only increase in volume of knowledge, but also shifts in norms, habits, the tastes adjusting daily behaviour of the person.

Keywords: education, liquidation of illiteracy, the teacher, a daily life.

УДК 93/99:281.9 (470.323)

А.Ю. Бунин, канд. ист. наук, доцент, ФГБОУ ВО «Курская государственная сельскохозяйственная академия имени И.И. Иванова» (Курск) (e-mail: abunin46@rambler.ru)

КАДРОВЫЙ СОСТАВ ПРИХОДСКОГО ДУХОВЕНСТВА КУРСКОЙ ЕПАРХИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В статье рассматривается численность, география размещения, образовательный и профессиональный уровень священно- и церковнослужителей Курской епархии в начале XX столетия.

Ключевые слова: приходское духовенство, кадровый состав, Курская епархия.

Как известно, в начале прошлого века священно- и церковнослужители представляли одно из малочисленных сословий дореволюционной России. Однако, несмотря на противоречивые отношения с прихожанами, относительную сословную замкнутость, духовные лица играли важную роль в общественной жизни провинции, особенно в сельской местности. Последнему обстоятельству способствовал в том числе и высокий образовательный ценз духовенства. В данной статье предпринимается попытка рассмотреть приходское духовенство как одну из социально-профессиональных групп клира Курской епархии в начале XX столетия (численность, география размещения, образовательный уровень).

В представленной работе систематизированы статистические данные «Ведомости о церквях и белом духовенстве по Курской Епархии за 1915 [год]» [1]. В 1915 г. на действительной службе в церквях Курской епархии состояли 3026 человек белого духовенства (без учета заштатного), в том числе 66 протоиереев, или 2,2% всех священно- и церковнослужителей, 484 протодьякона, дьякона и иподьякона (16%), 1226 священников (40,5%), 1250 псаломщиков, певчих, звонарей и сторожей (41,3%).

В городах Курской губернии служили 345 священно- и церковнослужителей, или 11,4% всего белого духовенства, т.е. 41 протоиерей (11,9%), 64 протодьякона и т.д. (18,5%), 118 священников (34,2%), 122 псаломщика и т.д. (35,4%). Первенствующее место по наличию белого духовенства

среди городов занимал губернский центр – Курск – 87 человек, или 25,2% всех городских священно- и церковнослужителей. Далее шли города: Белгород – соответственно 43 и 12,5%; Рыльск – 33 и 9,6%; Путивль – 30 и 8,7%; Старый Оскол – 26 и 7,5%; Короча – 16 и 4,6%; Обоянь – 15 и 4,3%; Суджа, Щигры, – 14 и 4,05%; Грайворон, Тим – 13 и 3,8%; Новый Оскол, Фатеж – 12 и 3,5%; Дмитриев – 10 и 2,9%; Льгов – 7 и 2%.

Большая часть белого духовенства состояла на действительной службе в сельской местности Курской губернии, что составляло 2681 человек, или 88,6% всех священно- и церковнослужителей, т.е. 25 протоиереев (0,9%), 420 протодьяконов и т.д. (15,7%), 1108 священников (41,3%), 1128 псаломщиков и т.д. (42,1%). Размещение сельского белого духовенства было следующим: в Корочанском уезде служили 216 человек, или 8,05% всех сельских священно- и церковнослужителей; в Обоянском – соответственно 214 и 8%; Курском – 210 и 7,8%; Белгородском – 203 и 7,6%; Грайворонском – 195 и 7,3%; Дмитриевском, Суджанском – 182 и 6,8%; Старооскольском – 176 и 6,6%; Щигровском – 171 и 6,4%; Новооскольском – 170 и 6,3%; Рыльском – 165 и 6,15%; Тимском – 164 и 6,1%; Льговском – 160 и 6%; Путивльском – 138 и 5,1%; Фатежском – 135 и 5%.

Таким образом, в сельской местности Курской губернии проживало большинство протодьяконов и т.д. – 86,8%, псаломщиков и т.д. – 90,2%, священников – 90,4%. Исключо-

чение составляли протоиереи, большая часть которых служила в городах – 62,1%.

Все 3026 клириков Курской епархии имели образование. Выпускниками духовных семинарий и академий являлись 1282 священно- и церковнослужителя, или 42,4% всего белого духовенства, т.е. 46 протодьяконов, дьяконов и иподьяконов (3,6%), 66 протоиереев (5,2%), 98 псаломщиков и певчих (7,6%), 1072 священника (83,6%). Небогословское образование получили 1744 человека, или 57,6% всего белого духовенства: 154 священника (8,8%), 438 протодьяконов, дьяконов и иподьяконов (25,1%), 1152 псаломщика, певчих, звонарей и сторожа (66,1%).

Итак, более половины священно- и церковнослужителей не имели богословского образования, т.е. 90,5% протодьяконов, дьяконов и иподьяконов и 92,2% псаломщиков, певчих, звонарей и сторожей закончили светские или другие учебные заведения духовного ведомства. В то же время 87,4% священников и все протоиереи окончили духовные семинарии и академии.

Среди выпускников духовных семинарий и академий 1090 священно- и церковнослужителей (85%) служили в сельской местности, 192 (15%) – в городах Курской губернии. Большая часть белого духовенства, получившая небогословское образование, служила в сельских церквях – 1591 человек (91,2%), а в городских – 153 (8,8%).

Удельный вес представителей, получивших богословское и небогословское образование, в каждой профессиональной группе городского белого духовенства был представлен следующим образом. Духовные семинарии и академии окончили 12 протодьяконов, дьяконов и иподьяконов (18,75%) и 52 имели небогословское образование (81,25%); соответственно 112 (94,9%) и 6 (5,1%) священников; 27 (22,1%) и 95 (77,9%) псаломщиков, певчих, звонарей и сторожей; 41 протоиерей (100%) получил богословское образование.

Образовательный уровень соответствующих групп сельских священно- и церковнослужителей существенно не отличался от городских: соответственно 34 (8,1%) и 386 (91,9%) протодьяконов, дьяко-

нов и иподьяконов; 960 (86,6%) и 148 (13,4%) священников; 71 (6,3%) и 1057 (93,7%) псаломщиков, певчих, звонарей и сторожей; 25 протоиереев (100%) закончили семинарии и академии духовного ведомства.

География размещения получивших богословское образование было следующим: выпускниками духовных семинарий и академий являлся 41 городской (62,1%) и 25 сельских (37,9%) протоиереев; соответственно 12 (26,1%) и 34 (73,9%) протодьякона, дьякона и иподьякона; 27 (27,6%) и 71 (72,4%) псаломщик и певчий; 112 (10,4%) и 960 (89,6%) священников. Небогословское образование имели 6 городских (3,9%) и 148 сельских (96,1%) священников; соответственно 52 (11,9%) и 386 (88,1%) протодьяконов, дьяконов и иподьяконов; 95 (8,2%) и 1057 (91,8%) псаломщиков, певчих, звонарей и сторожей.

Таким образом, 55,7% городского и 40,7% сельского белого духовенства являлись выпускниками духовных семинарий и академий; небогословское образование получили 59,3% сельских и 44,3% городских священно- и церковнослужителей.

Итак, белое духовенство Курской епархии в начале XX века являлось социальной группой населения, обладавшей сравнительно высоким образовательным и общим культурным уровнем. Однако в силу сложившейся за двухвековой синодальной период модели церковно-государственных отношений, предусматривавшей жесткий контроль властей за общественной активностью священнослужителей, и относительно тяжелого материального положения основная масса приходских клириков преимущественно использовала свой интеллектуальный багаж в рамках профессиональной деятельности, что в известной степени повлияло на падение народного авторитета духовенства.

Список литературы:

1. Государственный архив Курской области. Ф. 20. Оп. 2. Д. 519. Л. 1 – 11.

A.Yu. Boonin, Candidate of Sciences, Docent, Kursk State Agricultural Academy (Kursk)
(e-mail: abunin46@rambler.ru)

**THE STAFF OF THE PARISH CLERGY OF THE KURSK DIOCESE
AT THE BEGINNING OF THE XX CENTURY**

The work examines the number, placement geography, educational and professional level of clergymen and priests of the Kursk diocese in the early XX century.

Keywords: *the parish clergy, the staff, the Kursk diocese.*

УДК 271.2

И.С. Дудина, аспирант, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Курск)
(e-mail: Dudina-IS@yandex.ru)

**ИЗ ИСТОРИИ КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ КУРСКА:
ЦЕРКОВНАЯ АКТИВНОСТЬ ПРАВОСЛАВНЫХ ВЕРУЮЩИХ В 1940-е-1960-е гг.**

В статье обсуждается проблема участия курян в традиционных православных практиках в «позднесталинский» и «хрущевский» периоды отечественной истории. Опираясь на архивные документы, автор анализирует уровень посещаемости православных храмов верующими, включая представителей молодежи, в 1940-1960-е гг. Показано, что антицерковные установки советской власти и очевидная антирелигиозная направленность системы образования далеко не всегда удерживали горожан от походов в храмы.

Ключевые слова: православие, российская провинция, история Курска, советский строй, антирелигиозная пропаганда, конфессиональное поведение

История православных приходов в XX в., переживших мощнейшие катаклизмы в отношениях с государством — одна из интереснейших страниц новой и новейшей истории России. Обладая немалой научной значимостью, она в то же время может дать богатую пищу для размышлений о возможностях построения гармоничной модели взаимодействия между государством, обществом и верующими. В данной статье автор анализирует ситуацию с посещением горожанами православных богослужений, возникшую «на полпути к коммунизму», т.е. 1940 – 1960-е гг. Проблема исследуется на основании архивных материалов, отразивших историю церковной жизни г. Курска (типично-провинциального города центральной части России в середине XX столетия) с окрестностями.

Как известно, в ходе Великой Отечественной войны в СССР начался православный «ренессанс»: отношения государства и церкви значительно улучшились, верующим вновь был открыт доступ в повсеместно открывавшиеся храмы. За религиозными практиками верующих в регионах СССР наблюдали местные уполномоченные при Совете по делам РПЦ. На основании их данных можно получить представление о конфессиональной жизни жителей г. Курска в середине XX в. Именно

документы курского уполномоченного Совета по делам Русской православной церкви дают представление о процессе возрождения церковной жизни в г. Курске после репрессий и закрытий храмов довоенного периода. Из них следует, что после периода оккупации, когда в Курске было открыто одиннадцать православных храмов, церковная жизнь быстро приобрела традиционные очертания [6, оп. 5, д. 3, Л. 83]. В последние годы войны и первые послевоенные годы, в условиях либерализации государственной политики в отношении религии плоды военного «ренессанса» оказались более чем очевидны. Советские функционеры отзывались о середине 1940-х гг. как исключительно плодотворном периоде с точки зрения возрождения традиционной конфессиональной жизни горожан: «обстановка исключительно благоприятствовала церкви... Еще не прошло впечатление от участия церкви в патриотической работе в период войны» [6, оп. 5, д. 3, Л. 62]. Курский уполномоченный Совета по делам РПЦ отмечал, что представителям РПЦ «была предоставлена полная возможность расширять и укреплять свое влияние среди населения» и признавал быстрое восстановление старых церковных устоев: «быстро возрождались такие традиции, имевшие ранее широкое распространение,

как например, организация крестных ходов, выходы к водным источникам... Хождение священников по домам в праздничные дни приняло широкие размеры... даже среди некоторых слоев комсомольцев и коммунистов имели место факты совершения религиозных обрядов, особенно крещений детей» [6, оп. 5, д. 3, л. 63].

По тому же 1945 г. имеется интересная статистика, предоставленная в органы исполнительной власти благочинными города относительно совершенных в церквях за период январь-апрель крещений, похорон и венчаний. Оказалось, что из 512 родившихся младенцев было крещено 200, то есть 39%, из 631 умерших было похоронено по церковному обряду 178, то есть 28,2 %, из 185 поженившихся пар венчалось в церкви 9, или 4,8% [6, оп. 1, д. 2, л. 39]. Вполне возможно, что эти данные занижены (такое практиковалось священнослужителями, чтобы не «раздражать» власть, а заодно и не показывать всех доходов) [2, с. 60].

Характеризуя послевоенные годы, курский уполномоченный Совета по делам Русской православной церкви П. Володин писал, что в 1945-1947 гг. число посещавших церковные службы было «весьма значительным». Среди посетителей церквей было много интеллигенции, служащих, молодежи, а среди них много мужчин» [6, оп. 2, д. 8, л. 66].

На Пасху в мае 1948 г., по словам уполномоченного по Курской области Золотухина, в 23–24 часа «церкви г. Курска были полны, народа было очень много, почти невозможно было пройти в церковь, кроме того, значительное количество было на улице около церкви, так, например:

В Кафедральном Сергиево-Казанском соборе было минимум 4000 человек, из них человек 400 было на улице. В Троицкой церкви до 3000–3500 человек; в Михайловской церкви до 2500; в Богословской церкви до 1500; в Введенской церкви до 3000; в женском монастыре до 350–400. То же самое и по другим церквям» [6, оп. 1, д. 20, л. 53].

Возврат к политике борьбы с проявлениями религиозности, наметившийся в

конце 1940-х гг. в СССР, отчасти означал признание неудачи антирелигиозных кампаний 1920-х – 1930-х гг., а также факт устойчивости религиозных традиций. Вероятно, столь быстрое возрождение конфессиональных практик в военные и послевоенные годы было неожиданностью для руководства страны. Наблюдая за церковным «ренессансом», оно оказалось перед дилеммой: примирение с значительным влиянием церковной культуры на мировоззрение и жизнедеятельность населения (особенно в городской среде) шло бы вразрез с коммунистической идеологией; воинствующая борьба с конфессиональным наследием выглядела бы странно после многочисленных заявлений 1943-1946 гг. о признании советскими властями законных прав верующих. Поэтому конец 1940-х – начало 1950-х гг. стали временем колебаний власти в политике по отношению к верующим [9, с. 212-219; 2, с. 73]. В 1950-1951 гг. на уровне высших курских функционеров активно обсуждался вопрос о возможности закрытия ряда храмов г. Курска и действовавшего здесь женского Верхне-Троицкого монастыря (возобновившего свое существование еще в 1942 г.). Принятые меры оказались вполне в духе времени: из одиннадцати православных церквей перестало функционировать две, монастырь, после интенсивной переписки руководства Курской области с Советом по делам РПЦ, также был закрыт [2, с. 74].

Нужно отметить, что даже эти «ограниченные меры» (выражение из документов курского уполномоченного Совета по делам РПЦ) вызвали возмущение верующих. По словам уполномоченного П. Л. Володина, «ни один случай изъятия церковных зданий у общин, закрытия и снятия с регистрации церквей и молитвенных домов не обошелся без протестов... со стороны верующих и вызывал многочисленные жалобы, в том числе и в правительственные органы». Процесс закрытия храмов в Курске был остановлен, вплоть до конца рассматриваемого периода здесь продолжали функционировать девять православных церквей [2, с. 75].

Изучение источников убеждает, что конфессиональная жизнь городского населения в начале пятидесятых годов была достаточно спокойной. Посещаемость храмов была, конечно, существенно ниже дореволюционной, но значительно выше той, которую на этом этапе хотели бы видеть советские идеологи. Верующие ходили в церкви по праздникам и воскресеньям, значительно реже – по будням. Характеризуя ситуацию в г. Курске в 1951 г., местный уполномоченный Совета по делам Русской православной церкви писал: *«Во всех городских церквях службы проводятся в субботу вечером, в воскресенье утром, в воскресенье вечером и в большие церковные праздники и не во всех церквях проводятся ежедневные службы. Так например, в Николаевской церкви в г. Курске, в Михайловской, в Троицкой (две последние церкви расположены около городских базаров), в Вознесенской, в Всехсвятской и Никитской церквях (на кладбищах) церковные службы бывают ежедневно, если считать заказные обедни, молебны и*

панихиды. Но эти службы, кроме воскресных и праздничных дней, не привлекают много людей. В Успенской церкви в г. Курске, в Введенской и в Кафедральном соборе службы ежедневно не проводятся, но и не ограничиваются только воскресными и праздничными днями, а проводятся по 3-4 раза в неделю, а иногда и по 4-5 раз в неделю» [6, оп. 2, д. 8, л. 67]. Значительная посещаемость храмов отражалась и на их благосостоянии: тот же чиновник отмечал, что «доходы церквей позволяют тратить большие средства на ремонт зданий, оказывать денежную помощь духовенству и т.п.» [6, оп. 2, д. 8, л. 69].

Анализ статистики, которую вели курские уполномоченные Совета по делам РПЦ, свидетельствует, что в городской среде в среднем число посетителей церковных служб до 1958 г. росло. О количестве «активных» верующих в этот период в какой-то мере говорят данные о посещении курских православных храмов Курска в важнейшие церковные праздники за период 1955-1959 гг. [1, с. 69]:

№	Праздник	Кол-во учтенных церквей	1955 г.	1958 г.	1959 г.
1	Рождество	8	7100	9200	9100
2	Крещение	9	8900	15300	14800
3	Пасха	9	19500	19100	8850
4	Троица	5	7900	7100	6100
5	Покров	7	Нет данных	3900	4150

Если полагаться на приведенные данные, православные храмы во второй половине 1950-х гг. даже по праздникам посещало лишь 7-10% населения – меньше, чем в середине 1940-х гг. Впрочем, стоит отметить, что приобщенность городского населения к православным традициям проявляла себя в указанный период не только в посещении церквей. Часть населения, не посещавшая храмов в силу удаленности последних или отсутствия привычки, порой принимала священнослужителей или монахов (иеромонахов) дома. Согласно декларациям о доходах причта церквей г. Курска,

поданных финансовым органам в 1957 г., картина выглядела следующим образом: в названном году было совершено 1587 крещений, что составило 45% от числа всех родившихся в городе младенцев, 117 венчаний (5% от всех браков), 531 погребение (36% от всех похорон) [6, оп. 5, д. 18, л. 115]. Таким образом, население в 1950-е гг. стало даже чаще прибегать к помощи священнослужителей в ответственные жизненные моменты, чем это было в 1945 г.

Весьма показательной является и картина с посещением курских православных храмов в пятидесятые-шестидесятые

годы молодежью, в том числе школьниками. Как известно, церковь рассматривалась как отживающий институт, вредный для будущих строителей коммунизма. В выступлениях партийных функционеров часто звучало, что «советская власть допускает свободу совести для взрослых», но крайне отрицательно относится к тому, что «родители навязывают свое собственное тупоумие, невежество детям» [8, с. 34]. Однако, реальная картина далеко не всегда соответствовала идеологическим выкладкам строителей безрелигиозного общества, что хорошо демонстрирует история г. Курска. В материалах курских уполномоченных по делам РПЦ (в обязанности которых входило периодическое посещение храмов во время служб) есть немало интересных сведений по этому вопросу. Так, в 1951 г. один из курских функционеров писал, что «в церковь ходят много, в том числе и молодежи, а ребят школьного возраста матери просто гонят в церковь» [6, оп. 5, д. 3, л. 57]. Подобные lamentации предопределили пристальное внимание уполномоченных совета по делам РПЦ к присутствию детей школьного (и околошкольного) возраста в православных храмах. Судя по содержанию отчетных сведений, систематическим контролем за присутствием (или отсутствием) детей школьного возраста стал в 1954 г. Так, в конце августа 1954 г. уполномоченный Совета по делам Русской православной церкви по Курской области П. Володин после посещения пяти из девяти действующих на тот момент в Курске храмов, сообщал секретарю курского горкома КПСС следующее: «Перед началом учебного года в воскресенье 29 августа 1954 года в церквях в городе было отмечено присутствие на службах порядочного числа детей школьного возраста в школьной форме» [6, оп. 5, д. 13, л. 78]. В другой справке тому же лицу он писал о службах 30-31 августа: «Во Введенской церкви на службе более 20 человек детей школьного возраста... В Никитской церкви до 15 человек детей школьного возраста. На последней службе в соборе после 9 часов было не менее 50 человек детей

школьного и дошкольного возраста, из них около 20 исповедывались и причащались...» [6, оп. 5, д. 10, л. 29].

В 1956 г. тот же уполномоченный сообщал заведующему отделом пропаганды и агитации Курского обкома КПСС: «В Пасху в прошлом году (т.е. в 1955 г. – авт.) 17 апреля на службах во всех церквях было около 20 тысяч человек... Особенно много было молодежи и детей во Введенской, Троицкой, Николаевской, Михайловской, Успенской и в соборе. Так, например, в Успенской церкви из общего числа присутствовавших на службе я насчитал в зимней церкви более 200 подростков» [6, оп. 5, д. 10, л. 29].

Говоря о посещении пасхальных служб в 1956 г., П. Володин отмечал: «По-прежнему среди молящихся много молодежи и детей. В Введенской, Троицкой и Михайловской церквях встречались мальчики, одетые в школьную форму» [6, оп. 5, д. 10, л. 46].

1 сентября 1957 г. П. Володин был вынужден подготовить отдельную докладную записку для секретаря курского обкома КПСС [3, с. 346]. Партийный функционер признал, что часть советских школьников отправилась на традиционную линейку, накануне посетив богослужение и помолившись об учебных успехах. В документе говорилось: «В воскресенье 1 сентября мною проведено наблюдение за церковными службами в некоторых церквях в городе Курске с целью выяснения насколько велико посещение служб в этот день детьми школьного возраста.

Во Введенской церкви /Кировский район/ к 9 часам утра более 200 человек молящихся, в их числе более 30 человек детей школьного возраста, есть девочки в школьной форме. Более 15 подростков исповедуются.

В Михайловской церкви /ул. К.Либкнехта/ после 9 часов утра до 350 человек молящихся, из них около трети молодые женщины и до 40 человек детей школьного возраста, есть девочки в школь-

ной форме. После службы все они присутствовали на молебне пророку Науму.

В Троицкой церкви /ул. Золотаревская/ после окончания службы ... выяснилось, что из числа 200 присутствовавших на службе, было 50 человек детей школьного возраста, все они исповедовались и причастились.

В Успенской церкви /по ул. Антокольского/ после 10 часов утра на службе было 400 человек, причем половина из них молодые женщины. Детей было 60 человек ...

В Николаевской церкви /Комсомольская ул., сл. Стрелецкая/ среди 100 человек молящихся было не менее 30 человек детей школьного возраста.

В Вознесенской церкви /сл. Казацкая/ на службе было не более 150 человек... из них 60 человек детей школьного возраста...» [6, оп. 5, д.13, л. 81-82].

В 1960 г., рапортуя о «рождественских» службах 7-8 января Председателю Совета по делам Русской православной церкви Г.Г. Карпову, П. Володин писал о том, что везде было отмечено присутствие подростков и детей [6, оп. 5, д.22, л. 45]. О десятках детей школьного возраста в ряде храмов г. Курска уполномоченный говорил и по итогам «пасхального инспектирования» в том же году [6, оп. 5, д.22, л. 61-62].

Проверка 1965 г., организованная главою Ленинского района г. Курска вечером-ночью накануне праздника в одной из небольших церквей привела к обнаружению тридцати детей школьного возраста на ночной пасхальной службе [6, оп. 5, д.22, л. 57-58]. Кроме того, в отчетности из фонда уполномоченного по делам Русской православной церкви отражено присутствие на службах большого количества детей дошкольного возраста с родителями и бабушками [6, оп. 5, д.22, л. 56-58], а также молодых людей, закончивших школу – то есть тех, кому дежурившие учителя не были помехой. Например, в том же 1965 г., рапортуя в облисполком о ходе пасхальных служб в центральных храмах г. Курска, секретарь исполкома Ленинского района города отмечал, что в 24.00 около собора собралось

более тысячи молодежи в возрасте от 17 до 25 лет [6, оп. 5, д. 67, л. 55].

Изложенные факты дают возможность говорить о том, что куряне в значительной своей части не переставали ощущать себя православными людьми даже в период расцвета «научного атеизма». Успехи борцов с религией к 1960-м гг., конечно, были значительны, однако основной цели – уничтожения традиционной конфессиональной культуры – они не достигли. В условиях широкомасштабной антирелигиозной пропаганды куряне не переставали ходить в церковь. При этом традиционные конфессиональные практики не стали уделом лишь пожилых людей: изложенные факты говорят о том, что даже в период возобновления наступления на религию часть курской молодежи посещала православные храмы.

Список литературы:

1. Апанасенок А.В., Пудякова И.С., Апанасенок Е.С. Православная культура курян в зеркале статистики и оценках современников: XX – начало XXI в. // Провинциальные научные записки. 2015, №1. – С. 64-71.
2. Апанасенок А.В., Дудина И.С. Традиционная конфессиональная культура курян в 1900-1964 гг.: Очерки истории. – Курск, 2015. –113 с.
3. Апанасенок А.В., Дудина И.С. «На линейку из церкви»: советские школьники на православных богослужениях в эпоху «научного атеизма» // Известия Смоленского государственного университета. 2015, №3. – С. 343-351
4. Апанасенок А.В., Шульгина Н.П., Дудина И.С. Церковь vs. школа: курские учащиеся на православных богослужениях в середине XX века // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия «Лингвистика и педагогика». 2015, №1. – С. 69-75.
5. Государственный архив Курской области. Фонд 5200. Уполномоченный Совета по делам религиозных культов.

6. Государственный архив Курской области. Фонд 5027. Уполномоченный Совета по делам Русской православной церкви.

7. Клочков В.В. Закон и религия. От государственной религии в России к свободе совести в СССР. – М.: Политиздат, 1982. – 160 с.

8. Коммунистическая партия и Советское правительство о религии и церкви: Сборник документов. – М., 1961. – 165 с.

9. Макарова Д.Ю. Русская Православная Церковь и ее отношения с государством в Курской области с 1943-1953 гг. // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2012. Вып. 1. – С. 211-220.

I.S. Dudina, Post-Graduate Student, Southwest State University (Kursk) (e-mail: Dudina-IS@yandex.ru)

FROM THE HISTORY OF THE CONFESSIONAL CULTURE OF KURSK: CHURCH ACTIVITY OF ORTHODOX BELIEVERS IN THE 1940s-1960s

The work analyzes the problem of participation of Kursk-dwellers in traditional Orthodox practices in the "late-Stalin" and "Khrushchev" periods of national history. Basing on archival documents, the author discuss the level of visiting of Orthodox churches by believers, including youth, in the 1940-1960-s. It is shown that anti-Church attitudes of Soviet authorities and the obvious anti-religious orientation of the educational system were not always kept the townspeople from going to the temples.

Key words: Orthodoxy, Russian province, the history of the Kursk, the Soviet system, anti-religious propaganda, faith-based behavior

УДК 93/99

А.В. Черников, канд. ист. наук, доцент, ФГБОУ ВО «Курская государственная сельскохозяйственная академия имени профессора И.И. Иванова» (Курск) (e-mail: aleksey_chernikov@rambler.ru)

СЕРБИЯ ЛЕТОМ 1914: ПРОВОКАТОР ИЛИ ЖЕРТВА?

В статье рассматривается одна из основных причин первой мировой войны – русско-австрийское противостояние на Балканах. Анализируется готовность к войне вооруженных сил Австро-Венгрии и России, а также затрагивается вопрос об истинных виновниках войны. Основное внимание уделяется роли и значению Сербии в развязывании войны. Рассматривается комплекс австро-сербских противоречий, непосредственно приведший к возникновению первой мировой войны.

Ключевые слова: Первая мировая война, Сербия, сараевское убийство

Несмотря на то, что прошло уже более ста лет со дня начала Первой мировой войны, вопрос о причинах ее возникновения и об ответственности за войну по-прежнему волнует историков.

В вышедших в свет в последнее время работах появился тезис о том, что свою долю ответственности за развязывание войны несут «малые государства», в частности Сербия и Черногория. Спору нет, роль разных государств и народов в возникновении войны далеко не равнозначна и неоднозначна. Если в настоящее время большинство отечественных и зарубежных историков признают, что германское и австрийское правительства несут **основную и непосредственную** тяжесть вины за развязывание первой мировой войны, то в вопросе о «сербском факторе» все далеко не так просто. Справедливо ли считать Сербию такой же жертвой неспровоцированной агрессии, как Бельгию? Едва ли. У Бельгии не было никаких территориальных претензий к Германии, ни стремления «оттяпать какой-нибудь жирный кусочек» германской территории. О Сербии этого не скажешь. Достаточно перечислить лишь некоторые области монархии: Босния-Герцеговина, южные области Венгрии, населенные сербами. Получить все это и многое другое она не могла без большой драки, такой, в которой непременно должна была участвовать Рос-

сия. И не геополитические интересы России требовали разрушения Австро-Венгрии, а интересы создания «Великой Сербии» [5, с. 46].

С автором этих строк трудно согласиться. Во-первых, вмешательство России практически во все конфликты на Балканах на протяжении нескольких веков было продиктовано ее геополитическими интересами, желанием укрепившись на Балканах, усилить свое положение в Европе. Сербия, бывшая «форпостом» России на Балканах была очень важна для Петербурга. Поэтому Австро-Венгрия – ярый враг Сербии, становилась автоматически врагом России. С другой стороны, Россия не смогла смириться с гегемонией Австро-Венгрии на Балканах. Поэтому именно геополитические интересы России требовали разрушения Австро-Венгрии, удаления опасного конкурента. К 1914 году во внешней политике России самыми напряженными были отношения с Австро-Венгрией.

Во-вторых, вражда Сербии к Австро-Венгрии диктовалась вовсе не пресловутым великосербским шовинизмом. Сербия много веков находилась под игом Османской империи. После успешной русско-турецкой войны 1877-1878 годов Сербия получила независимость. Но тут место Турции занял враг куда более коварный и опасный – Австро-Венгрия. «Австрия в 1909-1914 годах ис-

пользовала любой предлог, чтобы вызвать Сербию на столкновение и навязать ей войну. Эта постоянная вызывающая политика по отношению к Сербии объясняется задачами, стоящими перед австрийским и германским империализмом. Правящая клика Австро-Венгрии стремилась к разгрому Сербии, для того, чтобы проложить дорогу к Салоникам. С другой стороны она выступала как агент германского империализма, стремившегося путем разгрома Сербии проложить себе кратчайший и наиболее удобный путь к Константинополю, проходивший через долину реки Вардара... Австрия, провоцируя Сербию на войну... пользовалась любым предлогом для того, чтобы вызвать конфликт» [10, с. 275].

Невиновность Сербии подтверждается и всем ходом сербско-австрийских отношений в начале XX века. Для балканских государств XX век начался ожесточенным соперничеством Вены и Петербурга за влияние на Балканах. «Установление прямых отношений великих держав с балканскими странами вскоре вылилось в фактический раздел Юго-Восточной Европы на зоны влияния» [13, с.8].

В ночь на 29 мая (11 июня) 1903 года, в Белграде произошел военный переворот. Король Александр Обренович, его жена Драга, некоторые члены правительства были убиты. Престол достался Петру Карагеоргиевичу. «Русский военный агент в Сербии И.Н. Сысоев, характеризуя настроения белградского общества после событий 29 мая 1903 года, отмечал, что офицеров-заговорщиков приветствовали как спасителей отечества...тем самым политическая роль, принятая на себя армией, была как бы санкционирована всей страной [3, с.8].

Вена тут же поспешила очернить Белград в глазах Европы. «Переворот 1903 года отразился на международном положении страны. Если политический режим Александра Обреновича мог раздражать только европейские правительственные круги (особенно австрийские и российские), то его убийство дало повод отвернуться от Сербии значительной части монархически

настроенной широкой общественности Европы» [2, с.75]. Русский военный агент в Белграде полковник И.Н. Сысоев сообщал в Петербург: «Внешний престиж королевства, и без того не высоко стоявший, действительно страшно пал. Вся Европа смотрит на Сербию, как на зачумленную» [2, с.75].

Убийство Александра Обреновича было своеобразным козырем для Вены в 1914 году. Еще бы: Сербия – нация преступников! Если они убили своего короля, то что им стоило убить чужого наследника престола, тем более, которого они считали своим главным врагом!

Однако и тут не все просто. Именно Вена и была более других государств заинтересована в перевороте 1903 года, рассчитывая дестабилизировать обстановку в Сербии. Последние исследования отечественных историков это подтверждают. «Надо сказать, что в подготовке покушения на короля была замешана австро-венгерская разведка. Александр Обренович своими непредсказуемыми действиями стал опасен и для Австро-Венгрии. Австро-венгерские правящие круги были также обеспокоены сообщением о намерении Александра заключить персональную унию с черногорской династией Негошей о предоставлении сербского престола черногорскому королевичу Мирко и попытками сербского короля активизировать свою политику в Македонии, Боснии и Герцеговине» [2, с.73].

Итак, ненависть к Сербии возникает вовсе не в связи с убийством сербского короля и воцарением династии Карагеоргиевичей. Еще «в 1902 году Австро-Венгрия всеми силами пыталась уронить престиж династии Обреновичей» [2, с.74]. И все это притом, что русско-сербские отношения в это время были, мягко говоря, напряженными. Обренович не был ориентирован на Россию, но Вена «играет» против него. В чем же истинные причины подобного поведения Габсбургов? «В письме Франца Иосифа находятся следующие места, которые не допускают, по всей ясности и недвусмысленности, никаких сомнений насчет истинных намерений венской политики. «Стрем-

ление моего правительства должны быть направлены к изолированию и уменьшению Сербии», пишет Франц Иосиф» [11, с.186]. При Карагеоргиевичах, ориентировавшихся во внешней политике на Россию, это желание Вены не только не ослабло, но было обосновано политической необходимостью, так как иначе Белград «попадет в кабалу Петербурга».

Еще более обострил сербско-австрийские отношения «процесс Фридьонга». Этот процесс явился продолжением Аграмского процесса, инспирированного австрийским правительством в 1906-1907 годах. Желая задушить национальное сербское движение, развивающиеся в южнославянских землях Австро-Венгрии, австрийское правительство посадило на скамью подсудимых около 300 крупных деятелей сербского национального движения в Боснии, Хорватии, Далмации, обвиняя их в получении субсидий из Белграда. Австрийский историк Фридьонг напечатал на основе документов, сфабрикованных в австрийском министерстве иностранных дел, обличительную статью против нескольких обвиняемых на Аграмском процессе. После скандального провала Аграмского процесса, обвиняемые возбудили в суде дело против Фридьонга, обвиняя его в клевете. При разборе дела выяснилось, что документы, на основе которых Фридьонг писал статью, являются фальшивыми. Естественно, что это был удар по престижу Дунайской монархии.

Кроме политических причин, были еще и экономические мотивы для ненависти к Белграду. Так, в 1902 году истек срок австро-сербского торгового договора, заключенного в 1892 году. В 1904 году в Сербии был введен новый таможенный тариф, а в 1905 году заключен невыгодный для Австро-Венгрии торговый договор с Болгарией. В ответ на эти действия сербского правительства Вена запретила ввоз на свою территорию продукцию животноводства, составлявшую главную статью сербского экспорта. Таможенная или «свиная» война продолжалась с 1906 по 1911 год и закончилась фактическим поражением Австро-Венгрии,

поскольку Франция и Россия оказали экономическую помощь сербскому правительству. Несмотря на то, что экономические отношения Сербии и Австро-Венгрии возобновились в 1911 году с подписанием нового торгового соглашения, Вена стремилась отомстить за «беспокойство» сербам, к которым Габсбурги относились не иначе, как к «низшей расе».

Однако Австро-Венгрия наносила Белграду удары куда более существенные. 1908 год – аннексия Боснии и Герцеговины. 27 марта 1909 года австрийское правительство предъявило Сербии ультиматум, требуя признания аннексии Боснии и Герцеговины. Лишенная поддержки России, Сербия вынуждена была принять ультиматум. В 1912 году сербскими оккупационными властями в Призрене был взят с поличным и обвинен в шпионаже австрийский вице-консул Прохаски. Австрийское правительство предъявило Сербии ультиматум, требуя освобождения Прохаски. Белград вновь подчинился Вене. В 1913 году австрийское правительство предъявило ультиматум, требуя очищения нескольких албанских деревень, занятых сербскими войсками во время Балканских войн 1912-1913 годов. Чтобы избежать большой войны, сербское правительство удовлетворило австрийский ультиматум. Три ультиматума в течение четырех лет! И все они были удовлетворены Сербией. Более чем странная уступчивость для страны, которая «желает войны» с Австро-Венгрией!

Австрия владела обширными землями с сербским населением, которое подвергалось к тому же национальному угнетению. Аннексировав в 1908 году Боснию и Герцеговину со славянским населением (значительная часть которого – сербы!), Вена особо не скрывала своего желания поглотить всю Сербию. Таким образом, пресловутый сербский национализм был для сербов своего рода национальной идеей, объединявшей нацию для борьбы за независимость.

Панславизм сербов также имеет историческую основу. Исследуя причины распространения великосербского шовинизма, современный российский историк Я.В.

Вишняков пишет: «Вековое присутствие психологического фактора неизбежности войны, в начале XX века увязанное с обострением международной обстановки в Европе, получило в Сербии особое преломление, тесно связанное с “мессианским” пониманием панславистской концепции “Балканы для балканских народов” и возрождением идеи объединения разрозненного двумя империями “сербского племени”, для которого сербское государство и его столиц должны были стать ... центром объединения» [3, с.9]. Панславизм сербов – лишь «защитная реакция» на агрессию Вены. Что же до призывов «крайних шовинистов» о возвращении югославянских земель Сербии, то думается, что сербское королевство все же имело на них больше прав, чем австрийская буржуазия и венгерские помещики.

Кроме того, необходимо учитывать весь сложный клубок противоречий на Балканах. Вместе с австро-сербскими здесь переплелись сербо-итальянские и сербо-болгарские противоречия. Всего за год до начала Первой мировой войны закончилась вторая Балканская война, которая продемонстрировала тщетность надежд на объединение православных балканских народов в военно-политический блок. Единственной надеждой Сербии, но надеждой главной и серьезной оставалась Россия.

Кроме дипломатического аспекта существовал военный. Имея немногим более 4,5 млн. чел. населения, Сербия не могла противопоставить Австро-Венгрии сильную армию. Вооруженные силы Сербии комплектовались на основе всеобщей обязательной воинской повинности. Численный состав дивизии имел 15 тыс. штыков, 400 сабель, 18 пулеметов, 36 орудий [6, с. 401]. К началу войны мобилизованные сербские вооруженные силы состояли из 12 пехотных и 1 кавалерийской дивизии, сведенных в 4 армии [6, с. 401]. Боевой состав сербского войска насчитывал 247 тыс. чел. и более 600 артиллерийских орудий. С начало войны было мобилизовано немногим менее 400 тыс. чел [7, с. 17-18]. Сербия не имела своей оборонной промышленности и почти целиком

зависела от поставок оружия из-за границы. На армию в 400 тыс. чел. имелось всего около 100 тыс. исправных винтовок [6, с. 401]. Не хватало артиллерийских снарядов (всего 700 выстрелов на орудие) [9, с. 40]. Плохо обстояло дело с обмундированием, медикаментами, средствами связи. Накануне войны Сербия просила у России предоставить ей 120 тыс. винтовок с патронами, 200 тыс. комплектов обмундирования, радиостанции [8, с.166].

Австро-Венгрия постоянно расширяла свою армию, усиленно готовясь к войне. В 1911 г. она увеличила свой контингент на 40%, ассигновав на нужды армии дополнительно 100 млн. крон [6, с. 97]. 5 июля 1912 г. в Австро-Венгрии был принят новый военный закон, предусматривавший дальнейшее увеличение рекрутского набора с 181 677 чел. до 205 902 чел. [6, с. 97]. При мобилизации в 1914 г. численность австрийской армии достигла 2 500 тыс. чел [12, с. 167].

Ни один здравомыслящий сербский военный не мог рассчитывать на сколько-нибудь успешную борьбу против Австро-Венгрии в таких условиях.

Может быть, сербское правительство надеялось на Россию в ходе будущей войны? Русская армия представляла собой внушительную силу. По штатам на 1912 г. в составе армии предполагалось иметь 1 384 905 чел. [6, с. 97] В 1913 г. была принята «Большая программа по усилению армии». Окончательное перевооружение армии планировалось завершить к 1917 г. Армия мирного времени должна была быть увеличена на 480 тыс. чел. [6, с. 97] Однако к лету 1914 г. были пройдены только начальные этапы данной программы и до ее завершения было далеко.

Общее состояние артиллерии: к началу первой мировой войны русская армия насчитывала 7030 орудий, в т.ч. 6790 полевых легких (из них 76 мм – 5826) и 240 тяжелых пушек и гаубиц. Австро-Венгрия имела 4088 орудий, в т.ч. легких гаубиц – 792, полевых тяжелых – 168, и тяжелых осадных – 338 [12, с. 173].

Россия превосходила Австро-Венгрию своими людскими ресурсами и общим количеством артиллерийских орудий, уступая, однако, в количестве тяжелой артиллерии. Надо сказать, что баллистические характеристики русской полевой артиллерии и обученность орудийных расчетов была выше австрийской. Кроме того слабой стороной австрийской армии была ее многонациональность, что обуславливало низкие боевые качества многих австрийских солдат. Если представители одних национальностей (поляки, хорваты, русины) в основном безразлично относились к победе Австро-Венгрии, то представители других национальностей (сербы, итальянцы, чехи, словаки) были настроены враждебно и горячо желали ее поражения. Многие генералы русской армии накануне войны крайне низко оценивали боеспособность австрийской армии, признавая при этом, что: «по скорости мобилизации и сосредоточения австро-венгерская армия превосходила русскую, против которой ей и приходилось действовать» [4, с.19].

Однако следует учитывать, что Россия не смогла бы обрушить на Австро-Венгрию всю свою мощь в случае локальной войны с ней. Часть сил неизбежно пришлось бы оставить в Западных округах на случай войны с Германией, так как она в любой момент могла поддержать своего союзника. Одновременная борьба с Германией и Австро-Венгрией была не под силу России, тем более, что позиция западных союзников в случае локальной войны с этими державами была неясна. Напомним, что Франция собиралась выступить на стороне России, если бы ей угрожал полный разгром со стороны Германии, а Великобритания вообще не собиралась воевать из-за Сербии. Так что еще вопрос: не начини Германия вторжения в Бельгию, вмешались бы Париж и Лондон в конфликт на Востоке или попробовали дипломатическим путем добиться от Германии компенсаций за счет России. Воевать же с Австро-Венгрией на Западе вообще никто не собирался. Франция объявила войну Австро-Венгрии 10 августа 1914 г., а Англия – 12

августа 1914 г., но в широкомасштабные боевые действия так и не вступили до конца войны (если не считать незначительной помощи Итальянскому фронту после разгрома итальянцев при Капоретто в ноябре 1917 г).

Однако простое арифметическое соотношение вооруженных сил сторон еще не говорит об их решимости начать войну. На случай боевых действий Генеральные штабы России и Австро-Венгрии имели планы войны друг с другом.

Начальник австро-венгерского генштаба Конрад главной идеей плана считал наступление против России. Первая австрийская группа войск – «эшелон «А» включала больше половины войск (четыре армии) и предназначалась для действий против России, вторая – «минимальная группа Балкан» (две армии) – против Сербии и Черногории, третья группа – «эшелон «Б» (менее ¼ сил) составляла общий резерв обоих фронтов. В случае войны только с Россией «эшелон «Б» направлялся бы в Галицию для усиления «эшелона «А». В случае отдельной войны с Сербией и Черногорией резерв отправлялся бы для усиления балканской группы. Конрад рассчитывал на поддержку 20 германских дивизий [12, с. 264]. Таким образом, австрийский план войны был наступательным и рассчитан на поддержку со стороны Германии в случае войны с Россией. Кроме того, и это немаловажно, австрийский генштаб рассматривал возможность отдельной войны против Сербии, вне планов общеевропейской войны.

Русский план также был наступательным, причем наступление разворачивалось одновременно против Австро-Венгрии в Галиции и Германии в Восточной Пруссии. Существовало два варианта плана. По варианту «А» – главный удар наносился против Австро-Венгрии, если Германия направит основные силы против Франции, по варианту «Г» – против Германии, если Берлин выберет для основного удара Россию. По варианту «А» против Австро-Венгрии должно было быть сконцентрировано 4 армии (33,5 пехотных полевых дивизий, 13 второочередных дивизий и 18,5 кавалерийских дивизий), т.е.

около 52% всех войск [12, с. 268]. Таким образом, русское командование не создало нужного превосходства в силах против Австро-Венгрии, а это лишало его возможности разгромить Австро-Венгрию в будущей войне. Кроме того, отдельного плана войны против Австро-Венгрии... вообще не существовало. Начавшаяся в конце июля частичная мобилизация русских войск против Австро-Венгрии едва не поломала весь мобилизационный план и не привела к катастрофе: «план стратегического развертывания, а, следовательно, и мобилизации был рассчитан на войну с двумя противниками. **Вариант действий только против Австро-Венгрии не рассматривался**» [1, с. 39].

Итак, отдельного мобилизационного плана против Австро-Венгрии попросту не было. Возникает вопрос: как же Петербург и Белград готовили агрессию против Дунайской монархии, если русская армия даже не рассматривала возможность отдельной войны против нее? Но может быть Белград рассчитывал, что сможет втянуть Россию в войну де-факто, без всякой предварительной договоренности с ней? Очевидно, что нет. Прошедшая за несколько лет до этого австрийская аннексия Боснии и Герцеговины не встретила никакого серьезного отпора со стороны России (в том числе и потому, что она не была поддержана западными союзниками – еще один аргумент в пользу того, что нельзя было предсказать их поведение в июле 1914 г.). Напомним, что в июле 1914 г. русский МИД рекомендовал Сербии не отвергать все условия австрийского ультиматума, чтобы не вызвать большую войну.

С другой стороны, развал в 1913 г. Балканского союза был крупной дипломатической неудачей России. Вместо гегемонии на Балканах при поддержке Сербии, Черногории, Болгарии и Греции, Россия получила еще один «гордиев узел» и была вынуждена сделать выбор между двумя потенциальными союзниками Сербией и Болгарией. Причем, фактически поддержав Сербию, она толкнула гораздо более мощную Болгарию в германский лагерь, фактически усилив этим Австро-Венгрию. Это также отрезвило русскую дипломатию, отбив у нее пристрастие к рискованным авантюрам.

Внутриполитическая ситуация в Сербии была крайне сложной. По свидетельству российского историка Я.В. Вишнякова: «Переворот не принес Сербии долгожданного политического упокоения, стал верхушечным явлением, не затронувшим основ политической и социально-экономической систем страны. Десятилетие, предшествовавшее выстрелам в Сараево, было наполнено кризисами, активным вмешательством армии в политику королевства, которому способствовало то, что многие участники получили влиятельные должности в военном и государственном аппарате» [3, с.9]. Кроме того, правительство Сербии во главе с Н. Пашичем было в крайне натянутых отношениях с офицерской националистической организацией «Черная рука» во главе с полковником Д. Дмитриевичем (Аписом). Особенно обострились они после Балканских войн. Если «Черная рука» стремилась разрешить балканский вопрос радикально, то правительство Сербии категорически стремилось избежать войны. Конфликт разрастался. «В стране возникла реальная опасность военного переворота. Апис отправил в Македонию своему родственнику подполковнику Д. Глушичу письмо с призывом к военному путчу, настаивал на походе войск из Скопье в сербскую столицу. Но его план, воспринятый офицерами как авантюра, не был реализован. После этого Апис еще более усилил контакты с оппозицией» [3, с.11].

В то же время премьер-министр Н. Пашич активно рассчитывал во внутриполитической борьбе на помощь «старшего брата» - России. Действительно, эта помощь не заставила себя долго ждать. «Пашичу удалось привлечь на свою сторону главу российской дипломатической миссии Н.Г. Гартвига, поскольку по словам российского историка Ю.А. Писарева «русская дипломатия вынашивала на это время идею восстановления Балканского союза, и ей казались опасными авантюрные планы организации "Черная рука"» [3, с.11]. На сторону Пашича под влиянием российского посланника окончательно склонился престолонаследник Александр. Как заметил Гартвиг, «наследник...ныне является самым ярым сторонником осторожный и благоразумной политики

первого государственного мужа Сербии» [3, с.11]. В этой ситуации король Петр, балансирующий между армией и правительством, решил уйти из политики. 11 (24) июня 1914 года – за четыре дня до сараевского покушения – был обнародован королевский указ о возложении монарших прерогатив на престолонаследника Александра, ставшего принцем-регентом при отце. Примечательно, что за четыре дня до покушения в Белграде происходит смена власти. Более того, кабинет министров на момент покушения (15 (29) июня 1914 года) даже не был сформирован. Любая смена верховной власти – момент политической нестабильности в любом государстве. Возможно ли, чтобы еще не успев укрепиться у власти, не имея даже работоспособного кабинета министров, принц-регент начал рискованную войну с одной из сильнейших мировых держав. Он что был совершенно безумен? нет, современники, оценивая деловые качества Александра, говорят об обратном. Не имея прочного политического тыла, перед лицом готового вот-вот разразиться политического кризиса в результате противостояния военной оппозиции и правительства, Александр не мог пойти на подобную авантюру, уже из-за того, что сильно сомневался в лояльности армии. Скорее это было на руку Германскому блоку: предъявив ультиматум, они могли рассчитывать, что раздираемая внутренними противоречиями Сербия не станет сопротивляться и быстро капитулирует. Как свидетельствует Я.В. Вишняков: «...факты указывают, что сербские власти были заняты другими проблемами и непричастны к выстрелам в Сараево, тем более Сербия не была готова к войне. Апис, занимавший ответственный пост в генштабе не мог этого не знать. В 1913 году вскоре после окончания первой Балканской войны, он сказал С. Прибичевичу, который впоследствии стал известным югославским политиком: “Нам нужно еще несколько лет мира”. 6 (19) июля 1914 года Александр “доверительно передал” российскому дипломату В.Н. Штрاندтману, что сербская армия “располагает ныне, после двух Балканских войн ничтожным количеством исправных винтовок, каковое обстоятельство является большим соблазном

для врагов королевства”. На этом основании известный российский исследователь истории Сербии начала XX века Ю.А. Писарев сделал выводы не только о “незаинтересованности сербского правительства в военном конфликте с Австро-Венгрией, но и неучастии руководства “Черной руки” в сараевском заговоре”» [3, с.13].

Вопрос об убийстве наследника венского престола эрцгерцога Франца-Фердинанда далеко не однозначен. «Известно, что сам Франц-Фердинанд понимал опасность предпринятого им провокационного путешествия. Эрцгерцог являлся выразителем стремлений наиболее империалистических кругов Австро-Венгрии, открыто проповедуя военный разгром Сербии. Темой назначенных им в июне 1914 г. маневров была «война против Сербии». Нетрудно было понять, что на подобную провокацию последует ответ» [10, с.280]. Время и место для маневров было выбрано крайне неудачно. Эрцгерцог появился в Сараево в день поражения сербов в битве на Косовом поле, день национального траура. Тогда в 1389 г. сербов поработила Турция. Теперь в 1914 г. приехал наследник престола новой державы поработительницы. Такое совпадение не могло не иметь в глазах сербов печальной аналогии. Тема маневров говорит сама за себя. Очевидно, что их цель – не просто запугать Сербию, а отрететировать войну с ней, которая должна состояться в ближайшем будущем. Довольно странное занятие для миролюбивой державы, которая «ни в коем случае не хочет вызвать войну со славянскими соседями»!

«Эта провокация готовилась с ведома и поощрения Вильгельма, преподавшего совет австрийскому наследнику при свидании в Конопиште, за две недели до сараевского убийства: воспользоваться случаем, разгромить Сербию и утвердиться на Балканах. Франц-Фердинанд знал, насколько накалена атмосфера в Боснии и Герцеговине. И, отнюдь не исключено, что он как раз на нее и рассчитывал, не предполагая, конечно, что он и сам станет жертвой этой провокации» [10, с.280]. Эрцгерцог сам провоцировал сербов, рассчитывая в случае инцидента объявить войну Сербии.

Франц-Фердинанд был убит несколькими выстрелами. Его убийцами были сербы. По всей стране начались массовые сербские погромы. Тысячи человек лишились имущества, были искалечены. Разве это не могло не вызвать гневный протест Сербии?

Но Вена не ограничилась этим. Она предъявила Сербии ультиматум, обвинив ее в организации заговора. Однако каких-либо убедительных доказательств того, что террористы получили деньги и оружие из Белграда, правительство Франца-Иосифа так и не предоставило. Интересно, а если бы убийцей оказался, скажем, испанец или американец, смогла бы Вена с такой же легкостью предъявить подобный ультиматум Мадриду или Вашингтону? Думается, что нет: в этом не было политической необходимости. А вот ультиматум Сербии нужен был Габсбургам, как воздух – маленькая победоносная война со слабой Сербией казалась для Дунайской монархии панацеей от всех бед. Следовательно, сараевское убийство пришлось как нельзя кстати – «в нужном месте и в нужное время»! Русский министр иностранных дел С.Д. Сазонов писал по этому поводу: «Мне лично представляется особо нелепой попытка венского кабинета связать убийство наследного эрцгерцога с заграничным заговором после того, как политика Эренталья и рабски следовавшая за ним политика Берхтольда, накопила в самих пределах Двойственной монархии, массу горячего материала, готового вспыхнуть при первой к тому возможности» [11, с.181].

Убийца эрцгерцога Гаврила Принцип, хотя и серб по национальности, но гражданин Австро-Венгрии. Связь его с сербской, либо русской разведкой так и не доказана до сих пор. Тот факт, что ему помогал полковник Дмитриевич, еще не говорит о том, что ему помогала сербская военная разведка. Более того, психически неуравновешенный Принцип был членом фактически анархистской организации «Млада Босна». По его же собственному признанию ему было все равно в кого стрелять – лишь бы это был высокопоставленный чиновник. Судьба вручила ему в руки жизнь Франца-Фердинанда.

Для русского правительства, как и для большинства европейских правительств, было совершенно ясно, что Сербия тут ни при чем: «Непричастность сербского правительства к сараевскому преступлению была настолько очевидна, что мы не теряли надежды, что австро-венгерскому правительству придется волей или неволей, отказаться от обвинения в преступлении, из которого Сербия, к тому же, не могла извлечь не малейшей для себя пользы» [11, с.181].

Именно этот момент и является решающим. Белград не мог извлечь из убийства **ничего, кроме возможных дипломатических осложнений с Венной, а возможно и войны с Австро-Венгрией, в которой Сербия была бы неизбежно разбита.** Очень рассчитывать на помощь России, как уже говорилось выше, сербскому правительству не приходилось. Россия же, в свою очередь не была заинтересована в войне по объективным причинам - она не была к ней готова.

Можно сказать, что отдельным представителям сербского общества были присущи шовинистические настроения. К тому же веками втоптываемое в грязь национальное достоинство сербов, могло принять в итоге уродливые формы. Но обвинять в шовинизме целый народ, думается не стоит. Такие же настроения, но в гораздо большей степени были присущи гражданам Германии, Англии, Франции, России и, конечно же, Австро-Венгрии. Национальная проблема и сегодня является одной из главных проблем мирового сообщества. Так что, даже если кое-кто из видных сербских политиков и страдал националистической горячкой (как, например, начальник контрразведки полковник Драгутин Дмитриевич), ни в коей мере нельзя сказать, что это была официальная линия сербского правительства. Тем более абсурдно считать, что не располагая сколько-нибудь серьезными вооруженными силами, и не получив необходимой поддержки из России, Сербия летом 1914 года готовила войну.

Итак, сербское правительство предвидело все возможные осложнения. На его месте ни один здравомыслящий кабинет министров никогда не решился бы на политическое убийство своего противника. Счи-

тать же, что Сербией руководила кучка маньяков, для которых целью жизни было пролить «драгоценную кровь Габсбургов» просто смешно. В итоге, Австро-Венгрия и Германия были **единственными** странами объективно заинтересованными в эскалации Балканского кризиса. То, что Вена просто использовала удобный момент для того, чтобы свести счеты с Белградом – не оставляет сомнений.

Несмотря на все разумные доводы сербского и русского правительств, Австро-Венгрия начала войну. Австрийская артиллерия обстреляла Белград. Сербия являлась такой же жертвой агрессии, как и Бельгия. Да, рост панславизма способствовал тому, что сербское правительство не исключало в принципе войну, как средство разрешения споров с Австро-Венгрией. Да, амбиции Карагеоргиевичей тоже не способствовали стабилизации и мирному процессу. Но вряд ли можно обвинять сербов за то, что они решились в июле 1914 г. защищать свое отечество и независимость южных славян в целом.

Список литературы:

1. Авдеев В.А. Пролог исторической трагедии // Военно-исторический журнал. 1994. № 7.
2. Вишняков Я.В. Население Белграда совершенно терроризировано местными

войсками. Военный переворот 29 мая 1903 года // Военно-исторический журнал. 2001. № 3.

3. Вишняков Я.В. Черная рука» в сербской политике начала XX века. // Военно-исторический журнал. 2014. № 10.

4. Зайончковский А.М. Первая мировая война. – М., 2014.

5. Исламов М. Восточноевропейский фактор в исторической перспективе/ Первая мировая война пролог XX в. – М., 1998.

6. История первой мировой войны / под ред. Ростунова И.И. Т.1. – М., 1975.

7. Корсун Н.Г. Балканский фронт мировой войны 1914-1918. – М., 1939.

8. Международные отношения в эпоху империализма. серия 3 Т V М. – Л., 1935-1938.

9. Писарев Ю.А. Сербия и Черногория в первой мировой войне. – М., 1968.

10. Полетика Н.П. Возникновение мировой войны. – М., 1935.

11. Сазонов С.Д. Воспоминания. – М., 1991.

12. Строков А.А. История военного искусства. – СПб., 1997.

13. Шеремет В.И. Босфор. Россия и Турция в годы первой мировой войны. По материалам русской военной разведки. – М., 1995.

A.V. Chernikov, Candidate of Sciences, Docent, Kursk State Agricultural Academy (Kursk) (e-mail: alekseyy_chernikov@rambler.ru)

SERBIA IN THE SUMMER OF 1914: THE AGGRESSOR OR THE VICTIM?

The article analyzes one of the main reasons of the First World War – the Russian-Austrian conflict on the Balkans. It considers the war readiness of the armed forces of Austria-Hungary and Russia, and also touches upon the problem of the real culprits of the war. The main attention of the article is based on the role and importance of Serbia for the outbreak of war. The article considers the Austrian-Serbian controversy, directly leading to the emergence of the First World War.

Keywords: First World War, Serbia, Sarajevo assassination

ПРАВО

УДК 321.01

О.Л. Свеженцева, канд. ист. наук, доцент, НОУ ВПО «Региональный открытый социальный институт» (Курск) (e-mail: olga-s975@mail.ru)

НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО В СВЕТЕ ПРИМЕНЕНИЯ РЕШЕНИЙ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

В настоящей статье рассматривается проблема применений постановлений Европейского Суда по правам человека в российской правовой системе.

Ключевые слова: Конституция РФ, международные стандарты, Европейский суд по правам человека, Конвенция о защите прав человека и основных свобод.

Деятельность правового демократического государства должна осуществляться в правовых формах и согласно с правом, которое должно учитывать объективные потребности общественного развития, быть воплощением добра и справедливости.

Одним из новых источников реализации принципа самостоятельности судебной власти в Российской Федерации – это решения Европейского Суда по правам человека (далее ЕСПЧ) в виде правовых позиций, в которых последовательно вырабатываются правовые ориентиры совершенствования судебной системы с целью приведения в соответствие с международными правовыми стандартами судебной процедуры защиты прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации.

Мотивацией к применению национальными судами общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров служит надлежащая защита прав и свобод человека и гражданина внутригосударственными правовыми средствами на уровне не ниже международных стандартов.

Возможность обращения в межгосударственные органы за защитой нарушенных прав основана на том, что должно быть место, где можно найти справедливость и защиту от произвола

национальных судов и даже национальных законов. Соответственно роль межгосударственных органов по защите прав человека не ограничена выявлением лишь несправедливости судебного решения, они должны в равной мере защищать от нарушения прав человека под предлогом соблюдения закона даже в тех случаях, когда несправедливость исходит из самих законов.

Пленум Верховного суда РФ в Постановлении №5 от 10 октября 2003 г.

«О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» указал судам, что применение судами Конвенции о защите права человека и основных свобод должно осуществляться с учетом практики ЕСПЧ во избежание любого нарушения Конвенции о защите прав человека и основных свобод [3, с.30].

Учитывая, что согласно ст.18 Конституции РФ права и свободы человека являются непосредственно действующими, постановления ЕСПЧ позволяют лучше понять как правильно защищать права и свободы человека. Иными словами, знание практики ЕСПЧ позволяет прогнозировать последствия того или иного вмешательства в права и свободы человека.

ЕСПЧ стал закладываться задолго до вступления России в Совет Европы. Основываясь на Конвенции о защите прав

человека и основных свобод, ЕСПЧ требует от ее участников соблюдения и защиту прав и основных свобод человека.

Право на обращение в межгосударственные органы граждан Российской Федерации является конституционным с 1993 года.

В соответствии с ч.3 ст.46 Конституции РФ каждый вправе в соответствии с международными договорами Российской Федерации обращаться в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека, если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты [1, с.18].

Вместе с тем, право на обращение в межгосударственные органы стало широко использоваться гражданами России после принятия Федерального закона от 30 марта 1998 г. №54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней» [6, ст.1514], а также благодаря обязательной юридической природе постановлений ЕСПЧ. Следовательно, сам факт присоединения к Европейской конвенции возлагает на участвующие в ней государства обязанность привести свое законодательство в соответствие с европейскими стандартами.

Важным этапом имплементации решений ЕСПЧ в национальное право стало включение в процессуальное законодательство правовых норм о том, что решения ЕСПЧ являются новыми обстоятельствами для пересмотра решений, вступивших в законную силу.

При изложении постановлений и решений по жалобам против России ЕСПЧ ссылается на свою прецедентную практику по делам против других государств. Такой подход свидетельствует о том, что толкование норм Конвенции не находится в зависимости от субъектного состава дела, рассматриваемого ЕСПЧ, что делает прогнозируемым решение Суда. Принцип правовой определенности предполагает стабильность правового регулирования и существующих правоотношений, а игнорирование правовых позиций ЕСПЧ чревато новым нарушением положений Конвенции.

Большую надежду на то, что положения Конвенции будут применяться в соответствии с практикой ЕСПЧ давала практика Конституционного Суда РФ. Так, в п. 2.1. Постановления Конституционного Суда РФ от 5 февраля 2007 года №2-П «По делу о проверке конституционности положений статей 16, 20, 112, 336, 376, 377, 380, 381, 382, 383, 387, 388 и 389 Гражданского процессуального кодекса РФ в связи с запросом Кабинета Министров Республики Татарстан, жалобами открытых акционерных обществ «Нижекамскнефтехим» и «Хакасэнерго», а также жалобами ряда граждан» определены следующие правовые позиции: «...Конвенция о защите прав человека и основных свобод, решения Европейского Суда по правам человека - в той части, в какой ими, исходя из общепризнанных принципов и норм международного права, дается толкование содержания закрепленных в Конвенции прав и свобод, включая право на доступ к суду и справедливое правосудие, – являются составной частью российской правовой системы, а потому должны учитываться федеральным законодателем при регулировании общественных отношений и правоприменительными органами при применении соответствующих норм права» [5, с.272].

Известно, что право «живет» в окружении разнообразных социальных явлений, которые влияют на него и испытывают на себе его влияние. К таким явлениям принадлежат экономика и политика. С учетом изменившейся в отношении Российской Федерации международно-правовой обстановки, изменился и национальный подход к решениям ЕСПЧ.

Так, 15 декабря 2015 года Конституционный суд РФ получил право признавать неконституционными решения международных инстанций по жалобам против России, если они противоречат Конституции или принципам международного права. Иными словами, решения ЕСПЧ могут не исполняться, если данное их толкование противоречит основам конституционного строя и закрепленным в

Конституции правам человека. При этом надо иметь ввиду, что глава 2 Конституции РФ «Права и свободы человека и гражданина» буквально «впитала» в себя нормы международного права – Всеобщей Декларации прав и свобод человека 1948 года.

Между тем, Конституционный суд РФ пообещал, что будет использовать свое «право на возражение» лишь в «редчайших случаях» и для того, чтобы обеспечить более высокий уровень защиты прав и свобод [2].

В заключении хочется надеяться, что наметившаяся тенденция в отношении практики применения решений ЕСПЧ в национальном праве не будет столь координальной и значительной, ведь только сильная держава способна быстро реагировать на нарушения прав человека и в ответ получать поддержку и признание своих граждан.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации. – СПб.: Питер, 2011. – 64 с.
2. КС позволил не исполнять решения ЕСПЧ /Если они противоречат

Конституции или принципам международного права - Закон.ru [Электронный ресурс]. - URL: <https://zakon.ru/discussion> (дата обращения: 15.01.2016).

3. Постановление Пленума Верховного суда РФ от 10 октября 2003 г. №5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» //Сборник Постановлений Пленума Верховного суда Российской Федерации. 1976-2011. – М.: Изд-во «Юридическая литература», 2011г. – 494 с.

4. Свеженцева О.Л. Судебная власть в системе власти и права// Провинциальные научные записки. 2015. №2. – С.24-27.

5. Султанов А.Р. Европейские правовые стандарты, уроки истории и правоприменительная практика. – М.: Статут, 2012. – 335с.

6. Федеральный закон от 30.03.1998 г. №54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и протоколов к ней» // СЗ РФ. 1998. №14. Ст.1514.

O.L. Svezhentseva, Candidate of Sciences, Docent, Regional Open Social Institute (Kursk) (e-mail: olga-s975@mail.ru)

JUDICIARY IN THE LIGHT OF APPLYING DECISIONS OF THE EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS

This article is devoted to the problems of application of the European Human Rights Court's statements in the russian legal system.

Keywords: *Constitution RF, international standards, European Court of Human Rights, the Convention for the protection of human rights and fundamental freedoms.*

УДК 343.98

А.В. Самойлов, канд. юрид. наук, доцент, НОУ ВПО «Региональный открытый социальный институт» (Курск) (e-mail: samojl@mail.ru)

МЕСТО МЕХАНИЗМА СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СИСТЕМЕ НАУЧНЫХ КАТЕГОРИЙ КРИМИНАЛИСТИКИ

В статье проведен анализ существующих определений механизма совершения преступления, а также на основе проведенного анализа автором формулируется собственное определение данной научной категории.

Ключевые слова: механизм совершения преступления, структура механизма преступления, научные категории криминалистики.

В настоящее время механизм совершения преступления является одной из основных научных категорий криминалистики. Многими учеными-криминалистами были сделаны попытки сформулировать определение данного понятия. Приведем некоторые из них.

А.Н. Васильев: «Механизм преступления – процесс совершения преступления, в том числе его способ и все действия преступника, сопровождающиеся образованием следов материальных и нематериальных, могущих быть использованными для раскрытия и расследования преступлений» [3, с. 8].

О.Л. Дубовик: «Механизм преступного поведения представляет собой динамическое явление, определенное взаимодействием составляющих его элементов» [8, с. 31].

В.А. Образцов: «Механизм преступления – реализуемая в определенных условиях, выражении, направленности и последовательности динамическая система противоправных поведенческих актов и обусловленных ими явлений, имеющих криминалистическое значение» [9, с. 20].

В.Н. Кудрявцев: «Механизм преступного поведения – связь и взаимодействие внешних факторов объективной действительности и внутренних, психических процессов и состояний, детерминирующих решение совершить преступление, направ-

ляющих и контролирующих его исполнение» [5, с. 30].

В.Я. Колдин: «Механизм преступления – совокупность взаимодействующих материальных систем и процессов, образующих расследуемое событие и обуславливающих возникновение источников криминалистической информации» [2, с. 333–334].

Р.С. Белкин: «Механизм преступления – сложная динамическая система, определяющая содержание преступной деятельности» [1, с. 41].

Г.М. Меретуков: «Механизм преступления – стройная динамически взаимосвязанная система криминалистически значимых элементов преступной деятельности субъекта, которые обуславливают возникновение источников криминалистически значимой информации и предоставляют возможность следователю распознать природу и само это явление» [7, с. 19].

А.М. Кустов: «Механизм преступления – система процессов взаимодействия участников преступления, как прямых, так и косвенных, между собой и с материальной средой, сопряженных с использованием соответствующих орудий, средств и иных отдельных элементов обстановки. Механизм преступления закономерно обуславливает возникновение криминалистически значимой информации о самом преступлении, его участниках и результатах» [6, с. 27].

Н.П. Яблоков: «Механизм преступления – временной и динамический порядок

связи отдельных этапов, обстоятельств, факторов подготовки, совершения и сокрытия следов преступления, позволяющих воссоздать картину процесса его совершения» [4, с. 41].

Анализируя данные определения, можно сделать вывод, что каждое из них содержит в себе три структурных элемента: сущность механизма совершения преступления; его содержание; предназначение.

I. Что касается **сущности** механизма совершения преступления, в приведенных дефинициях содержатся следующие мнения.

а) механизм совершения преступления – это определенная *система* (совокупность) (В.А. Образцов, В.Я. Колдин, Р.С. Белкин, Г.М. Меретуков, А.М. Кустов), то есть что-то целое, определенное единство закономерно размещенных в определенном образовании и находящихся во взаимосвязи частей; объединение отдельных элементов в единое целое, с определением и обоснованием места каждого из элементов;

б) механизм совершения преступления – система *сложная* (Р.С. Белкин). Иначе говоря, механизм совершения преступления – система, включающая в себя нескольких разноплановых частей, многообразных и оказывающих взаимное влияние друг на друга;

в) большинство приведенных определений содержат характеристику механизма преступления как явления *динамического* (О.Л. Дубовик, В.А. Образцов, Р.С. Белкин, Г.М. Меретуков, Н.П. Яблоков). Это говорит о том, что анализируемое явление подвижно; его сущность проявляется только тогда, когда все включаемые в него элементы рассматриваются во взаимовлиянии друг на друга и взаимодействии друг с другом.

Несколько иначе высказали данное мнение А.Н. Васильев и А.М. Кустов. Согласно их точке зрения, механизм совершения преступления представляет собой *процесс*, то есть развитие, ход анализируемой системы, последовательную совокупность состояний в развитии данного явления. Любой процесс, происходящий в объективной реальности, имеет определенные вре-

менные рамки и характеризуется последовательностью в смене состояний объектов, участвующих в нем. Это же можно сказать и о механизме совершения преступления: совершая преступление, субъект производит определенные операции, действия, которые закономерно сменяют друг друга и в конечном итоге приводят к достижению преступного результата;

г) механизм совершения преступления – порядок *взаимодействия (связи)*. Систему взаимодействующих и взаимосвязанных элементов характеризует отношение взаимной зависимости, обусловленности, общности между входящими в него элементами (В.Н. Кудрявцев, А.М. Кустов, Н.П. Яблоков).

II. **Содержание** механизма совершения преступления. Принимая во внимание представления о содержании анализируемой научной категории, все рассматриваемые определения можно разделить на две группы.

К *первой группе* можно отнести такие дефиниции механизма совершения преступления, которые либо вообще не включают сведения о его структурных элементах (Р.С. Белкин), либо фиксируют содержание данного понятия в самом общем виде, указывая только на наличие его структурных элементов, не называя их (О.Л. Дубовик).

К данной группе можно отнести и определения, в которых только обозначаются отдельные элементы анализируемого понятия, но об их сущности информации не содержится. К таковым можно отнести определения Г.М. Меретукова, где указывается, что механизм совершения преступления – совокупность элементов преступной деятельности субъекта, и В.Я. Колдина, где в качестве составляющих указаны материальные системы и процессы.

Ко *второй группе* относятся понятия, где некоторые структурные элементы рассматриваемой научной категории не только названы, но и в определенной степени конкретизируется их понятие, значение и структура. Здесь можно выделить два критерия классификации указанных элементов:

1. По привязке их к участникам преступления:

а) Субъективные элементы. К данной группе могут относиться:

- «сами участники преступления» (в определении А.М. Кустова);
- «внутренние, психические процессы и состояния участников преступления» (В.Н. Кудрявцев);
- «поведенческие акты участников преступления» (В.А. Образцов).

б) Элементы объективного характера:

- «явления, обусловленные поведенческими актами» (В.А. Образцов);
- «внешние факторы объективной действительности» (В.Н. Кудрявцев);
- «материальная среда; отдельные элементы обстановки преступления» (А.М. Кустов);
- «способ совершения преступления» (А.Н. Васильев).

2. По зависимости их от стадий совершения преступления. Н.П. Яблоков в качестве таких элементов выделяет «этапы, обстоятельства, факторы:

- подготовки преступления;
- его совершения;
- сокрытия его следов» [4, с. 41].

III. **Предназначение** механизма совершения преступления. В отношении предназначения анализируемого понятия высказаны следующие точки зрения:

1. Механизм совершения преступления может оказывать влияние на возникновение криминалистически значимой информации (А.Н. Васильев, В.А. Образцов, В.Я. Колдин, Г.М. Меретуков, А.М. Кустов).

2. Познание механизма совершения преступления может оказать помощь в определении содержания преступной деятельности (Р.С. Белкин, Н.П. Яблоков, Г.М. Меретуков).

Не содержится указанного структурного элемента механизма совершения преступления в определении, сформулированном О.Л. Дубовик.

Из проведенного анализа закономерно и обоснованно вытекает, что механизм

совершения преступления может быть рассмотрен с двух следующих позиций.

Первая позиция заключается в том, что механизм совершения преступления – это совокупность определенных элементов, и для их анализа данное понятие необходимо рассмотреть «в статике», не касаясь их взаимосвязи, взаимодействия и взаимообусловленности. С этой позиции возможно предложить следующую совокупность элементов механизма совершения преступления:

I. Элементы, характеризующие предпосылки формирования преступного замысла, мыслительную деятельность субъекта преступной деятельности, направленную на осознание им цели, которую он желает достичь в процессе жизнедеятельности, путей ее достижения, принятие им преступного пути достижения поставленной цели как единственно возможного или предпочтительного для него; обдумывание оптимального образа своих действий, которые неизбежно или наиболее вероятно приведут к достижению желаемого.

II. Элементы, в рамках которых происходит привлечение, использование субъектом объектов, вещей материального характера в целях планирования преступления, реализации преступного замысла, получения желаемого (или его неполучения в силу объективных и субъективных причин), а также сокрытие следов преступления и достигнутого преступным путем.

Вторая позиция заключается в восприятии и характеристике механизма совершения преступления именно во взаимосвязи отдельных его элементов и факторов. Указанные взаимосвязи и взаимодействия могут проявляться в этапах механизма совершения преступления, которыми могут быть:

- появление предпосылок зарождения преступной идеи;
- формирование преступного замысла;
- осознание, что преступление является единственно возможным или оптимальным именно для данного субъекта способом получения удовлетворения определенной потребности;

- планирование преступных действий;

- взаимодействие с другими лицами в целях оптимизации пути, средств и сроков получения желаемого (в том числе в ситуации неосведомленности указанных лиц о целях взаимодействия с ними);

- использование материальных объектов (приискание орудий совершения преступления, технических средств, которые возможно использовать для взлома преград, завладения определенными объектами, транспортных средств и т.п.);

- реализация преступного замысла (совершение запланированных либо спонтанных действий, направленных на достижение преступного результата);

- наступление последствий деятельности преступника (достижение им желаемого; прекращение преступником своей деятельности; пресечение преступной деятельности другими лицами; реализация полного комплекса запланированных мероприятий, но недостижение поставленной цели в силу различных причин);

- посткриминальное поведение субъекта (сокрытие следов преступления, реализация похищенного, сокрытие достигнутого результата или сокрытие способа его получения и т.п.).

Значение механизма совершения преступления как научной категории криминалистики, а точнее, познания его в процессе криминалистической деятельности, проявляется в том, что полученные в процессе познания сведения помогут оптимизировать пути расследования тех преступных событий, которые будут совершаться в дальнейшем.

Принимая во внимание сказанное выше, представляется возможным констатировать, что при формулировке определения механизма совершения преступления необходимо придерживаться следующего.

На наш взгляд, в определении механизма совершения преступления должны содержаться все три рассмотренных структурных элемента, при этом в первом должны быть отражены указания на системность,

сложность, динамичность рассматриваемого явления, на отношение взаимной зависимости и обусловленности между его элементами. Второй элемент должен включать упоминание об обстоятельствах как объективного, так и субъективного характера. Третий структурный элемент должен включать в себя обе приведенные позиции о предназначении механизма совершения преступления.

Итак, *механизм совершения преступления – это системный, сложный, динамический порядок взаимодействия криминалистически значимых элементов преступной деятельности субъекта и факторов объективной действительности, определяющий содержание преступной деятельности и обуславливающий возникновение криминалистически значимой информации.*

Список литературы

1. Белкин Р.С. Криминалистика. Краткая энциклопедия. – М.: БРЭ, 1993. – 111 с.
2. Колдин В.Я. Криминалистика социалистических стран. – М.: Юрид. лит., 1986. – 517 с.
3. Криминалистика / Под ред. А.Н. Васильева. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1971. – 564 с.
4. Криминалистика: Учебник / Отв. ред. Н.П. Яблоков. – М.: Юрист, 1999. – 718 с.
5. Кудрявцев В.Н. Природа преступного поведения и его механизм // Механизм преступного поведения. – М., 1981. – 248 с.
6. Кустов А.М. Криминалистическое учение о механизме преступления. – Дисс... д-ра юрид. наук. – М., 1997. – 355 с.
7. Меретуков Г.М. Криминалистические проблемы борьбы с наркобизнесом организованных преступных групп. – М., 1995. – 383 с.
8. Механизм преступного поведения. – М., 1981. – 248 с.
9. Образцов В.А. О некоторых перспективах интеграции и дифференциации знаний в криминалистике // Актуальные проблемы советской криминалистики. – М., 1979. – 102 с.

A.V. Samoylov, Candidate of Sciences, Docent, Regional Open Social Institute (Kursk) (e-mail: samojl@mail.ru)

PLACE THE MECHANISM OF THE CRIME IN THE SYSTEM OF SCIENTIFIC CATEGORIES OF CRIMINALISTICS

The article analyzes the existing definitions of the mechanism of the commission of crime, as well as on the basis of the analysis conducted by the author formulated own definition of the scientific category.

Key words: *mechanism of committing a crime, the crime structure of the mechanism, research category criminalistics.*

УДК 343.98

А.В. Самойлов, канд. юрид. наук, доцент, НОУ ВПО «Региональный открытый социальный институт» (Курск) (e-mail: samojl@mail.ru)

О.М. Тригуб, юрист 1 класса, дознаватель, Отдел судебных приставов по Курскому району УФССП России по Курской области (Курск) (e-mail: triolja@mail.ru)

ПРЕДМЕТ ДОКАЗЫВАНИЯ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ: СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ

В статье проведен анализ таких научных категорий, как предмет доказывания и криминалистическая характеристика преступлений, а также рассмотрены вопросы о соотношении указанных понятий.

Ключевые слова: предмет доказывания по уголовному делу, криминалистическая характеристика преступлений, научные категории криминалистики.

В уголовно-процессуальной и криминалистической доктрине под предметом доказывания принято понимать «совокупность подлежащих установлению с помощью доказательств фактов и обстоятельств, имеющих значение для правильного разрешения уголовного дела» [6, с. 114].

В соответствии со статьей 73 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, при производстве дознания, предварительного следствия и разбирательстве уголовного дела в суде подлежит доказыванию:

- событие преступления (время, место, способ и другие обстоятельства совершения преступления);
- виновность лица в совершении преступления, форма его вины и мотивы;
- обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого;
- характер и размер вреда, причиненного преступлением;
- обстоятельства, исключающие преступность и наказуемость деяния;
- обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание;
- обстоятельства, которые могут повлечь за собой освобождение от уголовной ответственности и наказания;
- обстоятельства, подтверждающие, что имущество, подлежащее конфискации в соответствии со статьей 404.1 Уголовного

кодекса Российской Федерации, получено в результате совершения преступления или является доходами от этого имущества либо использовалось или предназначалось для использования в качестве орудия, оборудования или иного средства совершения преступления либо для финансирования терроризма, экстремистской деятельности (экстремизма), организованной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации);

- обстоятельства, способствовавшие совершению преступления.

УПК устанавливает также и специальный предмет доказывания:

1. При производстве предварительного следствия и судебного разбирательства по делам несовершеннолетних подлежат доказыванию, помимо перечисленных в статье 73 Уголовно-процессуального кодекса РФ, следующие обстоятельства:

- возраст несовершеннолетнего, число, месяц и год рождения;
- условия жизни и воспитания несовершеннолетнего, уровень психического развития и иные особенности его личности;
- влияние на несовершеннолетнего старших по возрасту лиц.

2. По делам в отношении лиц, совершивших запрещенное уголовным законом деяние в состоянии невменяемости, или лиц, у которых после совершения преступления

наступило психическое расстройство, делающее невозможным назначение наказания или его исполнение, подлежат выяснению следующие обстоятельства:

- время, место, способ и другие обстоятельства совершенного деяния;
- совершено ли деяние, запрещенное уголовным законом, данным лицом;
- характер и размер вреда, причиненного деянием;
- наличие у данного лица психических расстройств в прошлом, степень и характер психического заболевания в момент совершения деяния, запрещенного уголовным законом, или во время производства по уголовному делу;
- связано ли психическое расстройство лица с опасностью для него или других лиц либо возможностью причинения им иного существенного вреда.

Вопросы понятия и структуры второго сравниваемого в данной статье понятия – криминалистической характеристики преступлений – неоднократно были затронуты нами в научных статьях [4, с. 149–157].

По поводу соотношения понятий «Криминалистическая характеристика преступления» и «Предмет доказывания» учеными–криминалистами принимаются неоднозначные позиции.

Так, Н.П. Яблоков и соавторы, вопросы предмета доказывания в понятие криминалистической характеристики преступления не включили, тем самым признав неравнозначность этих определений [2, с. 61].

Другие ученые, например, И.А. Возгрин, не выделяют предмет доказывания в качестве самостоятельного элемента частной методики и, соответственно, также не относят его к элементам криминалистической характеристики преступления [1, с. 67].

По нашему мнению, названные понятия считаться равнозначными не могут. Рассмотрим вопрос об их соотношении.

Сам термин «Соотношение» состоит из трех структурных элементов: а) сходство; б) различие; в) взаимодействие. По этой схеме мы и будем рассматривать соотноше-

ние понятий «Криминалистическая характеристика преступления» и «Предмет доказывания».

I. Сходство рассматриваемых понятий состоит в том, что: а) оба этих понятия служат одной цели – эффективному расследованию и раскрытию преступлений; б) криминалистическая характеристика преступлений включает в себя некоторые элементы, входящие в структуру предмета доказывания.

II. Перейдем к вопросу о различии этих понятий.

Анализируя мнения ученых–криминалистов, в частности, Н.И. Николаича [3, с. 180–186], и формулируя собственные представления по данному вопросу, можно выделить следующие черты различия анализируемых понятий.

1. Как уже было сказано, некоторые элементы криминалистической характеристики преступления и предмета доказывания сходны между собой. Однако они в криминалистической характеристике преступления играют несколько иную роль, нежели в предмете доказывания.

2. Обстоятельства предмета доказывания необходимо устанавливать в процессе расследования уголовного дела. Эти же обстоятельства, выступающие в качестве элемента криминалистической характеристики преступления, известны к началу расследования конкретного преступления и должны использоваться в процессе доказывания по конкретным преступлениям.

3. Предмет доказывания – определенная законом совокупность фактов, имеющих юридическое значение. Криминалистическая характеристика преступления объединяет информацию об обстоятельствах, не имеющих уголовно-правового значения, но могущих служить основанием для установления наличия или отсутствия данных фактов.

4. Структурные элементы криминалистической характеристики преступлений – предмет познания в рамках криминалистической деятельности, обстоятельства же, которые лежат в основе принимаемых решений

по установленным элементам предмета доказывания – результат процессуальной деятельности по их подтверждению или опровержению. Получение информации об элементах предмета доказывания происходит путем собирания, проверки, оценки и использования доказательств в рамках предварительного расследования; получение информации об элементах криминалистической характеристики преступлений производится в результате обобщения следственной и судебной практики.

5. Элементы предмета доказывания сформулированы законодателем применительно не к делу в целом, а к каждому проходящему по делу обвиняемому в отдельности, за некоторым исключением. Каждый элемент криминалистической характеристики преступлений же привязывается именно к самому преступлению.

6. В предмете доказывания прослеживается определенная последовательность в расположении его элементов, в криминалистической характеристике этого нет.

7. Целесообразно также отметить, что выделяются определенные уровни криминалистической характеристики преступлений, чего нельзя сделать в отношении предмета доказывания, который формулируется для каждого отдельно взятого дела.

8. Предмет доказывания не рассматривает закономерных связей между элементами, а в криминалистической характеристике преступлений это чрезвычайно важно.

9. Криминалистическая характеристика преступлений используется только в криминалистической науке, тогда как предмет доказывания – процессуальный институт.

III. Рассмотрим основные направления взаимодействия криминалистической характеристики преступления и предмета доказывания.

Входящие в структуру криминалистической характеристики преступлений элементы устанавливаются в конечном итоге именно для того, чтобы правильно установить обстоятельства, подлежащие доказыва-

нию по уголовному делу. О законности процедур установления данных обстоятельств в научных публикациях содержится большое количество мнений. В частности, научный и практический интерес вызывает статья М.В. Табакаръ и А.М. Черкашиной, где подробно рассмотрена одна из таких процедур [5, с. 44-47].

Содержание криминалистической характеристики составляют данные о двух видах обстоятельств: составляющих содержание предмета доказывания конкретного уголовного дела и выходящих за его пределы, но имеющих значение для успеха доказывания и основанного на нем раскрытия преступлений.

Итак, криминалистическая характеристика преступления и предмет доказывания – понятия, все-таки не тождественные, не заменяющие и не поглощающие друг друга. Смещение этих понятий может повлечь за собой подмену доказательств данными, имеющими лишь познавательно-тактическое значение, и связанные с этим следственные и судебные ошибки. Поэтому оно и недопустимо ни в теории, ни в практике расследования и раскрытия преступлений.

Список литературы

1. Возгрин И.А. Криминалистические характеристики преступлений и следственные ситуации в системе частных методик расследования // Следственная ситуация: Сборник научных трудов. – М., 1984. – С. 66–70.
2. Криминалистика: Учебник / Под ред. Н.П. Яблокова. – М.: Юрист, 2005. – 781 с.
3. Николайчик Н.И. О соотношении понятий «криминалистическая характеристика преступлений» и «предмет доказывания» // Криминалистическая характеристика преступлений. – М., 1984. – С. 180–186.
4. Самойлов А.В. Криминалистическая характеристика преступлений: история и современное состояние проблемы // Ученые записки РОСИ. Выпуск 7. Серия: Проблемы теории и практики борьбы с преступностью / Отв. ред. В.К. Дуюнов, В.В. Заха-

пов. – Курск: Издательство РОСИ, 2001. – С. 149-157.

5. Табакаръ М.В., Черкашина А.М. Процессуальные особенности осмотра места преступления без понятых: вопросы теории и практики // Провинциальные научные запис-

ки: Научный журнал. – 2015. – № 2. – С. 44-47.

6. Уголовный процесс России: учебное пособие / Под ред. З.Ф. Ковриги, Н.П. Кузнецова. – Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2003. – 453 с.

A.V. Samoylov, Candidate of Sciences, Docent, Regional Open Social Institute (Kursk) (e-mail: samojl@mail.ru)

O.M. Trigub, lawyer of 1 class, investigator Department of bailiffs of the Kursk area UFSSP of Russia across Kursk region (Kursk) (e-mail: triolja@mail.ru)

THE SUBJECT OF EVIDENCE CRIME AND FORENSIC CHARACTERISTICS OF CRIMES: THE RELATIONSHIP BETWEEN THE CONCEPTS

The article analyzes the scientific categories such as subject of proof and forensic characteristics of crimes, as well as the issues of the relationship between these concepts.

Key words: *subject of proof in a criminal case, forensic characterization of crimes, forensics science category.*

СОБЫТИЯ

НА ПУТИ К НОВОМУ КАЧЕСТВУ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ: ЗАПУСК МЕЖДУНАРОДНОГО НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЕКТА «РАЗВИТИЕ ПРИКЛАДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПОСРЕДСТВОМ УЧЕБНОЙ И ИННОВАЦИОННОЙ КООПЕРАЦИИ» (Брюссель, 19 февраля 2016 г.)

Современный взгляд на высшее образование постулирует исключительную важность его конкурентоспособности, т.е. способности адаптироваться к изменяющимся социально-культурным и экономическим реалиям. Сегодня, в условиях формирования постиндустриального мира, специалист должен владеть не только необходимой суммой фундаментальных и специальных знаний, но и определёнными навыками творческого решения практических задач, постоянно повышать свою квалификацию, оперативно реагировать на вызовы времени. Все эти качества воспитываются через активное участие студентов в научно-исследовательской работе, которая на современном этапе приобретает все большее значение и превращается в один из основных компонентов профессиональной подготовки будущего специалиста. В то же время, далеко не все вузы располагают эффективными механизмами вовлечения студентов в исследовательскую деятельность. Разработка инструментария по внедрению исследовательских компонентов в учебный процесс, а также распространение имеющегося положительного опыта – важная задача современных вузов.

Изложенные обстоятельства определили значительный интерес к развитию НИРС со стороны авторитетных международных организаций в области высшего образования. Самым свежим примером тут является проект «Applied Research Capacity through Training and Innovative Cooperation» («Развитие прикладных исследований посредством учебной и инновационной кооперации»), который был инициирован представителями РОСИ в 2015 г. и одобрен на заседании рабочей группы Европейской ассоциации организаций высшего образования (EURASHE) в Брюсселе 19 февраля 2016 г. В проекте участвуют образовательные организации из шести стран (Бельгии, Германии, России, Португалии, Чехии, Мальты), Россию представляет Региональный открытый социальный институт. Целью проекта является освоение передового опыта вузов Европейского союза, а также стран-партнеров по приобщению студентов к научной работе, а также тиражирование наиболее успешных практик такого рода. Проект предполагает аналитическую составляющую (анализ влияния сложившихся образовательных традиций на уровень научно-исследовательской активности студентов в разных странах Евросоюза и государствах-партнерах; установление степени корреляции между формированием инновационной среды в образовательном пространстве и научно-исследовательской активностью студентов; изучение систем вовлечения студентов в научно-исследовательскую деятельность в европейских вузах; рассмотрение возможностей тиражирования наиболее успешных европейских практик в странах-партнерах, в том числе России), а также комплекс практических мероприятий для развития прикладной НИРС в участвующих вузах. Последние включают в себя формирование внутри вузов исследовательских коллективов из студентов, курирующих их преподавателей, а также сотрудников предприятий-партнеров, которые будут воплощать те или иные инновационные проекты, а также стажировки этих коллективов в «гостях у коллег по проекту», т.е. на базе вузов-партнеров. Еще один важный аспект проекта – создание общей базы лучших практик в сфере организации НИРС, которую планируется разместить на специально создаваемом портале к 2017 г. и затем постоянно пополнять.

Общий планируемый срок реализации проекта – три года. Будучи реализованным, он серьезно обогатит научно-исследовательскую жизнь участвующих в нем вузов, выведет ее на новый уровень развития, а студентам и преподавателям Регионального открытого социального института даст ценный опыт общения и сотрудничества с коллегами из других стран.

А.В. Апанасенок,

д-р ист. наук, проректор по науке и международным связям
НОУ ВПО «Региональный открытый социальный институт»

**НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«ТРАДИЦИОННАЯ ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА РОССИИ:
ИЗ ПРОШЛОГО В БУДУЩЕЕ»
(Курск, 30 марта 2016 г.)**

Стало доброй традицией участие Регионального открытого социального института в организации и проведении приобретшего международный статус форума «Научно-образовательные Знаменские чтения». В этом году он проводился в двенадцатый раз. 30 марта 2016 г. в РОССИ в рамках обозначенного форума состоялась научно-практическая конференция «Традиционная духовная культура России: из прошлого в будущее». Также по традиции открыл конференцию и приветствовал ее участников ректор института В.Н. Петров. В своем слове он подчеркнул актуальность и значимость обозначенных для обсуждения на конференции проблем, связанных с духовными основами российского общества, ролью традиционных ценностей в нем, историей и перспективами развития российской культуры, а также ее сохранением в условиях модернизации и научно-технического прогресса.

В мероприятии приняло участие около 50 человек, среди которых – представители Курской Епархии, сотрудники и студенты РОССИ, гости из Юго-Западного государственного университета, дошкольных образовательных учреждений, Курской библиотеки для слепых.

Среди докладчиков оказались представлены историки, психологи, педагоги, философы, библиотекари, воспитатели. Тон ходу конференции задало выступление ее почетного гостя – магистра богословия, проректора по учебной работе КурПДС, иерея Павла Лизгунова, подчеркнувшего актуальность проблемы выбора путей развития и их ценностного содержания на современном витке истории.

Проректор по науке и международным связям института, д.и.н, профессор А.В. Апанасенок познакомил присутствующих с достижениями коллектива РОССИ в области изучения традиционной конфессиональной культуры Курского края.

Яркие впечатления у слушателей оставило выступление профессора Л.М. Ахметзянова, рассказавшего об особенностях народного музыкального творчества и его роли в сохранении духовной культуры русского народа.

Интересным и познавательным стало выступление представителей коллектива детского сада №120 г. Курска воспитателей И.Ю. Вонгай, М.Н. Тарыкиной, педагога-психолога И.В. Вьюшковой под руководством зам. заведующего по учебно-воспитательной работе ДОУ О.А. Костиковой. Раскрывая возможности ДОУ в духовном воспитании детей дошкольного возраста, участникам конференции была представлена экспозиция, позволяющая познакомиться с результатами совместного «живого прикосновения» к древним традициям курян педагогов, дошкольников и их родителей. Здесь можно было увидеть изделия из глины, дерева, кожи, вышивки различным

способом, вязанные, плетеные вещи и даже книги ручной работы. И это только лишь небольшая часть такой важной работы.

Никого не оставило равнодушным выступление сотрудника Курской библиотеки для слепых имени В.С. Алехина Н.А. Малыхиной, отразившее опыт духовного просвещения и приобщения к православной культуре инвалидов по зрению. Инвалидность – тяжелое испытание для человека и его близких, лишь вера дает силы не впасть в отчаяние, преодолеть недуг и искушения. В библиотеке в этом направлении ведется большая работа: организован фонд православной литературы, где представлены книги на разных носителях информации; собственными силами издана серия «говорящих книг» под общим названием «Курские святыни»; установлено сотрудничество со Свято-Троицким женским монастырем, воскресной школой Храма Всех Святых; развивается направление туротерапии, где для взрослых и детей организуются адаптированные экскурсии по православным святыням Курского края; запущен серьезный проект, призванный помочь инвалидам по зрению «увидеть» образы святых, – «Мир через икону», в рамках которого совместно с Детской школой искусств с. Рышково Курского района Курской области уже создано несколько тактильных икон, соответствующих канонам православной церкви.

Оживленное обсуждение аудитории вызвали доклады зав. кафедрой психолого-педагогического образования и психологии, к.пед.н. С.А. Кононовой, доцента кафедры психолого-педагогического образования и психологии, к.пед.н. И.Н. Саталкина, доцента кафедры гуманитарных дисциплин, к.и.н. Н.В. Хряковой, затронувшие проблемы развития педагогического знания и воспитания в современной России.

Неотъемлемым атрибутом мероприятий РОСИ давно стало активное участие студенчества в обсуждении проблем сохранения и приумножения духовного богатства России, что послужило основой проведения круглого стола на тему «Традиционные ценности в современном мире: проблема выбора молодежи», в котором было представлено девять основных докладов. Молодые исследователи обсудили ценности современной семьи, возможности использования традиций народной культуры в формировании и развитии различных сфер личности подрастающего поколения, проблемы сохранения культурно-исторических традиций в различных областях социальной жизни общества (вплоть до парикмахерского искусства) и многие другие важные проблемы культурной жизни современной России.

Администрация РОСИ благодарит преподавателей, принявших активное участие в организации конференции и подготовке студентов. В оценке прошедшего события его участники и наблюдатели оказались единодушны: традиции бережного отношения и внимательного изучения основ духовного развития общества в РОСИ – живут!

С.А. Кравченко,

*канд. пед. наук, начальник научно-исследовательского отдела
НОУ ВПО «Региональный открытый социальный институт»*

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

1. К публикации в «Провинциальных научных записках» принимаются актуальные материалы, содержащие новые результаты научных и практических исследований, не опубликованные ранее и не переданные в редакции других журналов.

2. Объем статьи, как правило, составляет от 6 до 10 страниц печатного текста, включая иллюстрации и таблицы.

3. Авторы статей должны представить в редакцию журнала:

- печатный вариант статьи, подготовленной в соответствии с настоящими правилами оформления,

- ее электронную версию;

- сведения об авторе (авторах) (фамилия, имя отчество, место работы, должность, ученая степень, звание, почтовый адрес, телефон, e-mail);

- по запросу редколлегии - разрешение на опубликование в открытой печати статьи от учреждения, в котором выполнена работа

4. Бумажный вариант статьи подписывается всеми авторами, что означает их согласие на передачу Институту прав на распространение материалов статьи с помощью печатных и электронных носителей информации.

5. Редакция не принимает к рассмотрению рукописи, оформленные не по правилам.

6. Основной текст рукописи статьи (кроме аннотации и ключевых слов) набирают в текстовом редакторе MS WORD шрифтом «Times New Roman» размером 14 пт с одинарным интервалом, выравнивание по ширине. Поля с левой стороны листа, сверху и снизу – 2,5 см, с правой стороны – 2 см. Абзацный отступ – 1,5 см.

7. Схема построения публикации: УДК (индекс по универсальной десятичной классификации), фамилия и инициалы автора(ов) с указанием ученой степени, звания, места работы (полностью), электронного адреса (телефона), название (полужирный, прописные), аннотация и ключевые слова, текст с рисунками и таблицами, литература. Авторы, название, аннотация и ключевые слова приводятся на русском и английском языках.

Перед основным текстом печатается краткая аннотация курсивом, отражающая краткое содержание статьи.

Например:

УДК 093.9

И.П. Кузнецов, канд. техн. наук, доцент, НОУ ВПО «Региональный открытый социальный институт (Курск) (e-mail: kuznetcov@gmail.com)

ФЕНОМЕН ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ КАК ПРЕДМЕТ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

В статье рассматриваются различные подходы к анализу специфики постиндустриального общества. Автор рассматривает три основные концепции, представленные в отечественной гуманитарной науке и призванные объяснить феномен постиндустриальной цивилизации.

Ключевые слова: парадигма, постиндустриальное общество, социальные отношения, информация.

8. При формировании текста не допускается применение стилей, а также внесение изменения в шаблон или создание собственного шаблона. Слова внутри абзаца следует разделять одним пробелом; набирать текст без принудительных переносов; не допускаются разрядки слов.

9. При наборе формул и переменных следует учитывать, что полоса набора – 75 мм. Если формула имеет больший размер, ее необходимо упростить или разбить на несколько строк. Формулы, внедренные как изображение, не допускаются!

Все русские и греческие буквы (Ω , η , β , μ , ω , ν и др.) в формулах должны быть набраны прямым шрифтом. Обозначения тригонометрических функций ($\sin$, $\cos$, $\tg$ и т.д.) – прямым шрифтом. Латинские буквы – прямым шрифтом.

Статья должна содержать лишь самые необходимые формулы, от промежуточных выкладок желательно отказаться.

10. Размерность всех величин, принятых в статье, должна соответствовать Международной системе единиц измерений (СИ).

11. Рисунки и таблицы располагаются по тексту. Таблицы должны иметь тематические заголовки. Иллюстрации, встраиваемые в текст, должны быть выполнены в одном из стандартных форматов (TIFF, JPEG, PNG) с разрешением не ниже 300 dpi и публикуются в черно-белом (градации серого) варианте. Качество рисунков должно обеспечивать возможность их полиграфического воспроизведения без дополнительной обработки. Рисунки, выполненные в MS Word, недопустимы.

Рисунки встраиваются в текст через опцию «Вставка-Рисунок-Из файла» с обтеканием «В тексте» с выравниванием по центру страницы без абзацного отступа. Иные технологии вставки и обтекания не допускаются.

12. Список литературы к статье обязателен и должен содержать все цитируемые и упоминаемые в тексте работы. Пристатейные библиографические списки оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008. «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления». Ссылки на работы, находящиеся в печати, не допускаются. При ссылке на литературный источник в тексте приводится порядковый номер работы в квадратных скобках.

13. В материале для публикации следует использовать только общепринятые сокращения.

Все материалы направлять по адресу: 305009, г.Курск, ул. Маяковского, 85. РОСИ, научно-исследовательский отдел.

Тел.(4712) 34-38-48, тел/факс (4712) 34-38-48

E-mail: nio@rosi-edu.ru